

[Polaris]

ФЛОЙД ГИББОНС

КРАСНЫЙ
НАПОЛЕОН

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXV

Salamandra P.V.V.

**Флойд
ГИББОНС**

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОН

Salamandra P.V.V.

Гиббонс Ф.

Красный Наполеон. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. — 247 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXV. Факсимильное издание).

«Красный Наполеон» — фантастический роман, написанный в жанре альтернативной истории и использующий темы «желтой» и «красной» опасностей. В центре романа — советский военачальник Иван Карахан, который приходит к власти в СССР после убийства И. Сталина в 1932 г. Став диктатором, Карахан ведет советско-азиатские орды на завоевание мира и покоряет одну страну и континент за другим, пока не сталкивается в решающем конфликте с Соединенными Штатами.

Флойд Гиббонс (1887-1939) — знаменитый американский военный репортер, радиоведущий и сценарист; освещал бои на фронтах Первой Мировой войны (где потерял глаз), мексиканскую революцию, голод в Поволжье, итальянское вторжение в Эфиопию и гражданскую войну в Испании.

© Author, estate, 2020

© Salamandra P.V.V., оформление, 2020

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОН

ФЛОЙДЪ ГИВОНСЪ

—

КРАСНЫЙ НАПОЛЕОНЪ

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1 9 3 0

Печатано въ типографіи «ГРАМАТУ ПРАУТСЬ»
Рига, Петропавловская плоча 25-27.

Сегодня 17 июля 1941 года.

Со дня окончанія войны между Соединенными Штатами Америки и Мировымъ Союзомъ Советскихъ Республикъ прошло ровно пять лѣтъ.

Я сижу на верандѣ стараго отеля на одномъ изъ Бермудскихъ острововъ; зѣвкій вѣтерокъ колышетъ листья пальмъ, и она блестятъ подъ лучами солнца, словно мальчуганъ смазалъ ее жиромъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня въ шезъ-лонгѣ сидятъ человѣкъ, заставившій весь міръ содрогнуться, человѣкъ, гордившійся своею цѣтной кожей и задавшійся честолюбивой цѣлью уничтожить расовыя разнородія — создать изъ всѣхъ человѣческихъ расъ одну всечеловѣческую расу.

Я захожусь на этомъ райскомъ островѣ изъ качествъ представителя всей мировой прессы, и на меня возложена обязанность быть при этомъ членомъ до его кончины. Ежедневно я посылаю сообщенія о состояніи его здоровья, о его мысляхъ и соображеніяхъ, которыми онъ порой выказываетъ по поводу тѣхъ или иныхъ одержанныхъ имъ побѣдъ или понесенныхъ поражений.

Я сообщая міру его слова о томъ, что цѣлью его было даровать цѣлнымъ расамъ множество бѣлыхъ женщинъ и тѣмъ самымъ отомстить за всѣхъ тѣхъ цѣлныхъ женщинъ, которыми стали военной добычей бѣлыхъ завоевателей.

Онъ побѣжденъ, но онъ не сломенъ. Его армія болѣе не существуетъ, флотъ его потопленъ, воздушный флотъ сбитъ, и все же онъ остается символомъ непреклонной воли, осмѣлившейся продиктовать міру свой девизъ: „Завоевывай и плодись!“

Даже нынѣ, въ изгнаніи, онъ остался все тѣмъ же гордымъ и непреклоннымъ человѣкомъ, подавшимъ примѣръ своимъ послѣдователямъ тѣмъ, что онъ взялъ себѣ въ жены блую женщину и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей смѣшанной крови.

Онъ не отказывается отъ своихъ воззрѣній. Онъ гордится, что столько дѣтей унаслѣдовали его монгольскую кровь, и что рождены они блдой женщиной, чья красота, умъ и социальное положеніе привлекли его вниманіе.

Въ Европѣ, въ Сѣверной и Южной Америкѣ, повсюду, куда ступали его побѣдоносныя полчища, живутъ тысячи евразійцевъ, мулатовъ и метисовъ — все это новое племя, результатъ его походовъ, и этому поколѣнію смѣшанной расы суждено осуществить то, что онъ именуетъ „первымъ шагомъ къ освобожденію міра отъ расовыхъ предразсудковъ“.

Съ 928 года прошло тринадцать кровопролитныхъ лѣтъ, и эти годы кажутся мнѣ вѣками. Въ 928 году я возвратился изъ Европы въ Америку убѣжденнымъ пацифистомъ. Война пресытила меня — мнѣ суждено было въ теченіе четырнадцати лѣтъ работать въ качествѣ военного корреспондента.

Я былъ свидѣтелемъ мексиканской войны, боевъ на американо-мексиканской границѣ, міровой войны, (которая должна была положить конецъ всѣмъ войнамъ). Наступившее въ 1918 году перемиріе заставило меня повѣрить въ то, что мои кровавыя обязанности окончены, но оказалось, что это было лишь началомъ новыхъ кровопролитій.

Въ періодъ съ 1918 по 1928 годъ мнѣ пришлось ежегодно быть свидѣтелемъ новой военной кампаніи. Польско-русская война, рядъ возстаній въ Германіи, волненій въ Ирландіи, война въ Прибалтикѣ, въ Южной Россіи, въ Сибири, на ближнемъ Востокѣ, въ Китаѣ, въ Марокко, переворотъ въ Польшѣ и военные дѣйствія въ Никарагуа.

Но откуда я могъ знать, что послѣдующее ужасное десятилѣтіе заставитъ меня быть свидѣтелемъ еще болѣе страшныхъ кровопролитій?

Развѣ я могъ предвидѣть безжалостное избіеніе блыхъ въ Южной Азіи и австралійскую бойню? Развѣ могъ я

предполагать, что обновившаяся Европа превратится въ арену невиданныхъ доселѣ боевъ?

Развѣ могъ я предполагать, что изолированная отъ всего міра Америка принуждена будетъ бороться противъ всего міра и что ей будетъ угрожать величайшая въ мірѣ армія?

Развѣ могъ я предполагать, что мнѣ выпадетъ на долю сопровождать полководца, за которымъ пойдетъ эта величайшая армія, и что мнѣ придется бороться противъ него? И что, наконецъ, я буду свидѣтелемъ его величайшей славы и величайшаго паденія?

Менѣ всего я могъ предполагать, что мнѣ суждено будетъ раздѣлить его изгнаніе на одномъ изъ островковъ Атлантическаго океана, и что я напишу исторію его жизни, исторію человѣка, чья желѣзная воля, безграничное честолюбіе и военный геній превратили міръ въ груды развалинъ.

Всю свою жизнь я былъ корреспондентомъ, и то, что я пишу сейчасъ, также является корреспонденціей, соотвѣствующей происходящему. Но личность этого человѣка настолько значительна, что мои корреспонденціи неминуемо должны принять историко-біографическій характеръ. Къ тому же я настолько близко стою къ нему, что многое изъ написаннаго мною принимаетъ автобіографическій характеръ. Говорятъ, что никто такъ хорошо не позналъ его, какъ я, и мнѣ кажется, что это дѣйствительно такъ.

Караханъ, несмотря на свои сорокъ одинъ годъ, еще очень молодъ. Годы не склонили его, и онъ попрежнему высокъ и строенъ. Лишь блдность кожи свидѣтельствуетъ о подтачивающей его болѣзни, — онъ медленно умираетъ.

Живя въ заточеніи, онъ рѣдко надѣваетъ мундиръ, въ которомъ совершилъ побѣдоносные походы. Обычно на немъ свѣтло-коричневый легкій костюмъ, — единственное, что въ этомъ костюмѣ напоминаетъ о военномъ укладѣ его носителя, это стоячій наглухо застегнутый воротникъ. Вотъ и сегодня на немъ этотъ костюмъ.

Его смолисто-черные волосы подернуты легкой сѣдиной; онъ попрежнему стрижетъ ихъ коротко; въ такомъ видѣ его изображали несчетное число разъ каррикатуристы всего

міра. И попрежнему на желтой его кожѣ выдѣляется бѣлый слѣдъ отъ пули, отчетливо видимый на всѣхъ его снимкахъ.

Его гнѣвые глаза горятъ попрежнему огнемъ молодости, какъ тогда въ 1933 году, когда онъ на пятый день послѣ трегвей битвы на Марѣ диктовалъ въ Парижѣ миръ.

Его холевыя руки съ тонкими пальцами покоятся на ручкахъ шезъ-лонга. На коленяхъ его лежатъ карта Карибскаго моря, — сегодня онъ занялся изученіемъ битвы въ заливѣ Уиндворта, которой военные историки приписываютъ его поражение.

Взоръ его устремленъ въ синюю даль Атлантическаго океана, — кажется, словно онъ пытается проникнуть въ глубины, въ коихъ утонуло солнце его славы.

— — — — —

Впервые я встрѣтился съ Караханомъ осенью 1933 года. Однако значеніе этого человѣка обязываетъ меня сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о болѣе раннемъ періодѣ его жизни и вскрыть читателю, откуда взялся этотъ источникъ несокрушимой человѣческой воли и энергіи, этотъ человѣкъ, которому суждено было занести свое имя въ перечень величайшихъ завоевателей и полководцевъ нашего міра.

Караханъ родился 16 іюля 900 года въ селеніи Алма на востокъ отъ Казани. Его отецъ Федоръ Караханъ былъ казачьимъ есауломъ, женившимся на татаркѣ. Для него его жена всегда оставалась представительницей низшей расы, азіаткой, которую онъ взялъ въ жены, соблазнившись ея красотой и приданымъ. вмѣстѣ съ молокомъ матери мальчуганъ впиталъ ненависть къ бѣлой расѣ и ихъ мощи. Мать воспитала своего сына монголомъ.

Въ дѣтствѣ онъ позналъ приволье уральскихъ отроговъ. Въ немъ рано пробудилось чувство гордости, — онъ гордился своимъ отцомъ-воиномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ унаследовалъ выдержку и упорство матери. качества, сочетавшіяся съ военными способностями, унаследованными отъ отца.

Будущій диктаторъ міра росъ привольной жизнью пастуха. Отецъ рѣдко навѣщалъ его и мать, и мальчикъ на-

учился питать къ нему почтеніе, смѣшанное со страхомъ. Раннія его воспоминанія объ отцѣ были ему непріятны.

Въ этомъ онъ мѣтѣ признался какъ-то впоследствии, когда я спросилъ его, почему онъ бреетъ усы и бороду. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что въ немъ по сіе время живо воспоминаніе о томъ, какъ отецъ при первомъ своемъ посѣщеніи поднималъ его и поцѣловалъ въ губы.

И на всю жизнь запомнились лохматая борода, обросшія волосами губы и тяжелый запахъ водки, табака и огурцовъ.

Есаулъ Караханъ палъ въ бою подъ Мукденомъ, — ему не было суждено возвратиться съ русско-японской войны домой. Послѣ его смерти осталось множество долговъ, поглотившихъ все состояніе жены. Мальчикъ росъ въ Приуральѣ подъ надзоромъ старика-татарина, потерявшаго на войнѣ руку. Этотъ инвалидъ обучилъ мальчика начаткамъ грамоты.

Звали инвалида Сабутай, и отъ него Караханъ впервые услышалъ монгольскія сказанія о Сабутаѣ, великомъ монгольскомъ воинѣ, преемникѣ Чингизъ-Хана. Отъ него же мальчуганъ узналъ о томъ, какъ монголынесли по всей Европѣ смерть и разрушеніе, и какъ нѣкогда власть ихъ простиралась отъ Желтаго моря до Персидскаго залива. Эти легенды породили въ его душѣ честолюбивыя мечтанія о томъ, чтобы послѣдовать по стопамъ Чингизъ-Хана, Сабутая, Александра, Цезаря, Ганнибала, Аттилы и Наполеона.

Сабутай научилъ его ѣздить верхомъ, обращаться съ оружіемъ, и отъ него же мальчикъ научился презирать толстыхъ мужчинъ. Ихъ презирали всѣ обитатели горъ.

Толстые мужчины не были мужчинами. Толстые мужчины были предназначенными для убоя, откормленными скотомъ. Они были рабами и походили на евнуховъ.

У Сабутая молодой Караханъ научился воздержанію и спартанской суровости. Какъ гордился онъ, когда, возвращаясь домой послѣ длившейся цѣлый день скачки, привозилъ съ собою непочатую флягу воды, изъ которой онъ не отпилъ ни глотка!

Стояли холодныя ночи, но Сабутай спалъ подъ откры-

тымъ небомъ, прикрываясь конской попоной, и Караханъ слѣдовалъ его примѣру. И Сабутай открылъ Карахану весь смыслъ и глубины азіатской философіи: жизнь и сила были наградой сильнаго, смерть и рабство — удѣломъ слабаго. Караханъ научился расцѣнивать по достоинству важнаго человѣка. Если мужчина былъ силенъ, то за нимъ слѣдовало наблюдать, его слѣдовало остерегаться и одновременно пытаться найти его уязвимое мѣсто. Если мужчина былъ слабѣе его, то все было въ порядкѣ вещей — болѣе сильный долженъ былъ подчинить слабаго своей волѣ.

Эта философія дала первые результаты на двѣнадцатомъ году жизни Карахана. Какъ-то онъ пасъ вмѣстѣ съ Сабугаемъ табунъ въ Уфимской губерніи. Незадолго до наступленія сумерекъ они замѣтили какое-то движеніе въ лоцианѣ — всцугнутыя лошади бросились въ различныя направленія.

Караханъ и Сабутай знали, что это означаетъ. То были конокрады. Обмѣнявшись немногими словами, старикъ и мальчуганъ вскочили въ сѣдло и бросились въ погоню.

На разсвѣтѣ мальчугану удалось настичь часть табуна, угнанныя конокрадомъ. Караханъ соскочилъ на землю, приложилъ ружье къ плечу и разрядилъ его. Пораженная лошадь дрогнула подъ конокрадомъ и упала придавивъ всадника.

Караханъ осторожно приблизился къ упавшему. Лицо конокрада было искажено отъ боли — при паденіи онъ сломалъ ногу. Онъ былъ безоруженъ, ружье его осталось пригнороченнымъ къ сѣдлу. Конокрадъ перевелъ взглядъ на мальчугана, мальчуганъ смотрѣлъ на конокрада. Они не обмѣнялись ни словомъ. Да это было и ни къ чему.

На разстояніи десяти шаговъ отъ лежавшаго на землѣ татарина Караханъ остановился и разрядилъ ружье. Онъ всадилъ конокраду пулю межъ глазъ. Затѣмъ мальчуганъ отправился въ обратный путь собирать свой табунъ.

Такъ Караханъ впервые въ своей жизни пролилъ кровь. Онъ убилъ человѣка, и это событіе не произвело на него никакого впечатлѣнія. Онъ поступилъ такъ, какъ ему ве-

лѣлъ его законъ, и онъ былъ радъ тому, что смогъ осуществить его.

Впослѣдствіи, когда по мановенію его руки сотни тысячъ людей шли на вѣрную смерть, онъ оставался все тѣмъ же безчувственнымъ и спокойнымъ человѣкомъ. Для него побѣда сильнаго и гибель слабаго были закономъ природы.

До четырнадцати лѣтъ Караханъ проводилъ зиму у своей матери. Семья его обѣдѣла и испытывала вужду. Матери Карахана было нелегко воспитать троихъ сыновей и двухъ дочерей.

Въ Казани отставной офицеръ и сослуживецъ есаула Карахана обучалъ дѣтей военныхъ грамотъ, — онъ согласился позаботиться и объ образованіи сына своего сослуживца.

О пребываніи Карахана въ этой домашней школѣ мы узнаемъ изъ книги „Школьные годы Карахана“, написанной полковникомъ Субиловымъ (такъ звали отставного офицера) незадолго до своей смерти.

Наиболѣе сильное впечатлѣніе, — пишетъ онъ въ своей книгѣ, — произвели на меня его огромная жажда знанія, прилежаніе и молчаливость. Онъ презиралъ дѣтскія игры своихъ сверстниковъ. Для него жизнь въ степи со старикомъ Сабугаемъ была гораздо болѣе значительной и замѣчательной игрой, чѣмъ всѣ игры его сверстниковъ.

Особенно поражалъ интересъ Карахана къ точнымъ наукамъ. Онъ обладалъ изумительной памятью. Математика давалась ему безъ труда, — онъ мысленно производилъ сложныя вычисленія и никогда въ нихъ не ошибался. Географія привлекала его въ неменьшей степени, чѣмъ современную дѣтскую кино.

Карты оживали подъ его рукою. Онъ измѣрялъ на нихъ разстоянія, опредѣляя ихъ числомъ переходовъ и перегоновъ. Заслуживаетъ вниманія и его отношеніе къ исторіи, которая не являлась для него только перечнемъ хронологическихъ фактовъ и пышныхъ церемоній и празднествъ. Онъ всегда старался вникнуть въ существовавшую между отдѣльными событіями причинную связь и установить ихъ происхожденіе.

Онъ внимательно изучалъ жизнеописанія великихъ людей, но никогда они не вызвали въ немъ удивленія. Онъ не преклонялся передъ ними и гораздо болѣе преуспѣвалъ въ критикѣ ихъ ошибокъ, чѣмъ въ оцѣнкѣ ихъ подвиговъ.

Прочтя Пугарха, онъ какъ-то сказалъ мнѣ:

— Мнѣ кажется, каждый совершаетъ ошибки, и я знаю, какія ошибки совершилъ каждый изъ нихъ. Чѣмъ больше человекъ, тѣмъ меньше его ошибки. Маленькія ошибки большихъ людей идутъ на пользу маленькимъ людямъ.

У Карахана не было друзей среди школьныхъ товарищей. Онъ всегда сознавалъ, что одѣтъ бѣднѣе, чѣмъ они, и лишенъ карманныхъ денегъ. Каждый мѣсяцъ имѣлъ для него большое значеніе. Никогда онъ также не забывалъ о томъ, что кожа товарищей свѣтлѣе его кожи, и это вызывало ненависть къ нимъ. Но въ то же время онъ былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ.

Какъ-то одинъ изъ сотоварищей, сынъ генерала Королева, бывшій на три года старше его, сказалъ ему:

— Жмтая образина съ горъ, отъ тебя скверно пахнетъ и у тебя въ твоей овчинѣ водятся блохи.

Караханъ неожиданно схватилъ лѣвую руку генеральскаго сына и стиснулъ ее. Не проронивъ ни слова, онъ сжалъ ее и сталъ медленно выкручивать, пока мальчикъ не застоналъ отъ боли. Караханъ заставилъ его встать на колѣни.

Тщетно Королевъ призывалъ своихъ сверстниковъ на помощь — остальные мальчики, замѣтивъ загорѣвшіеся въ раскосыхъ глазахъ Карахана бѣшеные огоньки, поостереглись принять участіе въ происходящемъ.

— Теперь ты будешь знать, какъ бодаются горные козлы, — сказалъ Караханъ. — Теперь тебѣ запахъ моей овчины пріятнѣе?

— Перестань! Мнѣ больно! Я пошутилъ!... Пожа-луйста, перестань, ты ломаешь мнѣ руку... помогите мнѣ,

— хныкалъ мальчуганъ.

Караханъ оттолкнулъ его и сказалъ:

— Маменькинъ песикъ можетъ отправляться домой. Болонки пахнутъ лучше горныхъ козловъ, но онъ слабѣе ихъ.

Въ дѣтствѣ ему суждено было пережить еще одно событіе, сильно задѣвшее его гордость.

Какъ-то къ матери Карахана попросился переночевать какой-то бродяга. Дѣтей въ эту ночь не было дома, и подѣ утро бродяга отплатилъ одинокой женщинѣ за гостепріимство тѣмъ, что попытался изнасиловать ее.

Женщина не растерялась, швырнула въ него котелокъ съ кипячкомъ, и бродяга, вопя отъ боли, поспѣшилъ убѣжать изъ дому.

На слѣдующій день мальчикъ, возвратившись домой и узнавъ о происшедшемъ, схватилъ ножъ и побѣждалъ по кабакамъ разыскивать оскорбителя. Поиски его были тщетны, но злобу противъ насильника онъ затаилъ навсегда — и въ будущемъ за оскорбленіе, нанесенное его матери, поплатилось множество людей.

Въ 1914 году вспыхнула война. Годы ученія Карахана закончились. Для него началась новая эра, и война явилась для мальчика той школой, въ которой ему суждено было отныня обучаться.

Россія нуждалась въ людяхъ и въ коняхъ. Ремонтеры отбирали для арміи лошадей и сгоняли ихъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ. Сабутай и мальчуганъ во время объявленія войны оказались въ степи. Къ югу отъ Уфы на желѣзнодорожныхъ станціяхъ скопилось большое количество лошадей — чувствовалась нехватка въ вагонахъ, дорога была забита эшелонами.

Въ Уфѣ Сабутай получилъ приказъ вести свой табунъ въ Казань. То было первое соприкосновеніе Карахана съ военными и военной службой. Сабутай былъ слишкомъ старъ для такого перехода, и Карахану пришлось замѣнить его.

На слѣдующее утро неразлучные друзья расстались, и на разсвѣтѣ Караханъ пустился въ путь.

Четырнадцатилѣтнему мальчику въ сопровожденіи трехъ людей и трехсотъ лошадей предстоялъ переходъ въ четыреста верстъ. Помощниками Карахана были три татарина — одинъ старикъ и двое шестнадцатилѣтнихъ парней.

Караханъ отлично зналъ мѣстность, зналъ, гдѣ находились лучшія пастбища и водопой. Въ день они проходили сорокъ пять верстъ. На десятый день Караханъ въ цѣлости доставилъ свой табунъ въ Казань и сдалъ его военнымъ властямъ. Власти приняли табунъ и на слѣдующій день размѣстили его въ товарныхъ теплушкахъ и направили на фронтъ. Комендантомъ поѣзда былъ тучный подполковникъ Брянскій, всю свою жизнь прослужившій военнымъ чиновникомъ и ненавидѣвшій лошадей.

— Послушай, мальчуганъ, — сказалъ онъ, обратившись къ Карахану и, повидимому, полагая, что его слова произведутъ на мальчика впечатлѣніе. — Хочешь ты стать воиномъ, какъ я? Хочешь слышать громъ пушекъ? Хочешь попасть на фронтъ? Если ты этого желаешь, то я возьму тебя съ собою, но тебѣ придется много потрудиться.

Брянскій, говоря эти слова, не удостоилъ Карахана и взглядомъ. Но Караханъ не хотѣлъ уподобиться Брянскому, изнывавшему въ своемъ креслѣ отъ жары.

Карахану хотѣлось попасть на войну и онъ согласился послѣдовать за Брянскимъ, принявъ на себя всѣ заботы о транспортѣ лошадей.

Эшелонъ миновалъ Нижній, Москву, Смоленскъ, Минскъ и, наконецъ, прибылъ въ Пинскъ. Лошади были сданы въ кавалерійскую дивизію великаго князя Михаила.

Подполковникъ Брянскій за успѣшный переходъ былъ удостоенъ награды и отпраздновалъ это событіе достойнымъ его пьянствомъ. Охмелѣвъ, онъ велѣлъ вызвать молодого татарченка, помогшаго ему доставить лошадей на фронтъ, и снабдилъ его слѣдующимъ документомъ:

„Предъявитель сего Иванъ Караханъ, — четырнадцати лѣтъ отъ роду, глаза черны, волосы черные, цвѣтъ кожи желтый, смуглый, особыхъ примѣтъ не имѣется, проживающій въ Казани, — причисленъ къ 5-му Донскому казачьему полку и уполномоченъ скупать лошадей для дѣйствующей арміи.

Предъявителю этого документа оказывать всяческое

содѣйствіе въ выполненіи возложенныхъ на него порученій“.

1915 и 1916 годы Караханъ провелъ на войнѣ. Ему суждено было принять участіе въ побѣдоносномъ наступленіи русскихъ на Львовъ и побывать на Карпатахъ. Въ мартѣ 1915 года, когда нѣмцы отбили у русскихъ Мемель, онъ чуть не попалъ въ плѣнъ.

Караханъ отыскалъ казачій полкъ своего отца. Полкомъ командовалъ одинъ изъ сослуживцевъ покойнаго Карахана, который пригрѣлъ мальчугана.

Въ 1917 году Карахану суждено было стать свидѣтелемъ развала русской арміи. Онъ былъ свидѣтелемъ массоваго дезертирства, паденія дисциплины и всего того, что послѣдовало за этимъ на фронтѣ.

Критическій умъ мальчика пытался установить сшибки, повлекшія за собою эти послѣдствія. Затѣмъ наступила революція. Караханъ ненавидѣлъ царя — и эта ненависть основывалась въ немъ на томъ презрѣніи, которое онъ питалъ ко всему слабому. Николай Второй, съ его точки зрѣнія, былъ слабъ и тѣломъ и духомъ. Поэтому не было ничего удивительнаго въ томъ, что ему выпала такой удѣлъ.

Революція застала Карахана семнадцатилѣтнимъ солдатомъ. Онъ отлично усвоилъ „Причины паденія римской имперіи“ Гиббона и трудъ Карлейля о французской революціи. Нѣсколько біографій Наполеона были ему извѣстны на зубокъ, и Караханъ отлично понималъ, какія передъ нимъ открывались возможности.

Украсившись краснымъ бантомъ, онъ записался въ шестой отрядъ красной гвардіи, сформированный въ болшинствѣ своемъ изъ такихъ же подростковъ, какъ и онъ самъ.

Три года, проведенныхъ въ арміи, пошли Карахану на пользу. На опытѣ онъ позналъ все значеніе дисциплины и организациі. Прошло двѣ недѣли, и Караханъ сталъ командиромъ взвода, а затѣмъ и роты.

Караханъ былъ воплощеніемъ строгости, но одновременно онъ сумѣлъ вселить въ своихъ подчиненныхъ созна-

ніе, что они не пропадут со своимъ командиромъ. Онъ безпрестанно заботился о томъ, чтобы у его людей всего было вдоволь и не заставлялъ ихъ ни въ чемъ терпѣть лишения.

Съ разрѣшенія батальоннаго командира онъ посадилъ свою роту на коней и такимъ образомъ превратилъ ее въ одну изъ первыхъ конныхъ частей красной арміи. Отрядъ его обслуживалъ штабъ, несъ развѣдочную службу, прикрывалъ отступление. Въ Москвѣ отрядъ принималъ участіе въ бояхъ на Красной площади и былъ свидѣтелемъ послѣдовавшей затѣй расправы съ бѣлогвардейцами.

Въ слѣдующемъ году онъ получилъ въ командованіе полкъ и отправился на востокъ въ Пензу, для борьбы съ командиромъ чеховъ, полковникомъ Гайда.

Гайда со своими чехами былъ оттѣсненъ къ Самарѣ и расположился вдоль желѣзной дороги на Уфу. Караханъ продолжалъ тѣснить отступающихъ на востокъ чеховъ.

Командиръ чеховъ, полковникъ Гайда былъ на семь или восемь лѣтъ старше Карахана. Въ началѣ войны онъ былъ фармацевтомъ въ Прагѣ и былъ принудительнымъ образомъ зачисленъ въ ряды австрійской арміи. При первой же возможности онъ такъ же, какъ и многіе другіе чехи и словаки, сдѣлся въ плѣнъ. Въ Россіи Гайда принялъ къ организаціи чешскихъ легионовъ, въ послѣдствіи сражавшихся противъ Австро-Венгерской монархіи.

Изъ схватокъ съ чехами Караханъ вышелъ побѣдителемъ и съ лаврами возвратился въ Москву. Получивъ въ командованіе бригаду, девятнадцатилѣтній Караханъ перебрасывается на Балтійскій фронтъ и сражается противъ Юденича. Потомъ наступаетъ пора борьбы на югѣ Россіи съ Деникинымъ.

Въ 1921 году Пилсудскій наступаетъ на Кіевъ. Къ моменту начала польскаго наступленія Караханъ дѣйствуетъ на Врангелевскомъ фронтѣ. Кавалерія Карахана перебрасывается навстрѣчу наступающимъ полякамъ. Лѣвый флангъ красной арміи прикрывалъ Буденный, на правомъ флангѣ дѣйствовалъ Караханъ. Конница красныхъ удалось нанести

чувствительный ударъ польскимъ войскамъ, и польская армія перешла въ стремительное отступление къ Варшавѣ.

Мнѣ суждено было сопутствовать полякамъ въ ихъ отступленіи, ибо я былъ откомандированъ на фронтъ „Чикаго Трибюнъ“ въ качествѣ военнаго корреспондента. Въ охваченномъ пламенемъ Брестъ-Литовскѣ я чуть не попалъ въ плѣнъ къ Карахановскимъ кавалеристамъ.

Веганъ и французскіе танки спасли Польшу и отбросили красныхъ отъ Варшавы. По окончаніи польской кампаніи Караханъ возвратился въ Москву. Онъ принималъ участіе въ большомъ парадѣ на Красной площади, а затѣмъ въ его жизни наступила существенная перемѣна — онъ женился.

О первой бѣлой женщинѣ въ жизни Карахана писалось не мало.

Линъ Ларкинъ была на шесть лѣтъ старше его. Она была дочерью переселившагося въ Бостонъ ирландскаго фабричнаго рабочаго, отъ котораго унаслѣдовала мятежный духъ. Впервые дѣвушка проявила его во время забастовки въ Фолль-Риверѣ. Въ этой стачкѣ она играла видную роль и завоевала извѣстное положеніе въ радикальныхъ кругахъ Нью-Йорка.

Когда въ Америкѣ была введена воинская повинность, она присоединилась къ числу противниковъ этого закона и вышла замужъ за одного изъ нихъ съ единственной цѣлью удержать его отъ вступленія въ армію.

Послѣ заключенія мира она развелась со своимъ мужемъ и рѣшительно встала на сторону русскихъ революціонеровъ. Это она пыталась организовать кампанію протеста противъ присутствія американскихъ солдатъ въ Архангельскѣ и въ Сибири. Затѣмъ она вошла въ число служащихъ делегаціи Мартенса, представлявшаго собою въ Нью-Йоркѣ новую русскую власть.

Когда 22 января 1921 года Мартенсъ былъ высланъ изъ Америки, она послѣдовала за нимъ въ Москву и вмѣстѣ съ Виллемъ Гайвудомъ и Рутъ Брайанъ Ридъ вошла въ составъ американской делегаціи Третьяго интернаціонала.

Классовое сознаніе Линъ было развито, но расовое со-

«Красный Наполеонъ»

знание ея было усыплено. Мнѣ не разъ приходилось бесѣдовать съ нею во время нашего пребыванія въ Москвѣ. Она ненавидѣла капиталистическій строй и гордо признавалась въ томъ, что не питаетъ никакого предубѣжденія противъ представителей цвѣтныхъ расъ.

Караханъ не былъ для нея представителемъ низшей расы, онъ былъ молодымъ богомъ войны, побѣдоносно сражавшимся за дѣло массъ.

Красивая и образованная бллая женщина явилась для Карахана привлекательнымъ даромъ свыше, столь же похотимъ на окружающихъ его обычно женщинъ. Онъ жаждалъ ее и сознавалъ, что она стала для него необходимостью. И онъ вступилъ съ нею въ бракъ.

Я познакомился съ Караханомъ въ 1922 году, въ голодный годъ. Въ этомъ году онъ находился въ Самарѣ, въ городѣ, бывшемъ свидѣтелемъ его первыхъ успѣховъ противъ чехословаковъ. Военскія части Карахана несли охрану продовольственныхъ грузовъ. Самарская губернія, бывшая нѣкогда житницей Россіи, изнывала отъ голода, а отряды Карахана охраняли хлѣбные грузы, предназначавшіеся для арміи и столицы.

Караханъ пытался не соприкасаться съ политикой. Онъ былъ до мозга костей военнымъ и цѣликомъ посвятилъ себя арміи. 1923 годъ онъ провелъ на Кавказѣ, 1924 годъ въ Персіи, въ слѣдующемъ году его дивизія была расквартирована въ Туркестанѣ. Потомъ онъ побывалъ на Афганской границѣ — призракъ возможнаго похода красныхъ на Индію заставилъ содрогнуться не одного англичанина.

Въ 1926 и 27 году Караханъ былъ въ Иркутскѣ и Забайкальѣ. Его люди организовывали монгольскія силы отъ Верхнеудинска до Урги.

Не обошлось безъ Карахана и въ 1928 году, когда пробуждающийся Китай впервые столкнулся съ Японіей въ открытомъ бою у Тзинанъ-Фу: Японія недовѣрчиво наблюдала за присутствіемъ Карахана на Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ. Чжанъ-Цзо-Линъ, манчжурскій диктаторъ, погибъ отъ бомбы, брошенной въ его поѣздъ людьми Карахана.

Въ 1929 году Караханъ былъ тѣмъ человекомъ, который

сорвалъ участіе Сов. Россіи въ созванной по предложенію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ мирной конференціи, на коей должны были рѣшиться судьбы Китая. Впослѣдствіи дипломаты всѣхъ странъ пытались переложить на него неудачу этой конференціи, приведшей къ тому, что Китай подпалъ подъ власть націоналистовъ.

Признаніе новаго Китая Америкой заставило Англію, Францію, Италію, Португалію и Японію отказаться отъ предоставленныхъ имъ въ Китаѣ привилегій. Это былъ первый ударъ престижу бѣлыхъ на дальнемъ Востока.

Ужасныя событія 1940 года, кровавыя бои въ Калькуттѣ, Бомбей и Сайгонѣ, завершившіеся изгнаніемъ французовъ и англичанъ изъ Южной Азіи, были естественнымъ слѣдствіемъ объединенія Китая.

Въ слѣдующемъ году сѣмена, посеянные Караханомъ на всемъ протяженіи Калганскаго пути, дали пышные всходы. Однѣ за другими пали иностранныя концессіи на Красномъ морѣ, въ Аденскомъ заливѣ, въ Аравіи и Месопотаміи. 1931 годъ завершился возстаніемъ въ Сѣверной Африкѣ. Возстаніе началось въ Египтѣ и быстро распространилось на западъ, охватило Триполи, Алжиръ и Марокко, въ которыхъ Англія, Франція, Италія и Испанія тщетно пытались оказать сопротивление хорошо вооруженнымъ неисчислимымъ полчищамъ, нахлынувшимъ на сѣверъ изъ глубины чернаго материка.

Европѣ наканунѣ своего заката суждено было испытать еще одинъ тяжелый ударъ. Позднимъ лѣтомъ 1932 года въ Европѣ вспыхнула тяжелая эпидемія инфлюэнцы. Эта эпидемія, вспыхнувшая вскорѣ послѣ провала вашингтонской конференціи по ограниченію вооруженій, скосила огромное количество людей.

Въ іюль 1932 года я выѣхалъ на эпидемію въ качествѣ спеціальнаго корреспондента „Чикаго Трибюна“. Послѣ эпидеміи послѣдовалъ рядъ продовольственныхъ затрудненій, особенно остро сказавшихся на Балканахъ.

Снабженный полномочіями ряда европейскихъ правительствъ, я выѣхалъ въ автомобильную поѣздку на афри-

канскій фронтъ, пересѣкъ всю сѣверную Африку — отъ Казабланки до Портъ-Саида и Суэцкаго канала.

Объединеніе силъ европейскихъ державъ насчитывало на африканскомъ фронтѣ три четверти миллиона людей. Въ число это входили четырехсоттысячная армія французовъ, полтораста тысячъ англичанъ, сто тысячъ испанцевъ и сто тысячъ итальянцевъ.

Число воиновъ, входившихъ въ составъ отрядовъ возставшаго населенія Алжира, Марокко, Туниса и Египта, равнялось примѣрно миллиону человекъ.

Африканскій фронтъ былъ настолько великъ, что союзники могли лишь обороняться въ разсыпанныхъ по всему фронту блокадахъ, не разъ подвергавшихся нападеніямъ туземцевъ. Не разъ нападенія туземцевъ загнанчивались успѣхомъ, и каждая новая стычка съ результатомъ въ пользу туземцевъ наносила неизгладимый ущербъ авторитету бѣлыхъ въ Африкѣ.

Мнѣ повезло, и я первый получилъ въ штабѣ союзнаго командованія документальныя доказательства того, что возстаніе туземцевъ было инспирировано Москвой. Москва снабжала вождей возставшихъ оружіемъ, деньгами и агитационнымъ матеріаломъ, въ которомъ проповѣдывалась священная война противъ господствующей бѣлой расы. На основаніи сдѣланныхъ мною разоблаченій я получилъ спѣшное предписаніе выѣхать въ Москву и ознакомиться съ положеніемъ вещей въ Совѣтской странѣ.

Въ концѣ августа 1932 года я прибылъ въ Москву и поселился въ отелѣ „Савой“, гдѣ открылъ бюро „Чикаго Трибюнъ“.

Тамъ я познакомился съ молодымъ американцемъ, съ которымъ впоследствии судьба такъ тѣсно связала меня и которому суждено было сыграть немаловажную роль во всемъ томъ, о чемъ мнѣ предстоитъ повѣствовать въ этой книгѣ.

Стефенъ, или какъ его называли друзья, Спидъ Бинней былъ высокимъ и стройнымъ юношей, со свѣтлыми, какъ ленъ, волосами. Ему было всего лишь двадцать два

года. Замѣтивъ меня въ вестибюлѣ отеля, онъ поспѣшилъ ко мнѣ навстрѣчу и улыбаясь сказалъ:

— Мистеръ Гиббонсъ, меня зовутъ Спидъ Бинней, я сынъ вашего пріятеля со временъ пребыванія во Фравпіи Биннея. У меня имѣется для васъ письмо отъ него. Вѣдь вы помните его?

Помнилъ ли я Биннея? Да, разумѣется. Его сынъ былъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на своего отца. Старина Бинней былъ однимъ изъ лучшихъ летчиковъ нашей арміи, это онъ сбиль въ бою восемь непріятельскихъ аэроплановъ, перелетѣлъ въ тылъ непріятельскаго расположенія и тамъ подвергся обстрѣлу. Намъ суждено было встрѣтиться въ одномъ изъ парижскихъ лазаретовъ. Наши койки стояли бокъ-о-бокъ.

Я распечаталъ письмо, врученное мнѣ его сыномъ. Мой старый боевой товарищъ сообщалъ мнѣ, что сынъ его страстно увлекается авіаціей и что по молодости своей онъ столько натворилъ въ Америкѣ бѣдъ, что больше не представлялось возможнымъ держать его дома. Старина Бинней поручалъ мнѣ сдѣлать изъ его сына человека. Мнѣ рекомендовалось использовать его для воздушной корреспонденціи. Авіація была излюбленнымъ дѣломъ юноши и заинтересовать его чѣмъ-либо другимъ не представлялось возможнымъ.

Я отложилъ письмо въ сторону и подумалъ о томъ, что мнѣ надлежало предпринять. Спидъ расположился противъ меня и привѣтливо улыбался во весь ротъ. Необходимость принять на себя отвѣтственность за этого молодого человека особаго восторга во мнѣ не вызвала. Менѣ всего мнѣ подобало играть роль гувернантки при этомъ необузданномъ юншѣ.

Но у молодого Биннея было одно свойство — его улыбка была настолько подкупающа, что я не смогъ устоять противъ ея чаръ. Но вѣдь я былъ другомъ „старинны Биннея“, и въ качествѣ друга отца Спиды долженъ былъ пожурить его. Поэтому, сдѣлавъ серьезное лицо, я спросилъ юношу:

— Спидъ, вы много пьете?

— А у васъ какіе напитки? — спросилъ онъ смѣясь.
— Я прибылъ лишь сегодня утромъ и еще не отвѣдалъ мѣстной водки. Но я былъ бы не прочь отвѣдать ее.

Послѣ двухъ рюмокъ водки мы договорились обо всемъ. Наша бесѣда длилась цѣлый часъ и закончилась примѣрно слѣдующимъ обращеніемъ моимъ къ Спиду:

— Теперь вы знаете, что я не принимаю на себя отвѣтственности за васъ и что какъ разъ наоборотъ — на васъ возлагается отвѣтственность за успѣшный исходъ моихъ дѣйствій. Вы знаете, въ чемъ заключается моя работа, и вы должны мнѣ помочь. Я не стану съ вами говорить о томъ, гдѣ когда и сколько вамъ пить. Вы достаточно взрослые, чтобы слѣдить за собою. Вы мужчина, и я надѣюсь, что вы будете вести себя такъ, какъ подобаетъ вести себя мужчине. Понятно?

— Понятно, — отвѣтилъ Бинней, и мы обмѣнялись рукопожатіемъ.

На слѣдующій день онъ вылетѣлъ въ Парижъ и черезъ недѣлю возвратился въ Москву на собственномъ двухмоторномъ аэропланѣ.

Мы были готовы вступить въ годъ, которому суждено было принести міру рядъ событій величайшей важности.

2

— Московская жизнь не особенно пріятна для американца, любящаго выпить и питающаго влеченіе къ красотѣ, — огорченно объявилъ Спидъ, швыряя свой авіаторскій шлемъ на мой письменный столъ.

— Опять что-нибудь натворили? — спросилъ я.

— Ничего особеннаго. Вчера вечеромъ я присмотрѣлъ себя на аэропланѣ обворожительную дѣвочку. Я знаками приглашаю ее выпить со мною, и она принимаетъ на себя руководство нашей экспедиціей. Мы приходимъ въ какое-то учрежденіе, и чиновникъ требуетъ, чтобы я предъявилъ документы. Я, думая, что они нужны для полученія казеннаго вина, вручаю имъ ихъ. И что жъ, вы думаете, оказалось?

— Не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Оказывается, что я попалъ въ ихній ЗАГС. Они чуть-было не обкрутили меня, и вы чуть не лишились своего воздушнаго курьера. Нечего дѣлать, придется начать учиться русскому языку.

— Вамъ слѣдовало бы изучить языкъ хотя бы для того, чтобы имѣть возможность читать мѣстные газеты, — сказалъ я, указывая на ворохъ газетъ, лежавшихъ у меня на столѣ. — Я нуждаюсь въ помощи человѣка, который могъ бы мнѣ переводить ихъ содержаніе. Положеніе становится все болѣе и болѣе напряженнымъ.

— Въ этомъ вы правы. Я замѣтилъ, что сегодня дѣти отправились въ школу, захвативъ съ собою маленькія противогазовыя маски. Господи, здѣсь такъ напугавы возможностью войны!..

— Газеты только и п шутъ о возможности войны. Вотъ взгляните на содержаніе вчерашней передовицы „Извѣстій“. Я передалъ ее въ Америку по радио.

Бинней прочелъ вслухъ:

„Неудача Вашингтонской конференціи по разоруженію означаетъ вторую мировую войну. Америка, Великобританія, Франція и Японія не смогли придти къ общему рѣшенію, и въ этомъ повинна политика англійскаго адмиралтейства, заключившаго въ 1928 году тайный договоръ съ Франціей.

Особое значеніе пріобрѣтаетъ англо-американское морское соперничество, за которымъ на самомъ дѣлѣ скрывается объединяющее всѣхъ капиталистовъ желаніе соединить свои военныя, морскія и воздушныя силы противъ нашей страны. Въ задачу империалистовъ міра входитъ подавленіе возстанія въ Сѣверной Африкѣ, раздѣлъ Китая, вторичное завоеваніе Азіи и Индіи.

Империалисты всѣхъ странъ снова доказали всю лживость своихъ миролюбивыхъ увѣреній. Наша социалистическая страна должна быть готова встать до послѣдняго человѣка на защиту своего дѣла“.

— Не только газеты полны сообщеній о военной опасности, — сказала Бинней, — объ этомъ сообщается по радіо. Даже во время обѣденнаго перерыва ораторы говорятъ рабочимъ о томъ же. За послѣдніе двѣ недѣли только и говорятъ объ этомъ. Женщины вяжутъ носки для арміи, вѣкторыи изъ нихъ проходятъ военную подготовку, дѣти въ школахъ собираютъ мѣдяки на постройку аэроплановъ имени ихъ школы. Правительство пользуется страхомъ передъ войною въ качествѣ мощнаго агитаціоннаго средства.

Вечернія газеты принесли сообщеніе, еще болѣе обострившее положеніе. Совнаркомъ назначилъ Карахана главнокомандующимъ всѣми сухопутными, морскими и воздушными силами республики. Его снабдили неограниченными полномочіями по приведенію страны въ оборонеспособное состояніе.

Въ газетахъ былъ помѣщенъ портретъ новаго главнокомандующаго. Рядомъ съ портретами красовались восторженные описанія карьеры и подвиговъ новаго военнаго диктатора. Карахана привѣтствовали какъ единственнаго человѣка, могущаго оградить совѣтскую страну отъ гибели.

Караханъ принялъ новое званіе безъ какихъ бы то ни было декларацій. Въ теченіе двухъ недѣль его штабъ-квартира въ Москвѣ хранила молчаніе. Въ ней шла лихорадочная дѣятельность. На командныхъ должностяхъ красной арміи произведены были перемѣненія. Большинство старшихъ командировъ были замѣнены молодыми, прибывшими въ Москву по вызову Карахана, командирами.

Послѣ того, какъ перемѣны въ личномъ составѣ были завершены, Караханъ заговорилъ.

Онъ подчеркнул, что вся отвѣтственность за невыблемость и покой страны возложена на него, и заявилъ, что засталъ боевыя силы страны въ ужасномъ состояніи. Въ арміи чувствуется недостатокъ боевого снаряженія. Политическія вліянія, игравшія не послѣднюю роль при назначеніи на командные посты, и связанная съ этимъ протекція въ сильной степени подорвали дисциплину.

Свое сообщеніе, сдѣланное непосредственно представителямъ газетъ, онъ закончилъ слѣдующими словами:

— Страна возложила на меня руководство вооруженными силами и, облеченный ея довѣріемъ, я принялъ на себя заботы по реорганизаціи вооруженныхъ силъ и изысканіи мѣръ, могущихъ обезпечить ста тридцати миллионамъ населенія нашей страны незыблемый покой. Я не потерплю, чтобы вмѣшательство политикановъ помѣшало мнѣ выполнить мой долгъ!

Массы приняли это волеизъявленіе Карахана съ восторгомъ. Что касается круговъ правительства, то откровенное выступленіе Карахана вызвало множество нареканій. Слова Карахана были неприкрытымъ заявленіемъ человѣка, стремившагося къ диктатурѣ.

Совнаркомъ въ экстренномъ засѣданіи занялся обсужденіемъ вопроса, какія надлежитъ принять мѣры для поддержанія своего авторитета и обузданія непокорнаго вожда арміи.

Одинъ изъ народныхъ комиссаровъ Рудзутакъ рѣзко выступилъ противъ Карахана и потребовалъ отстраненія его отъ руководства арміей. Рудзутакъ нашелъ поддержку въ членѣ Совнаркома Смирновѣ, но Маликовъ, руководитель рабоче-крестьянской инспекціи, огоршилъ своихъ товарищей заявленіемъ, что подобная мѣра болѣе неосуществима, такъ какъ слишкомъ поздно предпринимать что-либо противъ Карахана.

— Массы устали отъ политикановъ. Мы испытываемъ серьезныя затрудненія въ снабженіи населенія продовольствіемъ, и цѣны растутъ непомѣрно, — сказалъ онъ. — Караханъ сумѣлъ найти доступъ къ сознанію массъ. Назначеніе Карахана главнокомандующимъ вдохнуло новыя силы въ уставшую страну. Любая попытка ограничить власть Карахана приведетъ лишь къ тому, что населеніе рѣзко встанетъ на его сторону и легализируетъ его диктатуру. Приходится примириться со случившимся.

И на слѣдующій день Совнаркомъ сдѣлалъ соотвѣтствующіе выводы.

Два часа спустя послѣ выхода изъ печати номера „Извѣстій“ съ рѣзкой передовицей, клеймившей военнаго диктатора, населеніе столицы собралось у зданія газеты.

Неожиданно надъ шествіемъ вынырнули плакаты: „Долой политикановъ!“ Болтуны предали дѣло революціи!“ „Довольно словъ — побольше дѣла!“

На площадяхъ возникали импровизированные митинги. Въ одномъ изъ оконъ второго этажа — тамъ, гдѣ помѣщалась редакция „Извѣстій“, появился какой-то человѣкъ и попытался произнести рѣчь въ защиту дѣйствій Совнаркома. Въ отвѣтъ понеслись возгласы „Долой!“ и камни. Возбужденная толпа стала ломиться въ зданіе.

Въ то же время на другомъ концѣ площади слышались восторженные возгласы. Къ зданію „Извѣстій“ приближался конный разъѣздъ, во главѣ котораго скакалъ молодой командиръ. Поровнявшись съ толпой, онъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Товарищи! Я обращаюсь къ вамъ отъ имени красной арміи. Армія, раскинувшаяся отъ Финскаго залива до озера Ошкешъ, привѣтствуетъ своего новаго вождя. Подъ его руководствомъ мы не отдадимъ нашихъ завоеваній! Отъ имени товарища Карахана призываю васъ разойтись по домамъ и возвратиться къ мирному труду. Товарищъ Караханъ общается, что впредь „Извѣстія“ будутъ печатать только то, что соответствуетъ волѣ страны. Да здравствуетъ товарищъ Караханъ!

Площадь огласилась бурными возгласами.

Двумя часами позднѣе на улицахъ Москвы продавался экстренный выпускъ „Извѣстій“. Въ передовицѣ выражалось сожалѣніе по поводу напечатанной по ошибкѣ утренней передовицы и сообщалось о полной смѣнѣ состава редакціи, допустившей эту оплошность.

Огнень въ редакціи „Извѣстій“ сидѣли люди Карахана. Въ теченіе слѣдующихъ недѣль, затраченныхъ Караханомъ на захватъ всѣхъ вѣдомствъ своими надежными людьми, а ежедневно отсылалъ въ Америку подробныя сообщенія о происходившемъ.

По приказу Карахана, гарнизонъ Москвы былъ увеличенъ вдвое, и на улицахъ безпрестанно патрулировали вооруженные отряды.

Передъ заходомъ солнца у мавзолея Ленина на Крас-

ной площади происходила смѣна Карахана. При церемоніи присутствовалъ Караханъ, привѣтствуемый восторженными толпами народа.

Вскорѣ за сенсационными перемѣнами въ Совѣтской Россіи послѣдовала новая сенсация въ Америкѣ. Палаты приняли билль Лемпсона, и Филиппинскимъ островамъ была дарована полная независимость.

Этотъ актъ повлекъ большія стратегическія послѣдствія. Азіатская эскадра американскаго флота вынуждена была очиститъ стоянку на Маниллѣ и перенести ее въ Говолулу. Тихо-океанская проблема вступила въ новую стадію. Западная граница океана была отодвинута назадъ на большое разстояніе.

Затѣмъ послѣдовали еще болѣе значительныя событія.

Возвращеніе японской делегаціи въ Токио подало сигналъ къ огромнымъ демонстраціямъ, направленнымъ противъ династии, военной партіи и правительства.

Демонстраціи эти были организованы японской рабоче-крестьянской партіей и японскимъ комсомоломъ.

Газетные корреспонденты въ Токио были вынуждены неожиданнымъ введеніемъ цензуры къ молчанію, и я получилъ порученіе срочно выяснить положеніе вещей въ Японіи.

Со времени роспуска японскихъ коммунистическихъ организацій, послѣдовавшаго въ 1928 году, японскіе коммунисты перешли на нелегальное положеніе. Несмотря на всѣ мѣропріятія полиціи, пытавшейся ликвидировать ихъ дѣятельность, имъ удалось создать сильную подпольную организацію, распространившую свое вліяніе по всей странѣ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число членовъ японской коммунистической партіи увеличилось на сотни тысячъ. Вліяніе партіи возросло настолько, что въ каждой воинской части японской арміи и на каждомъ военномъ кораблѣ была своя ячейка.

Объединеніе Китая привело къ уtratѣ Японіей зогѣ вліянія въ Манчжуріи, въ Жи-Ли и въ Шандунѣ. Въ свою очередь подобное суженіе дѣятельности Японіи привело къ большому экономическому кризису. Какъ всегда въ

такихъ случаяхъ, всѣ тяготы кризиса прежде всего легли на необезпеченные слои населенія.

Коммунистическая агитація Москвы умѣло использовала эту обстановку.

Тысячи студентовъ объединились съ рабочими и вышли на улицу Токио. 3 октября 1932 года демонстраціи эти вылились въ вооруженныя столкновенія демонстрантовъ съ императорской гвардіей.

Объ отдѣльныхъ деталяхъ этихъ столкновений и исходѣ уличнаго боя мѣръ узналъ главнымъ образомъ изъ московской информаціи, — въ Москвѣ населеніе, по призыву Карахана, шумно манифестировало, провозглашая освобожденіе трудящихся Японіи отъ монархической тираніи.

Ораторы Коминтерна открыто хвастались тѣмъ, что огромное количество огнестрѣльнаго оружія, штыковъ, ручныхъ гранатъ и прочаго, неожиданно оказавшееся въ распоряженіи демонстрантовъ, пошло въ Японію изъ арсенала, учрежденнаго Караханомъ пять лѣтъ тому назадъ въ Забайкальѣ.

Поворотнымъ моментомъ событій въ Токио явился переходъ второго и третьяго гвардейскихъ полковъ на сторону возставшихъ. Императоръ Хирошито со своей семьей и приближенными вынужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ на аэропланѣ. Въ теченіе трехъ дней не было никакихъ извѣстій о мѣстѣ его нахождения.

Впослѣдствіи выяснилось, что императоръ собирался снискаться въ Йокотамѣ, мѣстѣ стоянки японскаго флота, но затѣмъ ему пришлось измѣнить свой планъ, потому что радио сообщило, что флотъ также перешелъ на сторону красныхъ.

Недѣлей спустя одинъ изъ пароходовъ „Америка-Долларъ-Лайнъ“ доставилъ низложеннаго императора въ Маниллу.

Въ Токио подъ предсѣдательствомъ Ката Яката образовалось рабоче-крестьянское правительство. Одному изъ полковниковъ японской арміи, въ свое время вынужденному выйти въ отставку изъ-за отказа привести въ исполненіе смертный приговоръ, вынесенный одному изъ своихъ сол-

датъ, уличенному въ коммунистическую пропаганду, было предложено занять постъ военнаго министра. Въ составъ арміи влились отряды вооруженныхъ рабочихъ.

За этими событіями послѣдовала шестинедѣльная кровавая расправа съ приверженцами стараго режима, съ министрами, высшими чиновниками, депутатами парламента.

Москва немедленно же признала новое японское правительство, и Караханъ поздравилъ японское верховное командованіе съ благополучнымъ исходомъ революціи и выразилъ пожеланіе, чтобы японскому оружію и впредь сопутствовала удача.

Несмотря на происшедшій въ Токио переворотъ, рядъ провинціальныхъ городовъ все еще продолжалъ оставаться во власти японскихъ „реакціонеровъ“.

Октябрь 1932 года явился для Спида и для меня горячимъ мѣсяцемъ. Наилучшимъ источникомъ информаціи обо всемъ, что происходило на востокѣ, являлся Коминтернъ. Совѣтское посольство, въ силу своихъ тѣсныхъ связей съ японскими революціонерами, имѣло возможность непрерывно сноситься по телеграфу съ Москвой и сообщать всѣ подробности происходившихъ въ Японіи событій.

Какъ-то, воспользовавшись перегрузкой телеграфа правительственными сообщеніями, я добился разрѣшенія послать Спида съ моими корреспонденціями въ Ригу. Мощный аэропланъ Спида совершилъ этотъ тысячекилометровый перелетъ въ пять часовъ, и я былъ первымъ, кто сумѣлъ сообщить міру о взятіи въ плѣнъ и казни японскаго губернатора въ Корей.

Винней возвратился въ Москву черезъ два дня и привезъ мнѣ телеграмму изъ нашей редакціи въ Чикаго. Телеграмма гласила, что мнѣ за мой „мировой рекордъ быстроты газетной информаціи“ преподносится награда въ размѣрѣ тысячи долларовъ. Я по-братски раздѣлил этотъ даръ небесъ между мною и Спидомъ, и мы рѣшили вечеромъ отпраздновать нашъ успѣхъ.

Мы отправились въ кафе „Монбланъ“, самое изысканное ночное кафе Москвы. Выпалъ снѣгъ, а въ кафе было тепло и уютно. Изъяснявшійся на французскомъ языкѣ

лакей проворно взял у насъ червонецъ и предоставилъ намъ столы въ близости отъ эстрады.

Кафе было наполнено интернациональной публикой. Рядомъ съ европейцами сидѣли бритые представители восточныхъ народовъ. Среди нихъ были и молодыя дѣвушки. Русскія дѣвушки въ большинствѣ своемъ одѣвались по парижской модѣ, что не мѣшало, однако, въ некоторымъ изъ нихъ носить на шеѣ красные галстуки, украшенные значками комсомола.

Въ кафе вошли два маленькихъ японца — на рукавѣ у нихъ было по красной повязкѣ. Посѣтители кафе восторженно приветствовали вошедшихъ.

За сосѣднимъ съ нами столикомъ сидѣла странная парочка: молодая дѣвушка съ коротко остриженными волосами и юноша съ темными глазами и желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Парочка была одѣта по-европейски, пила чай съ лимономъ и молчала. Дѣвушка внимательно слѣдила за выступавшими танцорами; онъ не спускалъ глазъ съ ея лица.

— Эта дѣвушка — миссъ Совѣтская республика, — сказалъ мнѣ Спидъ, — она только что возвратилась съ курса въ Атлантикъ-Сити. Я не прочь потанцовать съ нею. Хотѣлъ бы я знать, на какомъ языкѣ она разговариваетъ. — Спидъ выпилъ рюмку водки и снова уставился на красавицу.

— Она похожа на обитательницу Скандинавіи, — замѣтилъ я.

— Къ сожалѣнію, я не владѣю ни однимъ изъ скандинавскихъ языковъ, — сказалъ Спидъ, — но быть можетъ она понимаетъ интернациональный языкъ.

И его взглядъ встрѣтился со взглядомъ дѣвушки. Спидъ улыбнулся и блеснулъ зубами, словно спрашивая: „Хотите ли потанцовать“? Но дѣвушка невозмутимо поглядѣла на него и закурила папиросу.

Спидъ сконфуженно сказалъ:

— Вы видѣли, какъ она на меня посмотрѣла? Она можетъ заморозить своимъ взглядомъ.

Часъ спустя, когда мы безъ остатка опорожнили бутылку водки, — повиненъ въ этомъ былъ главнымъ образомъ Спидъ, — онъ нѣсколько избавился отъ своего смущенія и

продолжалъ поглядывать на „полярную красавицу“. Поведеніе Спиды особаго восторга въ спутникѣ дѣвушки не вызвало.

Неожиданно разстроенное веселье было прервано боемъ, и вышедшій на середину зала метръ-д'отель заявилъ:

— Товарищи, въ нашей средѣ находятся два героя мировой революціи, товарищи Иши и Каруги. Эти товарищи приняли участіе въ побѣдоносной борьбѣ у императорскаго дворца въ Токио, причемъ одинъ изъ нихъ, капитанъ Каруги, получилъ раненіе. Приветствуя ихъ въ городѣ, ставшемъ колыбелью революціи, мы выражаемъ имъ свѣй восторгъ и просимъ принять эти цвѣты.

Подъ восторженный ревъ посѣтителей ресторана Каруги поднялся и, принявъ цвѣты, выразилъ присутствующимъ благодарность за оказанную Японіи поддержку въ борьбѣ противъ монархіи.

— Плечомъ къ плечу пойдемъ мы съ вами въ борьбу за освобожденіе всего міра изъ-подъ капиталистическаго ига. Россія и Японія — единственныя страны въ мірѣ, въ которыхъ цвѣтъ кожи и расовыя различія не служатъ ни для кого препятствіемъ. Всѣ мы, внѣ зависимости отъ того, какого цвѣта наша кожа, — равны, и въ жилахъ нашихъ течетъ одна и та же кровь. Эти цвѣты я принимаю въ знакъ существующаго между нашими странами союза. И принимая эти цвѣты, я позволю себѣ вручить ихъ здѣсь присутствующей дѣвушкѣ, наиболѣе полно воплотившей въ себѣ идеалъ красоты вашей страны.

И съ этими словами онъ положилъ букетъ передъ нашей сосѣдкой.

Публика бурно зааплодировала поступку японца, а дѣвушка покраснѣла и смущенно улыбнулась. Но не такъ реагировалъ на поступокъ японца ея спутникъ. Онъ вскочилъ, лицо его исказилось гнѣвомъ и, схвативъ букетъ, онъ швырнулъ его съ размаха въ лицо изумленному японцу.

Вокругъ насъ раздался грохотъ, — всюду полетѣли на полъ опрокинутые столы и стулья, послышался звонъ разбиваемой вдребезги посуды; всѣ, находившіеся въ ресторанѣ, вскочили на ноги и бросились къ виновникамъ разыграв-

шейся сцены. Дѣвушка также вскочила съ мѣста и, что-то крикнувъ своему спутнику на незнакомомъ намъ языкѣ, направилась къ выходу. Въ ресторанѣ завязалась свалка.

Спутникъ дѣвушки повалилъ Каруги на землю и, ловко увернувшись отъ напавшаго на него исполина, подставилъ послѣднему подножку. При паденіи исполинъ задѣлъ дѣвушку и та упала на полъ.

— За мной! — вскричалъ Спидъ и бросился въ гущу человѣческихъ тѣлъ. Я инстинктивно послѣдовалъ за нимъ. Въ то мгновеніе, когда мы поровнялись съ дѣвушкой, въ ресторанѣ неожиданно погасли огни.

— Боссъ, гдѣ вы? — раздался рядомъ со мною голосъ Спида.

— Здѣсь, — проревѣлъ я въ отвѣтъ.

— Она здѣсь!..

И мы принялись прочищать въ темнотѣ путь къ выходу. По пути намъ попадались опрокинутые стулья, посуды, какіе-то люди. Вокругъ насъ раздавались стоны, вопли, угрозы.

Наконецъ, намъ удалось выбраться къ стѣнѣ, и мы пошли вдоль нея. Спидъ шелъ впереди, и я слѣдовалъ за нимъ. По пути намъ приходилось преодолевать рядъ препятствій. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за ноги, но ударомъ ноги мнѣ удалось высвободиться.

— Вотъ дверь, — прогремѣлъ Спидъ. — Скорѣй сюда!

Мы протиснулись сквозь узенькую дверь. Вокругъ насъ царилъ мракъ. Мы счастливо выбрались изъ общей свалки и теперь находились на небольшомъ дворѣ, утопая по щиколотки въ таломъ снѣгу.

— Славная исторія, — сказалъ Спидъ. — Быть можетъ, вы будете столь любезны и спросите малютку на французскомъ или какомъ-нибудь другомъ языкѣ, куда можно было бы теперь пойти потанцевать. Я давно собираюсь пригласить ее на танецъ.

Въ отвѣтъ рядомъ съ нами раздался звонкій хохотъ.

— Вамъ нечего прибѣгать къ французскому языку. Мнѣ кажется, я смогу васъ понять, если вы будете говорить медленнѣе. — Дѣвушка безусловно владела англійскимъ

языкомъ. Голосъ ея звучалъ необыкновенно пріятно и въ немъ все еще слышались нотки смѣха.

— Господи!.. — вырвалось у пораженного Спида.

— Подождите, я сейчасъ зажгу спичку, — сказалъ я.

— Прошу васъ не дѣлайте этого, — взмолилась дѣвушка, и я почувствовалъ, какъ она коснулась моей руки. Мнѣ показалось, что она тѣснѣе прижалась ко мнѣ, словно пытаясь укрыться отъ надвигавшейся на нее опасности.

— Въ такомъ случаѣ выйдемте-ка на улицу, — предложилъ Спидъ. — Будь мы въ Санъ-Луи, полиція давно бы вмѣшалась во все это дѣло.

— Я боюсь, что не смогу сопровождать васъ, какъ бы мнѣ этого ни хотѣлось, — воскликнула дѣвушка.

— Быть можетъ, вамъ угодно, чтобы мы васъ отвели обратно? — спросилъ Спидъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого мнѣ не хочется.

— Тогда чего же, чортъ поberi, вы...

— Право мнѣ очень совѣстно признаться въ этомъ, но прежде всего я хотѣла бы получить какое-нибудь пальто. По совѣсти говоря, я нуждаюсь не только въ пальто, но и въ какомъ-нибудь платьѣ. Свое платье я потеряла во время свалки. Здѣсь въ темнотѣ я не ощущаю его отсутствія, но мнѣ не хотѣлось бы показываться въ такомъ видѣ на людяхъ. Вамъ вѣдь это понятно?

— Честное слово, я думалъ, такія исторіи могутъ быть только во снѣ! — вырвалось у Спида. — Вотъ вамъ мой пиджакъ, — пусть онъ послужитъ вамъ фартукомъ. Пояжитесь имъ...

— Не особенно надежная одежда, но все же частично прикрываетъ, — вырвалось у дѣвушки.

Я оставилъ ихъ въ темнотѣ, а самъ поспѣшилъ на улицу и остановилъ такси. Потомъ я подѣлалъ съ ними до отеля, дождался, пока Спидъ сходилъ къ себѣ за длиннымъ дорожнымъ плащомъ, и мы поднялись наверхъ.

Пока дѣвушка находилась въ комнатѣ Спида и приводила себя въ порядокъ, Спидъ занялся самоваромъ. Вскорѣ появилась и дѣвушка — теперь на ней были сѣрые спортивные шаровары Спида и свѣтло-синяя фуфайка. Засу-

нувъ руки въ карманы, она направилась къ креслу и, усѣвшись въ него, закурила папиросу.

— Леди Годива, какъ васъ зовутъ? — освѣдомился Спидъ.

— Сэръ Вальтеръ, развѣ это вамъ не безразлично? — отвѣтила она улыбаясь. — Не забывайте о томъ, что я теперь мужчина.

Я обратилъ ея вниманіе на то, что въ Москвѣ иностранцы находятся подъ непрерывнымъ наблюденіемъ, и поэтому рекомендовалъ ей рассказать о себѣ ровно столько, сколько она считала необходимымъ сообщить намъ.

Она взяла клочокъ бумаги и карандашъ и по мѣрѣ того, какъ говорила, заносила сказанное на бумагу:

— Имя? Марго. Фамилія? Дениссонъ. — Адресъ? Софійка 24, третій этажъ, у Ишвинскихъ. Профессія? Машинистка. Занятія? Безработная. Послѣднее мѣсто службы? Британская Платиновая Компанія. Уволена три дня тому назадъ.

Причина увольненія? — Заподозрѣна въ томъ, что выдала коммерческія тайны фирмы совѣтскому комиссариату торговли. Короче говоря: заподозрѣна въ шпионажѣ въ пользу красныхъ. Національность? Англичанка. Остальное васъ, должно быть, не интересуеетъ. —

Мы бесѣдовали съ дѣвушкой до поздней ночи. Въ нашей новой знакомой было много своеобразнаго, отъ нея вѣяло спокойствіемъ и сознаніемъ своего достоинства, — она мнѣ понравилась. Она отлично разбиралась въ происходящихъ событіяхъ и знала о нихъ больше, чѣмъ обычно знаетъ двадцатитрехлѣтняя дѣвушка. Въ Москву она прѣхала заинтересовавшись социальными экспериментами, производившимися въ совѣтской странѣ.

По своимъ взглядамъ, она симпатизировала культурнымъ и созидательнымъ начинаніямъ московской власти, но ни въ какой степени не раздѣляла дѣятельности Коминтерна, стремившагося къ мировой революціи.

На мой вопросъ, имѣлись ли у направленныхъ противъ нея подозрѣнія какія-нибудь основанія, она отвѣтила отрицательно, и я повѣрилъ въ правдивость ея отвѣта. Ея по-

знанія въ русскомъ языкѣ могли пригодиться мнѣ, и поэтому я условился съ нею, что она будетъ часть дня проводить у меня и знакомить меня съ содержаніемъ русскихъ газетъ.

Винней отвезъ ее домой, и я легъ спать.

На слѣдующее утро меня вызвали въ Московское ГПУ. Очутившись въ кабинетѣ товарища Зурова, прославившагося своей жестокостью, и глядя въ его сѣрые глаза, я мысленно сталъ сожалѣть о томъ, что у меня имѣется воздушный курьеръ, секретарша-англичанка и что я такъ неосторожно впутался наканунѣ въ свалку въ ресторанѣ.

— Вы знаете, что у насъ контръ-революція, шпионажъ и тому подобное карается смертью? — спросилъ меня Зуровъ.

Я кивнулъ головой.

— Въ числѣ арестованныхъ у насъ есть одинъ изъ вашихъ земляковъ, — продолжалъ Зуровъ, не сводя съ меня глазъ. — Мы хотимъ установить, что вамъ извѣстно о немъ.

— О комъ идетъ рѣчь?

— Я говорю о нѣкоемъ Уитнеѣ Адамсѣ Доджѣ, утверждающемъ, что онъ — житель Бостона.

— Я что-то не помню о такомъ имени, — медленно отвѣтилъ я.

— У насъ есть основанія подозрѣвать въ немъ англійскаго агента. Онъ признался, что служилъ въ Египтѣ въ рядахъ англійской арміи. Мы знаемъ, что онъ пробрался черезъ передовыя позиціи и, явившись къ командующему египетской красной арміи, назвалъ американскимъ журналистомъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ наши агенты слѣдятъ за нимъ и были свидѣтелями его путешествія по Абиссиніи, Турціи и Арменіи. Мѣсяцъ тому назадъ мы арестовали его въ Астрахани, обвинивъ его въ переходѣ на территорію совѣтской Россіи безъ визы. Съ тѣхъ поръ онъ числится у насъ подъ слѣдствіемъ. Что вы можете сообщить мнѣ о немъ?

— Ничего, — отвѣтилъ я совершенно искренне, почувствовавъ облегченіе. — Но это обстоятельство еще не

можетъ служить уликой противъ него. Не могу же я знать всѣхъ сотрудниковъ американскихъ газетъ. Какъ онъ выглядитъ?

— Вы можете, если угодно, взглянуть на него, — отвѣтилъ Зуровъ и, нажавъ кнопку звонка, велѣлъ ввести арестованнаго.

Въ кабинетъ вошли двое солдатъ, ведя съ собою какого-то юношу.

Лицо его поросло бородою. На немъ не было пиджака, и воротъ его рубашки защитнаго цвѣта былъ разстегнутъ. Синія брюки, которыя ему приходилось поддерживать руками, были сильно запачканы. Ботинки его были безъ шнурковъ и на нихъ свисали ничѣмъ не придерживаемые носки.

Отсутствіе пояса, подтяжекъ и шнурковъ для ботинокъ показывало, что заключенному придавали особенное значеніе... ГПУ не хотѣли рисковать жизнью заключеннаго.

— Доджъ, — сказалъ Зуровъ, — если вы американецъ, то вы должны знать этого человѣка. Быть можетъ, вы убѣдите его въ томъ, что вы дѣйствительно являетесь его землякомъ, и объясните, почему вы попали въ СССР?

Получасовая бесѣда съ Доджемъ, проведенная въ присутствіи Зурова, окончательно убѣдила меня въ правдивости его словъ. Доджу было двадцать четыре года отъ роду, и большую часть своей жизни онъ провелъ за границей; его бостонскій акцентъ былъ совершенно естественнымъ.

Наша бесѣда закончилась тѣмъ, что я завѣрилъ Доджа, что сдѣлаю все возможное для того, чтобы добиться его освобожденія.

Онъ сердечно пожалъ мнѣ руку и снова удалился въ сопровожденіи конвоировъ.

— Скажите теперь чистосердечно свое мнѣніе, — сказалъ Зуровъ.

— Дѣло ясно, — отвѣтилъ я, — и, кажется, что мнѣ удастся убѣдить васъ въ этомъ въ теченіе десяти минутъ.

— Какимъ образомъ? — спросилъ Зуровъ.

— Предоставьте мнѣ возможность переговорить по те-

лефону съ нашимъ лондонскимъ представителемъ. Вы можете слушать нашъ разговоръ или потребовать стенографическій протоколъ нашей бесѣды.

Десятью минутами спустя я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ Джономъ Стиллсомъ, лондонскимъ представителемъ „Чикаго Трибюнъ“.

— Я хорошо знаю Доджа, — сказалъ мнѣ Стиллсъ, — это старая семья, выселившаяся изъ Англіи. Онъ окончилъ университетъ въ Оксфордѣ, былъ отличнымъ спортсменомъ и принималъ участіе въ гребныхъ гонкахъ. Единственный недостатокъ его заключается въ томъ, что онъ слишкомъ серьезенъ. Разумѣется, онъ не имѣетъ никакого отношенія къ шпионажу. Готовъ поручиться за него.

— И я ручаюсь за него, — сказалъ я, вѣшая трубку. — Стиллсъ знаетъ всѣхъ сколько-нибудь примѣчательныхъ американцевъ, жившихъ въ Лондонѣ послѣднія два десятка лѣтъ. Можете положиться на его отзывъ.

На слѣдующій день Доджъ былъ выпущенъ на свободу. Онъ переселился въ отель „Савой“ и отпраздновалъ свое освобожденіе, отмѣтивъ его горячей ванной.

Затѣмъ, заговоривъ со мною, онъ нещадно сталъ ругать русскихъ революціонеровъ и коммунистовъ, пока я не принужденъ былъ остановить его.

— Успокойтесь, Доджъ, и не болтайте лишняго. А не то вы снова попадете туда, откуда только что вышли. Я не одобряю ни теоріи, ни практики красныхъ, но я являюсь ихъ гостемъ и нахожусь въ ихъ странѣ. Соответственно съ тѣмъ я и долженъ себя вести. Я пріѣхалъ сюда въ качествѣ корреспондента-наблюдателя, а не въ качествѣ реформатора.

— Я очень сожалѣю, что такъ увлекся, — замѣтилъ Доджъ. — Впредь я буду сдерживать себя.

Мнѣ стало не по себѣ, и я искренне пожелалъ, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Москва въ тѣ времена, какъ это подтвердили вскорѣ разыгравшіяся событія, отнюдь не благопріятствовала излишней откровенности и болтовнѣ.

Въ іюнѣ 1914 года сигналомъ къ войнѣ послужилъ выстрѣлъ въ Сараевѣ. Въ 1932 судьбы Европы и Азіи тоже рѣшилъ выстрѣлъ.

2 ноября 1932 года былъ убитъ Іосифъ Сталинъ.

Слабоумный и худосочный еврейскій юноша, родители котораго проживали въ Польшѣ, выстрѣлилъ въ Сталина и убилъ диктатора, прозваннаго „стальнымъ человѣкомъ“, въ рукахъ котораго находилась вся полнота политической власти СССР.

Сталинъ былъ убитъ въ десять часовъ утра на Красной площади, въ тотъ моментъ, когда онъ выѣзжалъ въ своемъ автомобилѣ изъ Кремля черезъ старыя Спасскія ворота. Пуля пробила оконное стекло и убила диктатора наповалъ. Со Сталинымъ ѣхалъ только одинъ человѣкъ, и молчаливый диктаторъ умеръ на рукахъ этого человѣка. Этимъ человѣкомъ былъ Иванъ Караханъ.

Уолтеръ Дюрантей, московскій корреспондентъ „Нью-Йоркъ-Таймса“, и я случайно находились въ моментъ покушенія на Сталина въ лавчонкѣ одного изъ букинистовъ, помѣщавшихся на Красной площади. Хотя мы и не слышали выстрѣла, но наше вниманіе привлекли сбѣгавшіеся со всѣхъ сторонъ люди, и мы послѣдовали за ними.

Услышавъ о томъ, что случилось, я тутъ же возвратился въ лавку букиниста и позвонилъ по телефону въ свое бюро, поручивъ передать извѣстіе въ Чикаго какъ по телеграфу, такъ и по радіо. Одновременно я поручилъ Марго Дениссонъ передать Спиду, чтобы онъ немедленно же вылетѣлъ въ Ригу съ подробнымъ сообщеніемъ о случившемся. Въ этомъ сообщеніи я первый заговорилъ о томъ, что произошло, и о томъ довѣріи, которое питалъ къ Карахану покойный Сталинъ.

Лишь теперь стало ясно, что не кто иной, какъ Сталинъ, выдвинулъ Карахана на политическую арену и снабдилъ его чрезвычайными полномочіями. Сталинъ сдѣлалъ этотъ политическій ходъ для того, чтобы удалить изъ состава Политбюро приверженцевъ Троцкаго, продолжавшихъ

втихомолку работать въ пользу бывшаго начальника военныхъ силъ Совѣтовъ.

Сторонники Троцкаго въ составѣ Центральнаго Комитета слишкомъ поздно раскусили маневръ Сталина. Событія чуть не вызвали конфликта на національной почвѣ, потому что оба политическихъ противника принадлежали къ различнымъ расамъ, а большинство сторонниковъ Троцкаго, развившихъ сильное сопротивление противъ дѣйствій диктатора, были евреями.

Сталинъ убѣдилъ Карахана, что единственнымъ врагомъ, котораго ему слѣдовало опасаться, былъ Троцкій и его приверженцы-евреи въ составѣ Центральнаго Комитета.

Когда по Москвѣ распространилось извѣстіе о смерти Сталина, сразу же поползъ слухъ, что убійство Сталина является дѣломъ рукъ евреевъ, организовавшихъ заговоръ для захвата власти въ Совѣтской республикѣ.

Тщетно пытался я получить какія-нибудь доказательства того, что убійство Сталина было дѣяніемъ определенной политической группы. Впослѣдствіи также не удалось установить какой-либо причастности Троцкаго и его сторонниковъ къ акту, совершившемуся второго ноября.

Тѣмъ не менѣе возбужденіе московскаго населенія было настолько велико, что мало-мальски разсудительное и безпристрастное разслѣдованіе этого убійства было немыслимо. Снова выплыло старое обвиненіе противъ евреевъ, и на сей разъ его использовалъ въ своихъ интересахъ Караханъ.

Въ день убійства Сталина на улицахъ Москвы были убиты двѣ тысячи триста евреевъ. То былъ погромъ, какого страна не переживала со временъ тысяча девятьсотъ пятаго года.

На улицахъ происходили потрясающія сцены. Женщины и дѣти гибли подъ копытами сметавшихъ все на своемъ пути конныхъ патрулей. Тщетно пытавшихся спастись евреевъ подымали на штыки. Народъ громилъ еврейскія жилища и лавчонки.

Ежедневно я посылалъ въ Америку подробныя сообщенія о разыгравшихся въ Москвѣ ужасахъ. Сообщенія эти подыняли во всемъ мірѣ волну возмущенія. Къ удивленію про-

живавшихъ въ Москвѣ иностранныхъ корреспондентовъ, московское правительство не приняло никакихъ мѣръ къ тому, чтобы извѣстія эти не проникли за границу, и мы безпрепятственно посылали наши сообщенія, слѣдствіемъ которыхъ явилось то, что весь міръ цѣликомъ ушелъ въ эту сторону событий и проглядѣлъ подготовленный Караханомъ въ Москвѣ переворотъ, выразившійся въ томъ, что отнынь вся полнота власти перешла къ Карахану, сосредоточившему гражданское управленіе въ рукахъ одного изъ ближайшихъ соратниковъ Сталина, Маликова, доселѣ возглавлявшаго комиссаріатъ рабоче-крестьянской инспекціи.

Караханъ сталъ преемникомъ Сталина и принялъ на себя обязанности несмѣняемаго генеральнаго секретаря центрального комитета партіи.

Маликовъ сталъ его замѣстителемъ и возглавилъ Совнаркомъ.

Политбюро сосредоточивало въ себѣ дѣятельность всѣхъ краевыхъ комитетовъ партіи. При помощи своихъ людей, возглавлявшихъ краевыя организаціи, и опираясь на подчиненную ему военную силу, Караханъ цѣликомъ перестроилъ правительственный аппаратъ Совѣтской республики.

Формально полнотой власти располагало все стопятидесятимилліонное населеніе страны; на самомъ же дѣлѣ вся власть принадлежала одному лицу, бывшему неограниченнымъ властелиномъ надъ страной въ гораздо большей степени, чѣмъ послѣдній царь.

Мои сообщенія по телеграфу и радио подробно описывали силы, на которыя опирался Сталинъ, и устанавливали, что и Москва и Ленинградъ были цѣликомъ подчинены диктатору, и что только на югѣ Россіи — въ Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ — назрѣвала оппозиція противъ новаго властелина.

Но Караханъ отлично зналъ Украину, и тутъ же на югѣ были переброшены вѣрные ему отряды, состоявшіе изъ татаръ, калмыковъ и башкировъ. Въ вызывавшихъ опасенія городахъ было объявлено осадное положеніе.

Въ Кіевѣ дѣло дошло до трехдневныхъ уличныхъ боевъ. Въ Одессѣ беспорядки приняли еще болѣе затяжную форму.

Послѣ усмиренія этихъ городовъ были казнены три тысячи человѣкъ.

Непосредственно за военными частями Карахана слѣдовали маликовскіе агенты ГПУ, облеченные особыми полномочіями и создавшіе въ занятыхъ городахъ чрезвычайные трибуналы, выносившіе смертные приговоры. Терроръ сопровождался публичными казнями.

Не прошло и десяти дней, какъ оппозиція была разгромлена и подавлена въ корнѣ.

Но Караханъ не склоненъ былъ перевести страну на мирное положеніе — съ этимъ слѣдовало повременить. Поэтому агитаторы Маликова и партійная печать стали усиленно распространять свѣдѣнія объ обнаруженныхъ контр-революціонныхъ заговорахъ, и сотни лицъ, заподозренныхъ въ контр-революціонной дѣятельности, были арестованы. Одновременно, пользуясь тревожнымъ настроеніемъ, Караханъ призвалъ на военную службу два дополнительныхъ года.

Заслуга перваго сообщенія объ этой тайно проведенной мобилизаціи принадлежитъ Спиду Биннею. Онъ получилъ это извѣстіе отъ француженки, любовницы одного изъ чиновъ штаба красной арміи. Объ этой мобилизаціи не было опубликовано ни слова, и лишь очень ограниченный кругъ военныхъ былъ освѣдомленъ о ней.

Регулярная армія Совѣтскихъ республикъ насчитывала шестьсотъ тысячъ человѣкъ и ежегодно къ отбыванію воинской повинности привлекалось пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. И такое же количество обученныхъ солдатъ ежегодно уходило домой, зная, что имъ предстоитъ по первому призыву снова вернуться въ ряды арміи.

Мобилизація двухъ сроковъ призыва означала, что совѣтская армія увеличивается сразу на одинъ милліонъ сто тысячъ штыковъ, причемъ это увеличеніе проводилось за счетъ обученныхъ и подготовленныхъ къ войнѣ солдатъ. Такимъ образомъ красная армія сразу возрастала второе и насчитывала одинъ милліонъ семьсотъ тысячъ человѣкъ.

Красная армія отнынѣ была самой многочисленной арміей въ мірѣ.

Какими послѣдствіями грозила эта мобилизація, мнѣ стало ясно, когда я заглянулъ въ случайно попавшійся старый военный справочникъ за 1928 годъ и отыскалъ въ немъ на страницѣ 848 таблицу сравнительныхъ военныхъ силъ, которыми могли располагать отдѣльныя страны.

Тамъ я нашелъ слѣдующія свѣдѣнія:

<i>Съв.-Американскіе Соединенные Штаты</i>	18.500.000	человѣкъ
<i>СССР</i>	14.000.000	"
<i>Германія</i>	8.700.000	"
<i>Великобританія</i>	6.134.540	"
<i>Франція</i>	6.000.100	"
<i>Италія</i>	5.321.649	"
<i>Польша</i>	2.744.372	"
<i>Юго-Славія</i>	2.192.000	"
<i>Чехо-Словакія</i>	2.104.700	"
<i>Румынія</i>	1.600.000	"

Эти свѣдѣнія, хоть и имѣли пятилѣтнюю давность и не соответствовали въ полной мѣрѣ современному положенію вещей, все же позволяли судить о соотношеніи армій, существовавшихъ между СССР и прочими европейскими государствами. Въ томъ же справочникѣ я нашелъ слѣдующую таблицу:

Страна	Населеніе	Регулярная армія	Обученн. резервы	Необучен. резервы	Общ. числ. арміи	Прог.
<i>СССР</i>	149.300.000	608.000	800.000	12.501.900	14.000.000	9,3
<i>Франція</i>	40.922.000	632.600	4.639.000	700.000	6.001.000	14,6
<i>Англія</i>	45.226.300	154.500	305.830	5.676.010	6.136.340	13,6
<i>Италія</i>	42.115.606	240.288	3.120.614	2.000.000	5.321.649	12,6
<i>Германія</i>	62.348.782	100.000	—	3.600.000	8.700.000	13,9
<i>Польша</i>	29.249.000	244.372	—	2.500.000	2.744.372	9,4
<i>Югославія</i>	12.017.323	117.000	2.075.000	—	2.192.000	18,2
<i>Румынія</i>	17.393.000	226.500	—	1.333.500	1.600.000	9,2
<i>Чехо-Словакія</i>	13.613.172	120.000	1.509.700	475.000	2.104.700	15,5

Значеніе этой таблицы я изложилъ въ корреспонденціи объемомъ въ двѣ тысячи словъ и тутъ же отослалъ ее по радіо.

Такъ какъ телеграфъ попрежнему былъ перегруженъ правительственными сообщеніями, у меня вошло въ обыкновеніе посылать копіи наиболѣе важныхъ сообщеній воздушной почтой въ Ригу. Это сообщеніе я также отправилъ въ Ригу со Спидомъ, въ тотъ же часъ вылетѣвшимъ въ путь.

Я легъ спать съ пріятнымъ сознаніемъ, что мнѣ удалось снова опередить моихъ коллегъ и создать сенсацію.

Но на слѣдующее утро мнѣ суждено было проснуться въ неурочное время — въ шесть часовъ утра меня разбудилъ, неизвѣстно какъ попавшій ко мнѣ въ номеръ, какой-то военный.

— Съ добрымъ утромъ, товарищъ Гиббонсъ, — сказалъ онъ мнѣ, привѣтливо улыбаясь, — я полковникъ Бойеръ изъ штаба товарища Карахана и мнѣ поручено пригласить васъ на завтракъ къ нашему главнокомандующему.

Въ первыя минуты я не могъ придти въ себя отъ неожиданности приглашенія, болѣе похожаго на приказъ, неурочнаго часа пробужденія и утренняго холода. Итакъ, мое завѣтное желаніе исполнилось — я не разъ пытался снова встрѣтиться съ Караханомъ, съ которымъ познакомился еще въ 1921 году, но всѣ мои попытки вторично представиться ему терпѣли неудачу.

— Чудесно! — воскликнулъ я, выскакивая изъ постели. — Черезъ нѣсколько минутъ я въ вашемъ распоряженіи.

— Ъздите ли вы верхомъ? — освѣдомился у меня мой неурочный гость.

— Да.

— Отлично. Въ такомъ случаѣ надѣньте рейтузы и сапоги. Можетъ быть, товарищъ Караханъ возьметъ васъ съ собою на утреннюю прогулку.

Быстро одѣвшись, я послѣдовалъ за Бойеромъ и поѣхалъ съ нимъ въ его штабномъ автомобилѣ. Въ холодное зимнее утро мы быстро пронеслись по Тверской, черезъ Триумфальную Арку у Брестскаго вокзала и затѣмъ повернули на широкое Ленинградское шоссе. Полковникъ Бойеръ вѣжливо предложилъ мнѣ закурить и затѣмъ заговорилъ:

Для человѣка, никогда не бывшаго военнымъ, вы обладаете изумительными военными познаніями. Товарищъ Ка-

раханъ вчера ознакомился съ матеріаломъ о васъ и очень заинтересовался вами. Не менѣе заинтересованъ онъ былъ вашимъ вчерашнимъ сообщеніемъ о мобилизаціи.

— Мое сообщеніе соотвѣтствовало истинѣ? — освѣдомился я.

— Боюсь, что да, — отвѣтили улыбаясь Бойеръ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ суждено поднять въ Европѣ немалую шумиху, — самодовольно отвѣтилъ я.

— О нѣтъ, — отвѣтилъ попрежнему улыбаясь Бойеръ, — ваше сообщеніе не достигнетъ своей цѣли. Боюсь, что миллионы вашихъ читателей на сей разъ будутъ лишены удовольствія читать ваше сообщеніе. Удовлетворитесь тѣмъ, что ваша корреспонденція заинтересовала генерала. Онъ тутъ же потребовалъ изъ інформаціоннаго отдѣла имѣющійся о васъ матеріалъ, и результатомъ знакомства съ этимъ матеріаломъ явилось сегодняшнее приглашеніе на завтракъ.

Принятіе цензурою мѣръ къ тому, чтобы моя корреспонденція не получила огласки, подтверждало, что мобилизація была совершившимся фактомъ. Я понималъ, что не только въ этомъ я оказался правъ, но и что мои предположенія о томъ, что мы стоимъ наканунѣ серьезныхъ событій, также правильны.

Одновременно я попытался утѣшиться мыслью, что Спиду Биннею на своемъ двухмоторномъ аэропланѣ удалось достичь Риги и передать мою корреспонденцію въ Америку. Однако я поостерегся выразить эту надежду вслухъ.

Мы остановились у въѣзда въ Петровскій паркъ. Передъ Петровскимъ дворцомъ я увидѣлъ нѣсколько десятковъ осѣдланныхъ лошадей и вѣстовыхъ. Мы миновали мраморный вестибюль, въ которомъ находилась дюжина людей изъ свиты Карахана, — большинство изъ нихъ, судя по ихъ пѣту кожи, принадлежали къ восточнымъ народамъ.

Бойеръ отворилъ дверь, и я послѣдовалъ за нимъ.

— Намъ придется подождать здѣсь пару минутъ и... Онъ оборвалъ фразу на полусловѣ, замѣтивъ, что мы находились не одни въ этой комнатѣ.

У окна стояла какая-то фигура. Когда она повернулась къ намъ, я узналъ жену диктатора. Но какая въ Линъ

Ларкинъ произошла переменна! Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее въ Москвѣ одиннадцать лѣтъ тому назадъ — тогда на лицѣ Линъ не было ни одной морщинки, не было и слѣда печали. Нынѣ выраженіе лица этой гордой и свободной ирландки совершенно измѣнилось. То не была прежняя Линъ Ларкинъ, добровольно уѣхавшая изъ Америки въ изгнаніе.

Я мысленно подивился происшедшей въ ней переменѣ. Была ли эта переменна слѣдствіемъ любви и материнства, или же ея непреклонному духу пришлось столкнуться съ еще болѣе сильной волей? Не сломилъ ли ее человѣкъ, фамилію котораго она теперь носила?

Узнавъ меня, она грустно улыбнулась и протянула мнѣ руку:

— Встрѣча съ вами напоминаетъ мнѣ давно минувшія времена. Что-то повисло въ воздухѣ. Зачѣмъ вы пріѣхали сюда? Вы ожидаете войны? — и обратившись къ Бойеру, желавшему представить насъ другъ другу, она добавила: — Это совершенно излишне, — мы знакомы со времени голоднаго года. Да, въ тѣ времена Москва была совсѣмъ иная.

— Вы правы, — согласился я съ нею, — но теперь жизнь въ Москвѣ значительно легче, — намъ не приходится дѣлиться послѣднимъ сухаремъ. Съ той поры много воды утекло, и вы теперь засѣдаете въ „Бѣломъ Домѣ“ Москвы и хороши, какъ прежде.

Лицо ея нѣсколько прояснилось, и она замѣтила:

— Я счастливѣйшая женщина въ мірѣ. Я жена великаго человѣка и на мою долю выпало счастье сопутствовать ему въ годы его возвышенія. У меня трое прелестныхъ дѣтей, и я смѣю надѣяться, что все то, о чемъ я говорила нѣкогда на митингахъ въ Америкѣ, вынѣ осуществится.

Эти нѣсколько патетическія слова показались мнѣ не совсѣмъ искренними, и я не повѣрилъ въ счастье госпожи Караханъ.

— Я вижу, что вы собираетесь сегодня съ нимъ на прогулку, — продолжала она. — Давно, давно мнѣ не приходилось выѣзжать съ нимъ. Теперь мнѣ приходится большую часть времени проводить дома у дѣтей. Но сегодня я

хочу приготовить ему сюрпризъ и поѣхать съ нимъ на утреннюю прогулку. Собственно, мнѣ здѣсь — въ его штабъ-квартирѣ, дѣлать нечего, но я хотѣла ему показать мой новый костюмъ для верховой ѣзды. Онъ спитъ по моему эскизу. Какъ онъ вамъ нравится? Считаете ли вы, что онъ соотвѣтствуетъ моему положенію жены главнокомандующаго?

Прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на ея вопросъ, отворилась дверь и въ комнату вошелъ одинъ изъ адъютантовъ и что-то шепнулъ моему спутнику.

Мы встали. Линъ сказала:

— Я позволю себѣ удовольствіе лично представить васъ моему мужу, — и мы втроемъ направились въ сосѣдній залъ.

Караханъ находился въ немъ въ одиночествѣ и стоялъ у камина. Его коротко стриженные черные волосы придавали лицу выраженіе жесткости. Голова его была чуть наклонена впередъ, а тонкій ротъ сжатъ. Онъ стоялъ спиной къ камину, развернувъ плечи и заложивъ руки за спину.

Линъ Ларкинъ остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и взглянула на своего мужа. Послѣдній перевелъ на нее свой пылающій взглядъ и не подалъ виду, что узнаетъ ее или хочетъ привѣтствовать ее. Наступило длительное и тягостное молчаніе.

— Дорогой мой, — попыталась нарушить это молчаніе Линъ, — какъ тебѣ нравится... я думала... позволъ мнѣ представить тебѣ моего стараго товарища... можетъ быть, мы тебѣ помѣшали? ты занятъ?

Лицо Карахана оставалось попрежнему неподвижнымъ. Огненные глаза его продолжали впиваться въ лицо стоявшей передъ нимъ блѣлой женщины. Я почувствовалъ ея смущеніе, и мнѣ стало жаль ее. Молчаніе становилось мучительнымъ.

— Немедленно ступай домой, — наконецъ-то раздался его голосъ. Англійскія слова съ шипѣніемъ слетали со стиснутыхъ губъ Карахана. — Дѣти ждутъ тебя. И сними съ себя этотъ шутовской нарядъ, прежде чѣмъ ты покажешься имъ. Въ моей семьѣ штаны носятъ только мужчины.

Линъ, ни слова не говоря, повернулась и поспѣшила уйти. Она избѣгала встрѣчи съ моимъ взглядомъ, но я замѣтилъ, что губы ея дрожали. Неужели это была та самая своевольная и строптивая Линъ Ларкинъ, которую я знавалъ въ Бостонѣ и въ Нью-Йоркѣ? Неужели то была та самая Линъ Ларкинъ, призывавшая рабочихъ къ возстанію и проповѣдывавшая мировую революцію и терроръ?

Бойеръ и я молча созерцали эту тягостную сцену. Казалось, Караханъ не замѣтилъ насъ. Лишь послѣ того, какъ дверь захлопнулась за его женою, онъ повернулся ко мнѣ, и его глаза пристально осмотрѣли меня съ головы до пятъ.

Казалось, онъ изучаетъ меня, и хоть этотъ осмотръ длился всего лишь нѣсколько секундъ, онъ показались мнѣ вѣчностью. Потомъ онъ небрежно кивнулъ мнѣ головой.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, и голосъ его зазвучалъ чуть привѣтливѣе, чѣмъ тогда, когда онъ говорилъ со своей женою. — Мы поьемъ чаю и черезъ десять минутъ пустимся въ путь. Послѣ прогулки вы сможете позавтракать.

Онъ говорилъ по-англійски съ легкимъ американскимъ акцентомъ, унаслѣдованнымъ отъ Линъ, бывшей его учительницы.

Стоя у камина, мы выпили нѣсколько стакановъ чаю. Тщетно пытался я заговорить о своихъ корреспонденціяхъ и объявленной мобилизаціи — полковникъ Бойеръ безпрестанно говорилъ о погодѣ, лошадяхъ и различныхъ пустякахъ. Караханъ продолжалъ молчать.

Послѣ чаю онъ направился къ выходу, и мы послѣдовали за нимъ. Очутившись на дворѣ, онъ указалъ мнѣ на лошадь, стоявшую рядомъ съ его лошадыю. Мы вскочили въ сѣдло и въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ поехали на прогулку. Я скакалъ слѣва отъ Карахана; по другую сторону скакалъ Бойеръ.

— Какъ обстояли дѣла въ Сѣверной Африкѣ въ моментъ вашего послѣдняго тамъ пребыванія? — спросилъ меня Караханъ.

Я вкратцѣ изложилъ ему мои впечатлѣнія о томъ, что мнѣ суждено было увидѣть во французской, испанской и

английскихъ арміяхъ Африки, и постарался перевести разговоръ на интересовавшую меня тему:

— Ни одна изъ европейскихъ державъ не располагаетъ арміей, которая была бы столь же сильна, какъ ваша армія, имѣющаяся въ данное время въ вашемъ распоряженіи, или которая будетъ имѣться въ вашемъ распоряженіи, послѣ проведенія мобилизаціи.

— Чьи войска въ Сѣверной Африкѣ, по вашему, наиболѣе дисциплинированы? — спросилъ меня Караханъ, не обративъ вниманія на мою уловку и не утомивъ меня взглядомъ.

Я отвѣтилъ ему, что по моему мнѣнію наиболѣе дисциплинированы и боеспособны фашистскіе отряды Муссоливи, находящіеся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ ихъ французскіе, английскіе и испанскіе сосѣди по фронту.

— Правда ли то, что французы и итальянцы примѣняютъ для переброски силъ на фронтъ большіе аэропланы? — продолжалъ онъ спрашивать безстрастнымъ тономъ.

Я отвѣтилъ ему, что это дѣйствительно такъ, и что я объ этомъ не разъ писалъ въ своихъ корреспонденціяхъ. Онъ помолчалъ мгновенье, а потомъ перемѣнилъ тему бесѣды.

— Какого вы мнѣнія о румынской арміи?

— Не особенно высокаго, — отвѣтилъ я. Я ожидалъ, что онъ улыбнется, но лицо его осталось попрежнему безстрастнымъ. Онъ ускорилъ лишь бѣгъ своего коня, и Бойеръ и я послѣдовали его примѣру.

— Вамъ приходилось встрѣчаться съ Пилсудскимъ? — спросилъ онъ, и по тону его вопроса я понялъ, что онъ достаточно полно освѣдомленъ обо всемъ, что касалось меня. Мнѣ оставалось лишь со всей откровенностью заговорить о своемъ прошломъ.

— Да, я встрѣтился съ нимъ въ 1921 году во время войны противъ васъ. Вы тогда заставили насъ пробѣжать немалое разстояніе. Отъ Кіева до Варшавы. Около Брестъ-Литовска я чуть было не попалъ въ плѣнъ.

Наша своеобразная бесѣда длилась цѣлый часъ. Мы продолжали носиться по дорогамъ и полямъ, и я долженъ

былъ признать, что подобное интервью было очень утомительнымъ. Караханъ продолжалъ задавать мнѣ рядъ вопросовъ военного характера. Его интересовало состояние дорогъ, авіаціи, артиллеріи европейскихъ державъ, настроеніе населенія, воинскій духъ арміи, характеристики отдѣльных военачальниковъ, короче говоря все, что я могъ ему сообщить.

Возвратившись въ Петровскій дворецъ, онъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Проходя черезъ вестибюль, онъ небрежно отвѣтилъ на привѣтствіе своего штаба и, казалось, цѣликомъ ушелъ въ разрѣшеніе какой-то проблемы. О чемъ онъ размышлялъ, оставалось для меня тайной.

Бойеръ и я послѣдовали за нимъ въ его рабочій кабинетъ. На сей разъ онъ предложилъ намъ сѣсть. Минуту мы помолчали. Онъ не сводилъ съ меня пристального взгляда. Потомъ онъ заговорилъ:

— Я принялъ рѣшеніе. Вы останетесь у меня, — или вѣрнѣе, вы останетесь въ Москвѣ. Вы слишкомъ хорошо освѣдомлены въ военныхъ дѣлахъ, чтобы я могъ вамъ позволить безпрепятственно передвигаться по странѣ. Отосланная вами вчера корреспонденція могла бы повредить моимъ планамъ, и поэтому она была задержана. Я не желаю возбуждать беспокойство среди моихъ сосѣдей. Ваши предположенія и расчеты соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Я предпочитаю имѣть дѣло съ разумными людьми, хотя бы они и являлись моими врагами. Вамъ не будетъ дано возможности переслать ваше вчерашнее сообщеніе въ вашу страну, и вы будете лишены права свободного передвиженія по СССР. Я полагаю, что въ той же мѣрѣ вы и ваша газета будете заинтересованы въ томъ, что вамъ будетъ предоставлена возможность находиться при мнѣ: поэтому я надѣюсь, что вы останетесь здѣсь по доброй волѣ. Въ ин-формаціонномъ матеріалѣ о васъ я нашелъ письмо къ вамъ генерала Першинга. Онъ писалъ вамъ:

„Вы всегда были мужественны и честны, и я приношу вамъ свою благодарность.“ Першингъ никогда не бросался словами. Поэтому, я надѣюсь, что могу вамъ довѣриться и предоставляю вамъ выборъ — угодно вамъ быть аресто-

ваннымъ, или вы дадите мнѣ свое честное слово? Въ послѣднемъ случаѣ вы будете оставлены подъ надзоромъ Бойера, что отнюдь не означаетъ для васъ какихъ-либо лишений. Разумѣется, этотъ надзоръ будетъ распространенъ и на ваше бюро, и на вашу секретаршу, и на летчика. Полагаю, что въ моихъ условіяхъ нѣтъ ничего обременительнаго для васъ — я думаю, что ваше пребываніе здѣсь будетъ не лишено для васъ и для вашей газеты интереса. Если вы дадите мнѣ слово, что не будете пытаться посылать за границу сообщенія, минуя нашу цензуру, то вамъ будетъ предоставлена возможность всюду бывать и въ первую очередь получать всю информацію. Однако ваши корреспонденціи не должны содержать ничего, что могло бы повредить нашимъ военнымъ интересамъ. Я не стану отъ васъ требовать, чтобы вы подтасовывали какіе-нибудь факты, также я не собираюсь использовать ваше пребываніе въ Москвѣ въ своихъ агитаціонныхъ цѣляхъ. Я въ этомъ не нуждаюсь.

Онъ замолчалъ, и я спросилъ его, будетъ ли мнѣ разрѣшено сообщить о томъ, въ какомъ положеніи я очутился, въ редакцію своей газеты.

— Если вы мнѣ дадите свое честное слово, то я предоставляю вамъ эту возможность.

— Могу ли я вамъ дать честное слово на время, — впрямь до полученія отвѣта отъ моей редакціи?

Онъ помолчалъ мгновенье, а потомъ добавилъ:

— Разумѣется. Но при условіи, что ваше сообщеніе редакціи будетъ просмотрѣно Бойеромъ.

Караханъ поднялся, и мы съ Бойеромъ послѣдовали его примѣру.

— Завтра утромъ послѣ полученія отвѣта я снова увидаю васъ, — сказалъ Караханъ, и мы направились къ выходу.

Бойеръ проводилъ меня обратно въ Москву. Врядъ ли можно было пожелать себѣ болѣе пріятнаго и необременительнаго тюремщика, чѣмъ Бойеръ. Онъ былъ очень добродушенъ и особаго значенія возложеннымъ на него обязанностямъ не придавалъ.

Возвратившись къ себѣ въ отель, я замѣтилъ, что у

дверей моей комнаты стояли двое часовыхъ. По знаку Бойера, они отошли въ сторону, и мы вошли въ комнату. Въ комнатѣ оказалось еще двое часовыхъ. Уайтъ Доджъ и Марго Дениссонъ сидѣли на диванѣ передъ каминомъ.

— Что случилось? — спросилъ Доджъ, увидѣвъ меня. — Я собрался навѣстить васъ, и пока я разговаривалъ съ вашей секретаршей, сюда вошли военные и объявили намъ, что мы арестованы. Надѣюсь, это не находится ни въ какой связи съ вашимъ заступничествомъ за меня въ ГПУ?

— Это не имѣетъ къ вамъ никакого отношенія, — поспѣшилъ я завѣрить Доджа, — всего лишь маленькій конфликтъ съ цензурой. Миссъ Марго, берегите наши редакціонныя тайны, не забывайте, что мистеръ Доджъ нашъ конкурентъ.

— Наши редакціонныя дѣла въ порядкѣ, — отвѣтила дѣвушка, — за исключеніемъ одного. Отъ Спида нѣтъ никакихъ извѣстій.

Впервые я слышалъ, чтобы Марго называла Спида по имени, и мнѣ почудилось, что въ ея голосѣ зазвучало опасеніе за его судьбу. Очень возможно, что зная, какое значеніе имѣло сообщеніе, которое онъ везъ, онъ рискнулъ на какую-нибудь головокружную авантюру, лишь бы добиться цѣли.

— Если рѣчь идетъ о вашемъ пилотѣ мистерѣ Бинней, — замѣтилъ Бойеръ, прочтя какое-то донесеніе, врученное ему однимъ изъ военныхъ, — то я могу сообщить, что онъ сидитъ подъ арестомъ на аэродромѣ.

Бойеръ направился къ телефону и долго о чемъ-то бесѣдовалъ на русскомъ языкѣ. Очевидно, разговоръ забавлялъ его, потому что поминутно онъ разражался взрывами хохота. Затѣмъ, повѣсивъ трубку, онъ сказалъ:

— Товарищъ Гиббонсъ, вашъ молодой пилотъ основательно поработалъ кулаками, но все же ему пришлось убѣдиться, что одному со всей нашей арміей не справиться. Наша воздушная развѣдка обнаружила его аэропланъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ направлялся къ пограничной станціи Себежъ, пытаясь перелетѣть границу, вопреки установленнымъ на сей предметъ правиламъ. Его заставили

снизиться и арестовали. При этомъ онъ оказалъ ожесточенное сопротивленіе. Ночнымъ поѣздомъ его доставили въ Москву, и, если вамъ угодно, я распоряжусь, чтобы его доставили сюда.

— Надѣюсь, онъ не раненъ? — спросила, обезпокоившись, Марго.

— Ого! — воскликнулъ Бойеръ и многозначительно улыбнулся дѣвушкамъ. — Прелестная дама заинтересована не на шутку судьбой своего заоблачнаго рыпаря. Смѣю за вѣрить прелестную даму, что онъ не пострадалъ, — но нашимъ авіаторамъ онъ нанесъ рядъ ушибовъ, и надо полагать, что они при первомъ удобномъ случаѣ разсчитаются съ нимъ.

— Надѣюсь, вы его не упрячете въ ГПУ, — замѣтилъ Доджъ.

Полчаса спустя къ намъ явился Спидъ, сопровождаемый двумя конвоирами. Увидѣвъ его, мы громко расхохотались. Одинъ глазъ его былъ сильно подбитъ и отливало всѣми цвѣтами радуги.

Пока Доджъ завтракалъ, а Спидъ переодѣвался, я составилъ телеграмму, адресованную моей редакціи. Въ телеграммѣ этой излагалось предложеніе Карахана и запрашивалось, какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Бойеръ наложилъ на телеграмму свою визу, и она была отправлена съ однимъ изъ караульныхъ солдатъ на телеграфъ. Затѣмъ мы сѣли за столъ и плотно позавтракали. Пиршество наше возглавлялось попрежнему настроеннымъ на добродушный ладъ Бойеромъ.

Винней за завтракомъ разсказалъ о своей стычкѣ съ летчиками и о томъ, какъ его арестовали. Бойеръ предложилъ тостъ за наше здоровье, и мы провели весь день въ милой бесѣдѣ, ожидая отвѣта изъ Чикаго.

Поздно ночью я получилъ телеграмму. Ея содержаніе гласило:

„Срочно.

1 ноября 1932 года

Изъ Чикаго.

Гиббонсу Москва.

Дайте слово останьтесь у Карахана точка Ежедневно телеграфируйте о событіяхъ точка Огромный интересъ во всемъ мірѣ

Чикаго Трибюнъ“

И такимъ образомъ мнѣ не осталось ничего другого, какъ дать Карахану свое честное слово и остаться въ Москвѣ.

Я обѣщалъ Карахану, что всѣ мои корреспонденціи будутъ проходить черезъ цензуру, и получилъ въ отвѣтъ завѣренія, что буду имѣть возможность знакомиться со всѣмъ, что могло для меня представить какой-нибудь интересъ.

Бойеръ, официально числившійся моимъ цензоромъ и надсмотрщикомъ, на самомъ дѣлѣ оказался моимъ товарищемъ и неразлучнымъ спутникомъ.

Установившіяся съ нимъ отношенія, которымъ суждено было развиться въ дружбу, впоследствии сыграли немаловажную роль. Болѣе чѣмъ когда-либо я былъ убѣжденъ въ томъ, что мнѣ суждено стать свидѣтелемъ значительныхъ событий, но то, чему я сталъ свидѣтелемъ, превзошло всѣ мои ожиданія.

Ежедневно я отсылалъ нѣсколько телеграммъ, но въ нихъ не было ничего кромѣ официальныхъ матеріаловъ, полученныхъ отъ приближенныхъ диктатора. Караханъ удовлетворилъ мою просьбу и далъ мнѣ свое первое интервью, но при этомъ онъ столь тщательно скрылъ свои мысли и планы, что интервью это не достигло своей цѣли и не произвело особаго впечатлѣнія. Я украсилъ интервью портретомъ этого европеизированнаго азіата, продолжавшаго быть для всего міра загадкой. Впрочемъ, въ такой же мѣрѣ загадкой онъ являлся и для меня.

Особенный интересъ я питалъ къ быстрому усиленію военной мощи Карахана. Я писалъ десятки статей и кор-

респондентий на эту тему, но всё онъ неизмѣнно застревали. Бойеръ, попрежнему привѣтливо улыбавшійся, запрещалъ мнѣ ихъ отправку, замѣчая:

— Повремените! Еще рано!

Я былъ свидѣтелемъ получения въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ тысячь автомобилей. Огромное количество подержанныхъ машинъ, забившихъ американскій рынокъ, прибыло въ Москву черезъ Черное море, Тихій океанъ, Балтійское море — и было приведено въ порядокъ на фабрикахъ, на которыхъ работали сотни нѣмецкихъ механиковъ.

Неисчислимо количество аэроплановъ прибыло въ Москву изъ Японіи, Чехо-Словакии, Германіи и Австріи, и снова нѣмецкіе инженеры, работавшіе на всѣхъ авіаціонныхъ фабрикахъ, собрали эти машины и привели ихъ въ боевую готовность.

Фабрики, построенныя въ 1929 году Фордомъ и Дженерель-Электрикъ, были значительно расширены и увеличены.

Большіе запасы фосгена, оставшіеся послѣ міровой войны и неизвестно куда исчезнувшіе изъ Германіи послѣ заключенія въ 1918 году мира, покоились въ подземныхъ подвалахъ русскихъ крѣпостей. Въ 1931 и 1932 году были пушены въ ходъ новыя огромныя химическія фабрики, изготавлявшія взрывчатые вещества.

Совѣтская армія попрежнему была вооружена устарѣвшими винтовками, но одновременно шло тайное производство пулеметовъ и автоматическихъ ружей, съ тѣмъ, чтобы въ рѣшающій моментъ армія оказалась перевооруженной.

Мои корреспонденціи о массовой реквизиціи лошадей въ Монголіи и Сибири стали жертвой краснаго карандаша цензуры. Та же участь постигла и мою корреспонденцію о продовольственныхъ реквизиціяхъ на нужды арміи.

Недостатокъ предметовъ первой необходимости въ СССР привелъ къ тому, что снова населеніе было посажено на норму и ограничено въ своемъ потребленіи. Это однако не помѣшало радио-станціямъ СССР увѣрять своихъ слушателей въ томъ, что во всѣхъ продовольственныхъ затрудненіяхъ повинны имперіалисты всего міра.

Агитаторы безпрестанно говорили объ опасностяхъ на-

двигающейся войны и о раскрытыхъ заговорахъ контръ-революціонеровъ.

1 декабря вспыхнули волненія въ Бессарабіи. Тысячи бессарабскихъ крестьянъ направились въ Бухарестъ, чтобы повѣдать о своихъ бѣдахъ румынскому королю.

Событія въ Бессарабіи ничѣмъ не отличались отъ волненій, вспыхивавшихъ тамъ въ предшествующіе годы. Столь же незначительно по своимъ послѣдствіямъ должно было быть и передвиженіе румынскихъ военныхъ частей на линіи Днястра, но Караханъ использовалъ эти событія для переброски частей красной арміи къ западной границѣ.

Въ Одессѣ, Кіевѣ, Гомелѣ, Минскѣ и Смоленскѣ формировались арміи, и всѣ желѣзныя дороги на западъ отъ Москвы были загружены эшелонами. Мнѣ стало извѣстнымъ, что крупныя силы были переброшены изъ Поволжья въ Харьковъ и Екатеринославъ.

Разумѣется, мои корреспонденціи объ этихъ военныхъ приготовленіяхъ попали подъ запретъ, но все же кое-какія свѣдѣнія о мобилизаціи проникли въ европейскую печать.

Караханъ предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько официальныхъ сообщеній, изъ которыхъ нѣкоторыя были пересланы мною въ Чикаго. Официальная информация московскаго правительства гласила, что нѣтъ ни одной части красной арміи, которая находилась бы въ двадцатимильной пограничной полосѣ и что мѣропріятія Москвы носятъ лишь оборонительный характеръ.

Сообщенія изъ европейскаго бюро „Чикаго Трибюнъ“ информировали меня объ охватившей Европу боязни. Въ декабрь 1932 года Франція, Испанія и Англія прекратили переброску новыхъ силъ въ Сѣверную Африку и все вниманіе сосредоточилось на Москвѣ.

И, наконецъ, въ канунъ Новаго года послѣдовало рѣшающее событіе — загадочный взрывъ адской машины въ совѣтскомъ полпредствѣ въ Варшавѣ. Полпредъ Игорь Ядъръ и восемь членовъ дипломатической миссіи были убиты.

Сообщеніе объ этой катастрофѣ достигло Москвы на разсвѣтѣ.

Тутъ же оно было опубликовано по радіо. Лишь теперь стало яснымъ, какъ близка и непосредственна была угроза войны. Всѣ взоры обратились на краснаго диктатора.

Польскій посланникъ въ Москвѣ посѣтилъ Карахана и выразилъ свое глубочайшее сожалѣніе по поводу происшедшаго.

Но Караханъ оставался невозмутимъ. Онъ указалъ, что вотъ уже второй полпредъ погибаетъ въ Варшавѣ отъ руки террориста. Въ прошломъ дипломатическіе шаги ни къ чему не привели.

— Польша не сочла нужнымъ защитить нашего посла, — сказалъ Караханъ и, улыбнувшись польскому послу, добавилъ:

— Варшавскихъ убійцъ будетъ судить въ Варшавѣ нашъ военный трибуналъ!

Это было объявленіемъ войны...

4

2 января 1933 года Караханъ перешелъ польскую границу. Завоеваніе Европы его войсками началось.

Первое мое сообщеніе о началѣ военныхъ дѣйствій гласило такъ:

„Срочно

Минскъ 2 января 1933 двѣнадцать часовъ дня

Флойдъ Гиббонсъ

Наступленіе совѣтскихъ войскъ на Польшу началось сегодня подъ личнымъ руководствомъ Карахана точка Наступленіе развертывается на фронтѣ протяженіемъ въ шестьсотъ пятьдесятъ километровъ точка Красныя войска вторглись на тридцать километровъ на польскую территорію точка Фронтъ растянулся отъ Минска до Каменецъ-Подольска точка Польское сопротивление сломлено точка Интервьюировалъ командующаго красной арміей точка Бинней вылетаетъ подробнымъ сообщеніемъ въ Ригу точка

Гиббонсъ“

Отлетъ Спида съ Минскаго аэродрома произвелъ эффектное впечатлѣніе. Спидъ расписалъ плоскости аэроплана американскими цвѣтами, на которыхъ красовались буквы „С“, вписанныя въ зеленый кругъ.

Эта же буква красовалась у насъ на рукавахъ и обозначала, что мы являемся официальными военными корреспондентами, непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принимающими.

Ночью штабъ-квартира Карахана помѣщалась въ Гомелѣ, но вскорѣ послѣ полуночи онъ вылетѣлъ въ сопровожденіи офицеровъ своего штаба на фронтъ.

Бойеръ, Спидъ и я вылетѣли слѣдомъ за авіаціоннымъ отрядомъ, эскортировавшимъ Карахана на нашемъ аппаратѣ.

— Открытіе военныхъ дѣйствій въ это время года противорѣчитъ всѣмъ свѣдѣніямъ въ военномъ дѣлѣ, — замѣтилъ я Бойеру. — Снѣга и морозы сильно затрудняютъ продвиженіе войскъ. Весь планъ военныхъ дѣйствій представляется мнѣ очень рискованнымъ. Эта война разразилась еще неожиданно, чѣмъ мировая война. Безъ предварительныхъ переговоровъ, безъ ультиматума. Весна или лѣто болѣе пригодны для открытія военныхъ дѣйствій.

— Вы разсуждаете, словно вы были бы польскимъ генераломъ, — замѣтилъ улыбаясь Бойеръ. — Во всякомъ случаѣ мы убѣждены въ томъ, что польскій генеральный штабъ разсуждаетъ такимъ же образомъ. И въ этомъ кроется весь смыслъ Карахановскаго плана: неожиданное наступленіе, гибкость организаціи, быстрота дѣйствій. Можете не сомнѣваться въ томъ, что Караханъ все обдумалъ и не станетъ дѣйствовать по шаблону. Пилсудскій старъ, и во всемъ польскомъ штабѣ нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы моложе шестидесяти лѣтъ. Всѣ эти старцы не могутъ себя представить, что можно воевать зимою. Не забудьте, что Карахану всего лишь тридцать два года. Это борьба молодежи противъ старшаго поколѣнія, и не приходится сомнѣваться въ томъ, что молодость побѣдитъ. Морозъ и снѣга не страшатъ насъ — наши передовыя части состоятъ изъ сибирскихъ формированій. Имъ русско-польская граница покажется Ривьерой.

— Поживемъ — увидимъ, — перебилъ я его, потому что мнѣ хотѣлось часокъ соснуть до утра. Онъ замолчалъ, и я попытался задремать.

Разсвѣтъ наступилъ поздно. Мы продолжали летѣть на сѣверъ, приближаясь къ фронту. Не разъ насъ обгоняли эскадрильи совѣтскихъ боевыхъ аэроплановъ, направлявшихся на западъ. Намъ пришлось наблюдать издали за нѣсколькими воздушными стычками красныхъ летчиковъ съ польскими авиаторами.

Красные во много разъ превосходили численностью не-пріятельскую воздушную развѣдку.

Внизу подъ нами на дорогахъ виднѣлись колонны направлявшихся на фронтъ солдатъ. Иногда на поляхъ виднѣлись отряды кавалеріи, утопавшіе по колѣно въ снѣгу. На западѣ виднѣлись клубы дыма — должно быть, горѣли селенія, подожженные бомбами, сброшенными съ аэроплановъ.

Наконецъ-то мы снизились поблизости отъ какого-то селенія, расположеннаго у желѣзной дороги. Аэропланъ Карахана прибылъ нѣсколькими минутами ранѣе, и когда мы вылѣзли изъ машины, къ намъ обратился одинъ изъ штабныхъ офицеровъ. Бойеръ перевелъ мнѣ сказанное офицеромъ:

— Мы находимся въ польскомъ мѣстечкѣ Лаква. Мы позавтракаемъ здѣсь — фронтъ отодвинулся на западъ, — все развивается такъ, какъ предполагалъ нашъ командующій. Спидъ, поспѣшите напоить ваши моторы, — скоро снова двинемся въ путь.

Вскорѣ мы полетѣли, взявъ курсъ на сѣверо-западъ. На западѣ виднѣлся густой рядъ столбовъ дыма, вытянувшихся, словно нескончаемая аллея деревьевъ.

Незадолго до полудня мы спустились въ Минскъ, гдѣ расположилась ставка дѣйствующей арміи. Тамъ я и составилъ сообщеніе, приведенное ранѣе. Послѣ стлета Биннея Бойеръ предоставилъ въ мое распоряженіе одинъ изъ штабныхъ аэроплановъ.

Русское наступленіе на западъ развертывалось вдоль желѣзнодорожныхъ линій: Минскъ, Ленино, Бугъ и Камен-

ецъ-Подольскъ. Вслѣдъ за инженерными частями, приводившими въ порядокъ желѣзнодорожное полотно, шли эшелоны.

Параллельно желѣзнодорожному полотну шли безконечныя вереницы тракторовъ, поставленныхъ на полозья. Сверху все это казалось какимъ-то переселеніемъ народовъ.

Послѣ обѣда мы спустились въ занятомъ польскомъ селеніи Острогѣ, изъ котораго была установлена непосредственная телефонная связь съ Москвой. Бойеръ разрѣшил мнѣ отослать вторую корреспонденцію, и я вызвалъ по телефону мое московское бюро и продиктовалъ сообщеніе Марго Денисовъ.

При этомъ я упомянулъ о быстромъ продвиженіи красныхъ войскъ впередъ и о доблести польскихъ уланъ, тщетно пытавшихся задержать не-пріятеля и оказывавшихъ отчаянное сопротивление.

Въ своемъ сообщеніи я подробно описалъ методы наступленія красныхъ, растянувшихся по всему протяженію фронта; польская артиллерія не могла нанести имъ достаточно ощутительнаго урона. Упомянулъ я также о томъ, какъ были удивлены красные командующіе арміями, когда обнаружили, что на рядѣ участковъ фронта отсутствовали проволочныя загражденія. Наступленіе развернулось настолько неожиданно, что польскія части не успѣли установить проволочныхъ загражденій, хотя въ ихъ распоряженіи и имѣлись мотки колючей проволоки.

Польша готовилась къ возможному столкновенію съ Москвой съ 1919 года, и все же наступленіе Карахана стало ее совершенно врасплохъ.

— Спидъ съ вами? — освѣдомилась у меня Марго, принявъ сообщеніе. Я сказалъ ей, что Спидъ вылетѣлъ въ Ригу, и спросилъ у нея, что съ Уайтомъ Доджемъ.

— Бѣдняга въ отвратительномъ настроеніи, — отвѣтила она. — Дѣло его еще не уладилось и его не хотятъ пропустить на фронтъ.

Несмотря на то, что Доджъ былъ моимъ конкурентомъ, мнѣ стало жаль его. Но мое вниманіе было привлечено болѣе важными событіями. Лишь поздно ночью я узналъ о

номъ, что СССР въ этой войнѣ съ Польшей обрѣла союзника.

Маленькая, но боеспособная литовская армія выступила въ походъ, и операціи ея были настолько согласованы съ операціями Карахана, что можно было предположить, что она состояла подъ его командованіемъ. По мѣрѣ развитія наступленія красныхъ литовская армія продвигалась къ Вильно, городу, отторгнутому у Литвы въ 1920 году.

Литва, порожденная Версальскимъ договоромъ и чувствовавшая себя въ кругу остальныхъ государствъ пасынкомъ, рѣшила самостоятельно отомстить за нанесенную ей польскимъ сосѣдомъ рану.

Пилсудскій обратился съ призывомъ къ остальнымъ государствамъ Малой Антанты: къ Чехо-Словакии, къ Румыніи и Юго-Славіи.

Въ соответствии съ существовавшимъ договоромъ, за которымъ скрывалась Франція, въ Бухарестѣ, Прагѣ и Бѣлградѣ была объявлена мобилизація.

— Я раздобылъ послѣднее сообщеніе непріятельскаго радио, — объявилъ Бойеръ, входя ко мнѣ съ листкомъ бумаги. — Малая Антанта собралась на совѣщаніе въ Прагѣ и рѣшила выступить на помощь Польшѣ. Теперь игра начинается всерьезъ. Карточный домикъ Европы заколебался.

Я тутъ же заказалъ разговоръ съ Москвой и сообщилъ Марго полученные свѣдѣнія.

Въ отвѣтъ Марго объявила мнѣ, что въ Москвѣ состоялись бурныя демонстраціи въ пользу войны.

— По улицамъ проходятъ огромныя массы народа. Демонстранты поютъ интернаціональ и носятъ портреты Карахана. Мобилизація, объявленная въ государствахъ Малой Антанты, будетъ истолкована какъ дальнѣйшій шагъ капиталистическаго міра, направленный противъ Москвы.

Я повѣсилъ трубку и обратился къ Бойеру:

— Что дальше?

— Вашъ аэропланъ находится здѣсь. (Мы находились въ польскомъ городкѣ въ Тарнополѣ). Мы сейчасъ вылетаемъ съ главнокомандующимъ на югъ.

На слѣдующій день мы вылетѣли слѣдомъ за аэропла-

номъ Карахана и полетѣли вдоль линіи фронта на югъ до Одессы и затѣмъ снова поднялись обратно. Отвѣтъ, данный Караханомъ на присоединеніе къ польской арміи румынскихъ, югославскихъ и чешскихъ силъ, послѣдовалъ очень быстро и превосходилъ быстротою даже быстроту наступленія на Польшу.

На протяженіи трехсотверстной полосы отъ Тирасполя до Каменецъ-Подольска азіатская конница Карахана переправилась черезъ Днѣстръ и перешла въ наступленіе.

Маленькіе румынскіе гарнизоны на западномъ берегу рѣки тщетно пытались организовать сопротивление. Возставшіе бессарабскіе крестьяне встрѣтили наступавшихъ, какъ избавителей, и еще болѣе затруднили оборону страны.

Наступленіе красныхъ развивалось съ быстротою лѣснаго пожара. Красныя войска, поддержанныя воздушными силами Карахана, двигались вглубь непріятельской страны, развертывая наступленіе вдоль желѣзныхъ дорогъ и шоссе. На сѣверѣ войска Карахана заняли Черновыи, главный городъ Буковины, на югѣ въ Добруджѣ подняли возстаніе болгары и, выбросивъ красный флагъ, заставили румынъ перенести часть войскъ на этотъ новый фронтъ.

Марго сообщила Биннею по телефону о томъ, что случилось въ послѣдніе часы въ Москвѣ. Малая Антанта обратилась къ Франціи и Англіи съ призывомъ выслать въ Черное море эскадру. Въ отвѣтъ на это Москва обнародовала соглашеніе, заключенное ею съ Кемаль-пашею: Дарданеллы были минированы и проходъ иностраннымъ судамъ закрытъ.

Главнымъ союзникомъ Карахана была погода. Дороги были засыпаны снѣгомъ, затруднявшимъ передвиженіе французскихъ грузовыхъ автомобилей, тогда какъ красная кавалерія преодолевала это препятствіе безъ труда.

Въ Румыніи климатъ былъ мягче, но тамъ на помощь наступавшимъ пришли бессарабскіе крестьяне и слабая организація румынской арміи.

На десятый день послѣ начала войны войска Карахана заняли столицу Румыніи — Бухарестъ. Бойеръ и я медленно же выѣхали въ штабномъ автомобилѣ въ занятую

столицу и прибыли туда вследъ за занявшей городъ кавалеріей. Городъ такъ же, какъ и во времена міровой войны, когда его занялъ Макензенъ, сдался безъ боя.

Въ отелѣ „Афины“ мы должны были встрѣтиться съ Марго, которая должна была прилетѣть вмѣстѣ со Спидомъ изъ Москвы.

Еще до ихъ прибытія я имѣлъ возможность отправить сообщеніе въ двѣ тысячи словъ о разгромѣ румынской арміи и паденіи Бухареста. Мнѣ это удалось сдѣлать при помощи радіо-станціи Бухареста, потому что румыны въ паникѣ отступленія не успѣли ее разрушить.

Послѣ обѣда мы вылетѣли въ Варшаву. Марго сидѣла рядомъ со Спидомъ за рулемъ, а я съ Бойеромъ склонился въ кабинкѣ аэроплана надъ картами. Неожиданно, къ вѣщающему своему изумленію, мы увидѣли рядомъ съ нами Биннея. Аэропланъ летѣлъ на высотѣ тысячи пятисотъ метровъ.

— Господи! — воскликнулъ Бойеръ, — кто же управляетъ аэропланомъ?

— Марго, — отвѣтилъ улыбаясь Бинней. — Я успѣлъ по дорогѣ изъ Москвы въ Бухарестъ обучить ее авіаціонному искусству. Она еще не умѣетъ подыматься и опускаться, но на такой высотѣ можетъ безъ особой опаски управлять машиной. Я назначилъ ее своимъ замѣстителемъ.

Я отослалъ Биннея обратно къ рулю. Мы продолжали летѣть въ сѣверномъ направленіи и миновали захваченные нами города Львовъ и Черновицы, — красныя войска развивали свое наступленіе въ направленіи Карпатъ.

Пролетая надъ Галиціей, я вспомнилъ о сотняхъ тысячъ австрійцевъ и русскихъ, павшихъ въ міровую войну подъ Перемышлемъ, и обратилъ вниманіе Бойера на то, что Караханъ развиваетъ свое наступленіе въ томъ же направленіи, въ какомъ развивалось оно въ 1914 и 1915 году.

— Но царской арміи не удалось добиться успѣха, — замѣтилъ Бойеръ. — Караханъ идетъ по стопамъ полководца, значительно болѣе крупнаго, чѣмъ генералы Романова. Первымъ полководцемъ, проложившимъ себѣ путь черезъ горы, былъ человѣкъ желтой расы.

— Кто?

— Примѣрно, семьсотъ лѣтъ тому назадъ и также въ январѣ мѣсяцѣ, — если мнѣ не измѣняетъ память, — это было въ 1241 году, — Чингизъ-Ханъ выслалъ сюда одного изъ своихъ полководцевъ, Сабутая, который перешелъ Карпаты и спустился въ венгерскую равнину. Вамъ, должно быть, извѣстно, что Караханъ очень внимательно изучалъ походы Чингизъ-Хана. Очень возможно, что вамъ суждено увидѣть въ ближайшія недѣли многое, напоминающее походы великаго полководца прошлаго. — И Бойеръ многозначительно улыбнулся.

На слѣдующее утро мы снизились въ Прагѣ, въ правобережномъ предмѣстьи Варшавы. Въ теченіе ночи поляки очистили Варшаву, и въ половинѣ одиннадцатаго утра съ балкона гостиницы „Бристоль“ мы были свидѣтелями триумфальнаго въѣзда Карахана во главѣ своей конницы въ городъ.

Несмотря на то, что въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль Караханъ продвинулся со своими арміями на четыреста километровъ, несмотря на то, что фронтъ красныхъ войскъ растянулся на тысячу сто километровъ и былъ вдвое длиннѣе западнаго фронта въ міровую войну четырнадцатаго года, несмотря на то, что онъ занялъ двѣ непріятельскія столицы и разбилъ польскую и румынскую арміи, — Караханъ не далъ своимъ войскамъ даже самой краткой передышки.

На югѣ отъ Варшавы на слѣдующій день палъ очень важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ — Краковъ, открывавшій доступъ въ венгерскую равнину. Отвѣтъ правое крыло зажима красныхъ находилось тамъ. Лѣвое крыло надвигалось со стороны Бухареста, охватывало Трансильванскіе Альпы и двигалось на Бѣлградъ.

Центръ наступленія красныхъ развивался во львовскомъ направленіи. Этотъ сложный и требовавшій большихъ силъ планъ былъ выполненъ только потому, что Караханъ располагалъ несмѣтнымъ количествомъ войскъ.

Но гораздо большее значеніе, чѣмъ численность войскъ, имѣли эластичность и подвижность всей организаціи Карахана и порой нечеловѣческая выносливость его людей.

Серьезное сопротивление наступлению красных было оказано въ Восточной Пруссіи, гдѣ противъ полчищъ Карахана выступилъ германскій эксъ-кронпринцъ съ сорокатысячнымъ отрядомъ нѣмецкихъ націоналистовъ. Бои въ Восточной Пруссіи окончились побѣдой красныхъ подъ Алленштейномъ.

Взрывъ мины, заложенной красными въ Альтгаузскомъ туннелѣ, стоилъ жизни двумъ сотнямъ солдатъ 233 колониальнаго полка французской арміи и предалъ гласности тотъ фактъ, что Франція, вопреки возраженіямъ радикальной части правительства, оказывала втайнѣ поддержку отступающимъ полякамъ.

На переброску французскихъ и итальянскихъ войскъ въ Европу послѣдовалъ новый, болѣе сильный нажимъ возставшихъ въ Сѣверной Африкѣ. Фанатики-туареги изгнали французовъ изъ Бискры и заняли садъ Аллаха. Египтяне продвинулись на линіи между Каиромъ и Александріей. Марокканцы снова заняли Фецъ.

Судьба центральной Европы рѣшилась на Прессбургской равнинѣ. Два дня длился ожесточенный бой, начавшійся утромъ 29 января и закончившійся побѣдой красныхъ надъ силами Малой Антанты. Изъ трехсотъ тысячъ свѣжихъ войскъ, участвовавшихъ въ этомъ сраженіи, двѣ трети составляла сербская армія.

Въ ночь на 31 января я продиктовалъ сообщеніе объ исходѣ боя Марго, находившейся въ Варшавѣ. Бинней вылетѣлъ за нею и за всѣми матеріалами нашего бюро — мы знали, что слѣдующимъ нашимъ этапомъ отнынѣ будетъ Вѣна.

Маленькая Австрія, безпомощный остатокъ нѣкогда могущественной двуединой монархіи, не оказала краснымъ варварамъ никакого сопротивленія.

Хоть правительство этой ослабленной годами голода и униженія страны и осталось консервативнымъ, управление города перешло къ болѣе лѣвымъ социалистическимъ кругамъ. Вѣна, нѣкогда самый веселый городъ, стала самымъ краснымъ городомъ Европы.

Гансъ Врейтнеръ, вѣнскій диктаторъ, выѣхалъ на-

встрѣчу Карахану и сопровождалъ его при торжественномъ выѣздѣ въ городъ. Бойеръ и я слѣдовали за ними въ одномъ изъ штабныхъ автомобилей.

Когда мы выѣхали на Рингъ, мы увидѣли, что вѣнскіе полицейскіе попрежнему несли свою службу и регулировали уличное движеніе. Но теперь каждый изъ нихъ стоялъ на посту подъ охраной одного всадника и одного пѣхотинца Карахана.

Мы расположились въ Грандъ-отелѣ, и Бойеръ тутъ же позвонилъ въ Гофбургъ, нѣкогда бывшій резиденціей Франца-Іосифа, а нынѣ ставшій штабъ-квартирой Карахана.

— Скорѣй берите шляпу и собирайтесь въ путь, — крикнулъ онъ мнѣ, вѣшая трубку. — Въ Гофбургѣ происходитъ нѣчто, чего мы не должны прозвѣвать.

Мы поспѣшили внизъ и, когда заняли мѣста въ автомобиле, Бойеръ объяснилъ мнѣ, что австрійское правительство во главѣ съ монсиньоромъ Игнатіемъ Зейпелемъ и президентомъ Гайнишомъ арестовано и доставлено въ Гофбургъ.

Въ числѣ арестованныхъ находился и докторъ Думба, бывшій австро-венгерскій посолъ въ Вашингтонѣ.

— Караханъ убьетъ ихъ всѣхъ, — сказалъ Бойеръ.

У меня перехватило дыханіе. Трехъ изъ числа обреченныхъ Караханомъ на смерть я зналъ лично. Пять лѣтъ тому назадъ я опубликовалъ интервью съ ними. Эти люди повсемѣстно пользовались симпатіями, и только благодаря ихъ неуныннымъ стараніямъ Австрія снова приобрѣла нѣкоторую устойчивость.

— Но почему? — вырвалось у меня, когда мы проѣхали подъ сводами воротъ въ Гофбургъ. — Вѣдь эти люди не борцы, они ничѣмъ не провинились передъ Караханомъ. Австрія не оказала вамъ сопротивленія. Населеніе ведетъ себя очень лояльно, и въ странѣ царитъ покой. Это — бессмысленное убійство.

— Все то, что вы говорите, соответствуетъ истинѣ, за исключеніемъ одного, — отвѣтилъ Бойеръ. — Караханъ ничего бессмысленнаго не дѣлаетъ. Эти казни являются частицей общей политики террора. А терроръ — необходи-

мое явленіе во время войны. Примѣрно, то же самое нѣмцы продѣлали въ Бельгіи, но они считали необходимымъ всячески отрицать это. Англичане, примѣрно, такъ же дѣйствовали въ Египтѣ и въ Индіи. Французы примѣняли подобныя мѣры въ Африкѣ и такъ же считали необходимымъ отрицать ихъ. А развѣ вы, американцы, на Филиппинахъ и на Гаити дѣйствовали иначе? Политика Карахана состоитъ въ томъ, чтобы лишить жизни нѣсколько десятковъ реакціонныхъ главарей страны, и эта политика гораздо мягче и менѣе жестока, чѣмъ если бы онъ вздумалъ для достиженія той же цѣли лишить жизни нѣсколько сотъ ничтожествъ изъ числа рядового населенія.

— Но вѣдь это возстановитъ противъ васъ весь міръ! — вскричалъ я. — Неужели вамъ мало казней въ Варшавѣ и въ Бухарестѣ? Эти люди пользуются уваженіемъ во всемъ мірѣ, и расправа съ ними вызоветъ возмущеніе противъ васъ.

— Совершенно вѣрно, — согласился со мною Бойеръ, — это вызоветъ возмущеніе и пробудитъ страхъ передъ Караханомъ, заставитъ считаться съ нимъ. Непосредственнымъ результатомъ этой мѣры явится то, что повсюду консервативныя группы ослабѣютъ и усилятся вліяніе радикальныхъ круговъ. А развѣ это не стоитъ десятка жизней?

Воспоминаніе о томъ, что мнѣ суждено было увидѣть въ этотъ день, будетъ живо во мнѣ всегда.

Казни произошли во внутреннемъ дворикѣ Гофбурга. Бойеръ подвелъ меня къ окну, — мы находились во второмъ этажѣ, и я увидѣлъ въ небольшомъ отдаленіи отъ себя лица осужденныхъ. Справа отъ меня находился балконъ, съ котораго Караханъ взиралъ на эту возмутительную расправу.

Онъ высился на балконѣ во весь свой ростъ, и лицо его было по обыкновенію неподвижно и непроницаемо. За нимъ стояло нѣсколько штабныхъ офицеровъ.

Несчастныхъ вывели на дворъ со связанными на спинѣ руками, и взводъ китайскихъ солдатъ подвелъ ихъ къ стѣнѣ. Надъ головами солдатъ, которымъ суждено было прикончить

ихъ, они могли видѣть жестокую желтую маску того, по чьему приказу ихъ обрекли на смерть.

Въ тотъ моментъ, когда я приблизился къ окну, раздался залпъ, и одинъ изъ приговоренныхъ къ смерти упалъ. Убитого вынесли на носилкахъ, и затѣмъ наступила очередь президента австрійской республики.

Вставъ у стѣны, онъ запрокинулъ голову и, не дрогнувъ, встрѣтилъ смерть.

Слѣдующей жертвой былъ докторъ Зейпель. На немъ была длинная черная сутана, присвоенная его ордену, и четырехугольный беретъ. На губахъ его змѣилась тонкая улыбка. Онъ встрѣтилъ смерть спокойно, съ вѣрой въ Бога.

Потомъ мнѣ суждено было присутствовать при смерти несчастнаго доктора Думба. Онъ умеръ столь же достойно, какъ и жилъ.

Тщетно обратилъ я къ Карахану молящій взглядъ, — лицо его было попрежнему строго и непроницаемо. Мольба была бесполезной. Глаза его пристально смотрѣли на несчастныхъ — онъ былъ воплощеніемъ безжалостной жестокости.

— Это ужасно, — прошепталъ я, обращаясь къ Бойеру. — Я долженъ уйти отсюда, — я не могу вынести этого. Вѣдь эти люди были моими друзьями. Это самое ужасное, что мнѣ когда-либо суждено было пережить.

Мы возвратились въ отель. Я подбодрилъ себя нѣсколькими глотками алкоголя и засѣлъ за работу, пытаюсь изложить на бумагѣ видѣнное. Бойеръ сказалъ мнѣ, что моя корреспонденція о безсудныхъ казняхъ будетъ пропущена. Я вправѣ сообщить газетамъ все, чему былъ свидетелемъ.

— Сообщите все, — сказалъ онъ. — Пусть міръ знаетъ, какая сила пробудилась на востокѣ.

Послѣ обѣда весь міръ съ трепетомъ читалъ мою телеграмму въ четыре тысячи словъ, въ которой описывалась смерть членовъ австрійскаго правительства. Незачѣмъ говорить, что сообщеніе мое произвело на всѣхъ ужасное впе-

чатливѣе. Весь міръ содрогнулся при вѣсти объ этой жестокости.

Позднѣе я узналъ, что въ Чикаго мое сообщеніе вызвало сильныя опасенія за мою судьбу. Въ редакціи предположили, что меня за мое откровенное сообщеніе ожидаетъ участь бѣдныхъ австрійцевъ.

Тамъ не представляли себѣ, что въ намѣренія Карахана входило вселить ужасъ въ весь міръ, и что онъ намѣренно далъ мнѣ возможность рассказать о томъ, чему мнѣ суждено было быть свидѣтелемъ.

Послѣ обѣда въ Вѣну прибыли Спидъ Бинней и Марго Дениссонъ. Мы занялись устройствомъ бюро въ отелѣ, и Спидъ рассказалъ мнѣ, что моя свѣтловолосая секретарша въ теченіе всего пути самостоятельно управляла аэропланомъ.

— Если война не прекратится столь же неожиданно, какъ началась, то Марго научится и подъему и спуску, — добавилъ Спидъ.

— Объ этомъ вамъ нечего беспокоиться, — замѣтилъ Бойеръ. — Вамъ суждено еще сегодня быть свидѣтелемъ дальнѣйшаго развертыванія событій. Имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія, что передъ нами теперь новый врагъ — первый въ Европѣ, достаточно смѣлый для того, чтобы бросить вызовъ Карахану. Итальянская армія перешла черезъ Бреннеръ и наступаетъ на Инсбрукъ. Одновременно итальянскія войска наступаютъ вдоль желѣзнодорожныхъ линій Триестъ-Лайбахъ и Фиуме-Аграмъ.

— Трижды „ура“ въ честь старины Муссолини! — закричалъ Бинней.

— Скоро ему придется призадуматься надъ тѣмъ, на что онъ рѣшился. Наши войска спѣшно перебрасываются въ юго-западномъ направленіи. Воздушныя силы уже вступили въ бой съ непріятелемъ, и вскорѣ мы войдемъ въ соприкосновеніе съ нимъ и на землѣ. Выступленіе Муссолини какъ нельзя болѣе соответствуетъ планамъ Карахана. Для австрійцевъ это удобный случай отомстить за всѣ униженія и угрозы, раздававшіяся по адресу Австріи со стороны

южного сосѣда. Все населеніе Австріи станетъ подъ знамена Карахана.

Въ ту же ночь итальянцы дали знать о себѣ въ тылу красныхъ. Огромная непріятельская воздушная эскадра появилась надъ Вѣной и подвергла городъ отчаянной воздушной бомбардировкѣ.

Одна изъ бомбъ упала во дворъ, на которомъ утромъ происходили казни, и вырыла воронку въ тридцать метровъ въ діаметрѣ. Отъ сотрясенія въ Гофбургѣ полопались всѣ стекла, и нѣсколько осколковъ стекла упали въ кровать, въ которой спалъ Караханъ.

Поднявшіеся ввысь аэропланы красныхъ тутъ же вступили въ бой съ непріятелемъ, и надъ городомъ при лунномъ свѣтѣ разыгралось воздушное сраженіе.

Въ этомъ сраженіи итальянцы потеряли семь бомбометовъ и тринадцать легкихъ аэроплановъ. На одномъ изъ боевыхъ итальянскихъ аэроплановъ въ качествѣ пилота находился маститый итальянскій поэтъ Габріель Д'Аннунціо, впервые совершившій полетъ надъ Вѣной въ 1918 году во время борьбы австрійцевъ и итальянцевъ у Изонцо.

На слѣдующій день мы вспомнили о томъ, что во времена перваго полета Д'Аннунціо сбрасывалъ въ Вѣну итальянскія прокламаціи. Теперь рѣчь шла не о театральномъ жестѣ, а о болѣе существенномъ. Муссолини послалъ поэта въ полетъ, снабдивъ его большимъ количествомъ бомбъ и взрывчататаго вещества. Д'Аннунціо выполнилъ возложенную на него задачу и заплатилъ жизнью за свое мужество.

Караханъ продолжалъ изъ Вѣны руководить подготовкой боевъ на итальянскомъ фронтѣ и часто вылеталъ на аэропланѣ на фронтъ.

На сѣверѣ продолжавшія развиваться наступленіе войска достигли Познани. Наступавшія изъ Лодзи и Кракова войска перешли нѣмецкую границу и заняли Бреславль.

3-яго февраля полчища Карахана натолкнулись у Коллина въ Эльбеталѣ, въ пятидесяти километрахъ отъ Праги, на остатки чехо-словацкой арміи, находившейся подъ командованіемъ генерала Гайда.

Краснымъ уничтоженіе остатковъ героически сопротивлявшейся арміи обошлось въ шестьдесятъ тысячъ людей.

Черезъ два дня красные заняли Прагу, и 8-го февраля войска Карахана заняли Пильзень, въ которомъ находились огромныя орудійныя фабрики, изготовлявшія во время войны 1914 года исполинскія сорокадвухсантиметровыя орудія.

— Занятіе Пильзена, — пояснилъ я Спиду, — самое крупное достиженіе Карахана въ этой войнѣ. Пильзень — это арсеналъ центральной Европы.

— И одновременно городъ, въ которомъ водится лучшее пиво въ мірѣ, — подхватилъ Спидъ. — Подъ пивоварней находится подземное озеро пива, а крыша на домѣ бургомаистра выложена окороками. Вотъ гдѣ намъ слѣдовало бы разбить свое бюро.

6-го февраля, послѣ долгихъ мытарствъ, Уайтъ Доджъ прибылъ въ Вѣну и сообщилъ намъ о наступленіи совѣтскихъ войскъ, миновавшихъ Трансильванію, на Бѣлградъ.

— Я ожидалъ, что сербы будутъ защищать свою столицу, — продолжалъ Доджъ, — но послѣ того, какъ красный Наполеонъ уничтожилъ три четверти ихъ арміи подъ Прессбургомъ, имъ ничего другого не осталось, какъ безъ боя очистить городъ. Королева Марія вмѣстѣ съ маленькимъ Михаиломъ бѣжала въ Бѣлградъ къ супругу Александру, и обѣ королевскія семьи вылетѣли изъ Бѣлграда на аэропланѣ. Я полагаю, что въ настоящее время они находятся у короля Зогу въ Албаніи. О мѣстонахожденіи Кароля ничего не извѣстно, и я полагаю, что и онъ направился туда же. Югославія цѣликомъ во власти красныхъ — бои тамъ закончены. Распри между сербами, кроатами и словенцами привели къ тому, что краснымъ удалось безъ особыхъ усилій занять всю страну. Всѣ эти народы мечтаютъ объ автономіи, и совѣтское командованіе общалось имъ ее. Примѣрно таково же положеніе въ Греціи съ македонцами. Болгарія пытается сохранить нейтралитетъ, но это явно безнадежная попытка. Король Борисъ покинулъ страну.

— А что съ Венгріей?

— Она въ рукахъ красныхъ, — отвѣтилъ Доджъ. —

И венгровъ винить въ этомъ не приходится. Версальскій договоръ разоружилъ ихъ, и теперь, когда они очутились въ окруженіи побѣдоносныхъ красныхъ войскъ, они не смогли оказать сопротивленія. Въ Будапештѣ снова у власти красные, какъ во времена Бела-Куна. Адмиралъ Хорти бѣжалъ. По пути на Прессбургъ Караханъ не встрѣтилъ сопротивленія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мадьяры въ прошломъ азіаты, и теперь многіе сочли нужнымъ увѣрять, что состоятъ въ кровномъ родствѣ съ полчищами Карахана.

Каждый новый день приносилъ множество сообщений — пороховой погребеъ Европы взлетѣлъ на воздухъ. Мои сообщения въ Америку порой достигали двухъ тысячъ словъ. Все происходившее въ центральной Европѣ нагнало на западныя страны и Америку ужасъ.

Въ то время, какъ на итальянскомъ фронтѣ шла подготовка къ рѣшающему сраженію, центръ военныхъ дѣйствій передвинулся на сѣверъ.

Я поручилъ Марго руководство нашимъ бюро въ Вѣнѣ и вылетѣлъ съ Биннеемъ въ Берлинъ. Со времени вторженія въ Силезію Германія дважды, хотъ и не особенно рѣшительно, протестовала противъ нарушенія ея нейтралитета.

Лондонская и парижская пресса откровенно сообщала, что между германскимъ правительствомъ и Караханомъ существуетъ тайный договоръ, предусматривающій пропускъ красныхъ армій черезъ Германію.

Берлинская пресса категорически запротестовала противъ этого обвиненія и переложила всю отвѣтственность за происходящее на Францію и Англію, лишившихъ по Версальскому договору Германію какой бы то ни было возможности сопротивляться.

Въ полночь мы снизились на Темпельгофскомъ аэродромѣ, и я поѣхалъ по пустыннымъ улицамъ въ отель „Адлонъ“, въ которомъ помѣщалось бюро „Чикаго Трибюнъ“.

Зигридь Шульцъ, нашъ корреспондентъ, владѣвшій множествомъ иностранныхъ языковъ, находился въ этотъ поздній часъ у себя въ бюро.

— Я радъ вашему пріѣзду, — сказалъ онъ. — Право,

пора, чтобы Чикаго смѣнила меня. Въ теченіе послѣдней недѣли мнѣ приходилось работать по двадцать часовъ въ сутки. Мы наканунѣ путча — всѣ данныя указываютъ на это.

— Я доверяю вамъ, Зигридь. Кто могъ бы быть лучше васъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ? Вѣдь вы предсказали всѣ возстанія, разыгравшіяся въ Германіи послѣ сверженія кайзера.

— Но это возстаніе превзойдетъ всѣ прежнія, — замѣтилъ Зигридь. — Наши красные сильнѣе сейчасъ, чѣмъ когда-либо, тогда какъ правыя организаціи сильно ослаблены. Послѣ разгрома Штальгельма въ восточной Пруссіи коммунисты — единственная организованная сила, и поговариваютъ, что они сумѣли проникнуть даже въ рейхсверъ и ряды полиціи. Затѣмъ у насъ царитъ очень большая неприязнь къ бывшимъ союзникамъ. Страна претерпѣла много и совершенно безоружна. За все это отвѣтственность возлагается на Версальскій договоръ. И все, что можетъ освободить Германію отъ версальскаго преступленія, — такъ называютъ здѣсь этотъ миръ, — будетъ встрѣчено съ распростертыми объятіями.

— Но развѣ Германія уже забыла объ ужасахъ французской оккупациі и расквартированныхъ на Рейнѣ неграхъ? — спросилъ я. — Развѣ Германія не знаетъ, что войска Карахана сформированы главнымъ образомъ изъ азіатовъ, впервые празднующихъ побѣду надъ бѣлой расой? Неужели ваши мужчины не понимаютъ, что означаютъ для этихъ полчищъ бѣлыя женщины?

— О да, — отвѣтилъ онъ. — Германіи суждено было испытать много тяжелаго, и поэтому она предпочитаетъ видѣть войска Карахана въ качествѣ союзниковъ по оружію, чѣмъ въ качествѣ врага-побѣдителя.

Въ соотвѣтствіи съ предсказаніями Шульца на слѣдующій день въ Берлинѣ произошелъ государственный переворотъ. Тысячи демонстрантовъ, въ большинствѣ своемъ члены германской коммунистической партіи, вышли на Унтеръ-денъ-Линденъ и миновали Бранденбургскія ворота.

Правительственныя войска, занимавшія улицы, не оказывали имъ сопротивленія.

Безъ пролитія капли крови столица Германіи перешла на сторону Карахана и попала въ руки коммунистовъ.

Въ Гамбургѣ, Бременѣ и Штеттинѣ состоялись демонстраціи въ честь Карахана — портретъ желтаго завоевателя несли впереди процессіи вышедшихъ на улицы съ красными флагами.

Къ вечеру правительство Германіи вышло въ отставку, и было объявлено о диктатурѣ пролетаріата, возглавляемаго агентомъ третьяго интернаціонала Эрихомъ Шульценбергеромъ.

Это измѣненіе политическаго строя Германіи, происшедшее 10 февраля 1933 года, явилось немаловажнымъ событіемъ для всей остальной Европы.

Въ восточной Пруссіи, Саксоніи и Баваріи образовались большіе отряды рейхсвера, примкнувшіе къ наступленію Карахана и направившіеся вмѣстѣ съ его войсками на западъ.

Бинней и я вылетѣли обратно въ Вѣну. Несмотря на то, что мы прибыли на разсвѣтѣ, мы застали въ Грандъ-отелѣ ожидавшую нашего прибытія Марго. Лицо ея было серьезно:

— Въ Вѣну прибыла жена Карахана, — объявила она намъ. — Я хотѣла сообщить вамъ объ этомъ до прихода Бойера. Караханъ запретилъ ей выѣзжать изъ Москвы. Я предполагаю, что ему уже извѣстно объ ея отъѣздѣ, но врядъ ли онъ освѣдомленъ о томъ, что она прибыла въ Вѣну.

— Гдѣ она? — спросилъ я.

— Она въ моей спальнѣ, — отвѣтила Марго. — Она прибыла въ ночь послѣ вашего отъѣзда въ Берлинъ и освѣдомилась о васъ. Я представилась ей въ качествѣ вашей секретарши и сказала, что вы вылетѣли въ Германію. Она объяснила мнѣ всю тяжесть своего положенія и сказала, что хочетъ подождать вашего возвращенія въ Вѣну. Удалить ее отсюда я не рѣшилась. Надѣюсь, я ничего сквернаго не натворила.

Приезд Линь создавал ряд затруднений, которые могли повлечь за собою непредвиденные последствия. Для меня Линь была блондинкой, американкой, ринувшейся в самый центр ужасов войны и попавшей между жерновами военной машины. Ея муж возглавлял эту бойню и одновременно являлся отцом ея детей.

Я вспомнил о том унижении, которому Карахан подверг ее в последнюю нашу встречу в Москвѣ. Чего можно было ожидать от него сейчас, когда он узнает, что она последовала за ним на фронт и, нарушив его запрет, вздумался явиться к нему в ставку?

И как он будет реагировать на мой поступок, когда узнает, что несчастная женщина нашла убежище у меня?

Я было хотѣлъ принять определенное рѣшеніе и сдѣлать видъ, что мнѣ ничего неизвѣстно объ ея прибытіи и уклониться от встречи съ нею, но въ это мгновеніе дверь въ соседнюю комнату отворилась, и на порогъ предстала Линь Караханъ.

— Пожалуйста, пройдите съ ней въ соседнюю комнату, — взмолилась Марго. — Бойеръ может ежеминутно придти сюда.

Я схватил протянутую ко мнѣ руку Линь и последовал за нею въ соседнюю комнату.

— Я знаю, что мнѣ не слѣдовало этого дѣлать, — сказала она. — Знаю, что это может имѣть ужасныя послѣдствія, если онъ застанет меня у васъ. Вѣдь онъ въ своемъ гнѣвѣ дьявольски жестокъ.

— Такъ почему же вы пріѣхали сюда?

— Для того, чтобы находиться поблизости отъ него, хотя бы я и рисковала тѣмъ самымъ навлечь на себя его гнѣвъ. Я знаю, что мое присутствіе здѣсь излишне, но я не могла поступить иначе. Я болѣе не та дѣвушка, которую вы нѣкогда знали. Я стала инымъ человекомъ — я его жена и мать его дѣтей. Онъ превратил меня въ свою рабыню. И я люблю его.

И снова я поразился силѣ этого человека, сумѣвшего

поработить эту нѣкогда непокорную и своевольную американку и превратить ее въ азіатскую покорную женщину.

— Чѣмъ я могу быть полезнымъ вамъ, Линь? Ваше присутствіе здѣсь нѣсколько усложняетъ положеніе вещей. Агенты Карахана несомнѣнно выслѣдятъ васъ. Что я могу сдѣлать для васъ?

— Ничего. Разрѣшите мнѣ остаться въ комнатѣ Марго. Я буду столоваться тамъ и не стану выходить изъ нея. Никто меня не увидитъ. Всѣ новости проходятъ черезъ ваше бюро, и здѣсь я смогу все знать о томъ, что происходитъ вокругъ него.

Одновременно я и понималъ и не понималъ ея желаніе. И въ то же время я былъ безсиленъ предпринять что-либо. Я разрѣшилъ ей остаться въ комнатѣ Марго, и Линь поблагодарила меня со слезами на глазахъ. Возвратиться въ бюро я успѣлъ за минуту до появленія Бойера.

— Какъ хорошо, что вы возвратились! — оживленно сказалъ онъ. — Насъ ожидаютъ большія событія. Караханъ поведетъ насъ къ трону цезарей. Мы отправляемся путешествовать — насъ ожидаютъ омытые луннымъ свѣтомъ каналы Венеціи, звонъ гитаръ, итальянскія озера и путь на Римъ.

— Когда?

— На разсвѣтѣ мы выступаемъ на фронтъ. Событія въ Германіи создали временное затишье на сѣверномъ фронтѣ. Теперь мы начнемъ наносить удары на югъ. Завтра утромъ взорвется занавѣсъ, и начнется слѣдующій актъ.

Такъ оно и было. 16 февраля Караханъ началъ наступленіе на итальянскомъ фронтѣ, и я сталъ свидѣтелемъ того, какъ второй Аттила огнемъ и мечомъ разрушалъ колыбель западной цивилизаціи.

18 февраля 1932 года бомбой, сброшенной съ аэроплана, былъ убитъ Бенито Муссолини, находившійся въ ставкѣ итальянской арміи въ Удинѣ.

Это произошло на третий день послѣ начала наступленія красныхъ на итальянскомъ фронтѣ. Наступленіемъ руководилъ лично Караханъ.

Италію охватили отчаяніе и ужасъ. Америка и Западная Европа, очутились лицомъ къ лицу съ новой опасностью.

Радикальныя и антифашистскія организации, со смертью Муссолини, развили энергичную дѣятельность. Фашистскія войска стойко сражались, пытались оказать сопротивление краснымъ, наступавшимъ на югъ отъ Инсбрука, Лиенца и Клаген-фурта и въ валадномъ отъ Атрамта направлении.

Австрійскія и словенскія дивизіи, наступавшія подѣ руководствомъ генерала штаба Карахана, были исполнены ненависти къ Италіи, и первый городъ, подвергнутый захвату неприятеля, былъ Фіуме. Затѣмъ палъ Триестъ, и неприятель, вышедшій въ долину Изонцо, заставилъ сдаться важный въ стратегическомъ отношеніи городъ Перцъ.

Вмѣстѣ со Свидомъ Виннеемъ я былъ свидѣтелемъ отчаяннаго воздушнаго сраженія, длившагося десять часовъ...

За два дня до смерти Муссолини, лично принявшему участие въ воздушномъ боѣ, суждено было пережить гибель большей части своего воздушнаго флота и быть свидѣтелемъ полного перевѣса неприятельскихъ воздушныхъ силъ.

Караханъ также лично принималъ участие въ этомъ историческомъ воздушномъ сраженіи.

Въ Миланѣ фашистская жандармерія казнила пятнадцать итальянскихъ коммунистовъ, но несмотря на столь строгія мѣропріятія, правительству не удалось оправдать страну отъ террористическихъ актовъ, направленныхъ въ ущербъ ея обору.

Политическія осложнения въ тылу нанесли существенный ударъ итальянской арміи и вынудили ее къ отступленію.

Уличныя волненія во Флоренціи повлекли за собою невозможность защищать городъ и сдачу генерала Мартино съ его отрядомъ.

Отнынѣ путь на Римъ былъ свободенъ. Ровно черезъ недѣлю, 6 марта, Вѣчный Городъ палъ не оказавъ сопротивления.

Находясь на каменной балюстрадѣ, Бойеръ, Винней и я

наблюдали за крашымъ, но ожесточеннымъ сраженіемъ на площади Св. Петра. Въ этомъ бою подѣ колоннадой Челлини пали самые надежные защитники Ватикана — швейцарцы и французы.

Строгая дисциплина, существовавшая въ арміи красныхъ, спасла художественныя сокровища Ватикана отъ разгрома. Но судьба намѣстника св. Петра висѣла на волосѣхъ.

Рѣшеніе Карахана пощадить жизнь Пія XI было истолковано католиками какъ чудо, ниспосланное свыше въ отвѣтъ на многочисленныя молитвы вѣрующихъ.

— Это рѣшеніе Карахана отнош. не является результатомъ его мягкосердечія, — сухо замѣтилъ Бойеръ. — Если бы Караханъ приказалъ убить папу, то за этимъ послѣдовало бы избраніе кардиналами новаго папы, гдѣ-нибудь внѣ предѣловъ нашей досягаемости. Пока Караханъ держитъ папу у себя въ плѣну, онъ располагаетъ возможностью контролировать его дѣйствія.

— А чего ради держать папу въ плѣну? — спросилъ я.

— А почему бы и нѣтъ, — отвѣтилъ Бойеръ, — не впервые папы попадаютъ въ плѣнъ. Итальянцы держали папу въ плѣну въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Не впервые глава католической церкви живетъ на положеніи узника. До 1929 года папа добровольно былъ ватиканскимъ узникомъ.

Наканунѣ паденія Рима королевская семья во главѣ съ королемъ Викторомъ Эмануиломъ вышла въ Неаполь и спустилась на бортъ лайнера „Триентъ“.

Впоследствии она нашла убѣжище въ Лиссабонѣ. Караханъ занялъ Квириналъ, и Бойеръ простеръ любезность до того, что отвелъ тамъ помѣщеніе и для меня съ Виннеемъ.

Въ теченіе нѣдѣли я просиживалъ ночи напролетъ надъ подробными сообщеніями о происходившихъ событіяхъ. Городъ непрерывно оглашался ликующими возгласами побѣдителей, праздновавшихъ свое торжество. Въ сообщеніяхъ я подробно описывалъ массовыя казни старинныхъ итальянскихъ родовъ и мѣстнаго американо-американскихъ туристовъ и студентовъ, тщетно пытавшихся выбраться на родину черезъ переполненные порты Бриндиза, Неаполь и Геную.

Думая объ опасностяхъ, которымъ подвергались застряв-

шие въ Италіи американскіе туристы, Винней и я не могли перенестись мыслями къ Марго Дениссонъ, оставшейся въ Вѣнѣ и участь которой отягчалась безразсуднымъ прибытіемъ въ Вѣну жены Карахана.

То обстоятельство, что въ Вѣнѣ помимо Марго находился и Уайтъ Доджъ, также не способствовало хорошему настроенію Спиды, не разъ просившаго у меня разрѣшенія доставить Марго въ Римъ. Но насъ успокоилъ по обыкновенію своему улыбающийся Бойеръ.

— Караханъ съ перваго дня прибытія его жены въ Вѣну зналъ о томъ, что она спряталась у вашей секретарши.

Спидъ и я обмѣнялись удивленными взглядами.

— Успѣхъ полководца зависитъ отъ того, какъ хорошо поставлена у него развѣдочная служба, — продолжалъ Бойеръ. — Вы напрасно беспокоитесь за ихъ судьбу. Завтра вы увидите ихъ. Въ три часа мы вылетаемъ со штабомъ Карахана на сѣверъ.

Мы вылетѣли по направленію къ Ливорно. Пролетая надъ островомъ Эльбой, я подумалъ о завоевателѣ, которому суждено было испытать заочное на этомъ островѣ.

— Вотъ уже десять недѣль, какъ войска Карахана переступили польскую и румынскую границы. За эти десять недѣль вамъ суждено было быть свидѣтелями большихъ кровопролитій, чѣмъ ихъ было за десятилѣтіе Наполеоновскихъ войнъ. Взгляните на карту, — продолжалъ Бойеръ — теперь, когда наши войска заняли Германію и Италію, нашъ фронтъ образуетъ единую линію отъ Генуи на Средиземномъ морѣ до Вильгельмсгафена на Сѣверномъ морѣ. Все, что находится на востокъ отъ этой линіи, въ рукахъ красныхъ.

— Нашъ врагъ находится на западъ отъ этой линіи. Вы были свидѣтелями нашихъ успѣховъ въ Центральной Европѣ и въ части Западной Европы. Кое-гдѣ намъ пытались оказать сопротивленіе, но всюду на помощь намъ приходили политическія распри въ странѣ. Теперь намъ суждено помѣряться силами съ союзниками, вышедшими побѣдителями изъ міровой войны. Наши войска упрочаютъ Францію на итальянской границѣ, и вы увидите сраженіе, равнаго которому не было въ мірѣ со времени его существованія.

На разсвѣтъ мы пролетѣли надъ Генуей, оставивъ за собою Средиземное море и широкое Миланское шоссе. Мы летѣли въ глубь материка.

Слѣва отъ насъ высились Приморскіе Альпы. Передъ нами вздымались покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ вершины. Въ тотъ моментъ, когда мы перелетали черезъ Альпы, — это было ночью, — Бойеръ разбудилъ меня и сказалъ:

— Не такъ давно черезъ эту ледяную преграду перешелъ другой Наполеонъ. Онъ совершилъ переходъ черезъ Альпы въ южномъ направленіи. Мы же минуемъ Альпы, даже не обращая вниманія на нихъ. Нашъ Наполеонъ, по всей вѣроятности, спитъ въ это мнovenіе крѣпкимъ сномъ въ кабинетѣ аэроплана. Альпы ничто по сравненію съ его волей.

Мы миновали Швейцарію и спустились въ Фридрихсгафенъ на Боденскомъ озерѣ. Нашъ воздушный флотъ расположился въ антарахъ, въ которыхъ ранѣе помѣщались цепелины. Отсюда же въ 1928 году вылетѣлъ въ первый трансатлантический полетъ воздушный гигантъ. Мы полетѣли въ Вюртембергъ, миновали Штутгартъ и на разсвѣтъ очутились во Франкфуртѣ на-Майнѣ.

Во время полета Бойеръ сообщилъ мнѣ послѣднія новости съ фронтовъ, о томъ, какія силы сгруппированы на нихъ.

— Русско-сибирская армія, подкрѣпленная китайскими, японскими, турецкими и индусскими корпусами, вмѣстѣ съ реорганизованными арміями Польши, Венгріи, Болгаріи и Австріи, составляетъ на западномъ фронтѣ армію въ миллионъ триста тысячъ пѣхоты. Въ эту цифру входитъ и стотысячная армія Германіи и сто двадцать пять тысячъ человекъ, входящихъ въ составъ германской полиціи. Все это количество солдатъ стоитъ на линіи Рейна.

— А какъ высоко вы расцѣниваете непріятельскія силы? — спросилъ я.

— Бельгійская армія насчитываетъ, примѣрно, сто пятьдесятъ тысячъ человекъ. Англійскихъ войскъ во Франціи имѣется триста тысячъ человекъ. Двѣ трети этого количества прибыли изъ Англіи, остальная треть изъ Африки. Французская армія на нашемъ фронтѣ составляетъ девятьсотъ тысячъ человекъ. Въ общемъ силы обѣихъ враждующихъ сто-

ронъ, примѣрно, равны. Не думаю, чтобы Америка поддержала своихъ бывшихъ союзниковъ по западному фронту. На сей разъ ваша страна, Гиббонсъ, не пойдетъ съ Англіей и Франціей, — вы за насъ.

— Съ какихъ это поръ? — освѣдомился я у него.

— Съ того времени, какъ американскій конгрессъ принялъ резолюцію Бертона. Быть можетъ, Америкѣ и суждено въ предстоящей борьбѣ сыграть пассивную роль, но эта роль въ данное время для насъ важнѣе всего.

Бойеръ понялъ, что для меня это сообщеніе явилось полнѣйшей неожиданностью, и сказалъ:

— Вы были настолько заняты разнырявшимися въ Европѣ событіями, что прозвали все происходящее у васъ дома. Съ начала войны Америка охвачена отвращеніемъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Этому немало способствовали ваши корреспонденціи. Наспрошеніе вашей родины, примѣрно, соответствуетъ тому настроенію, которое было въ началѣ мировой войны. Билль Бертона, прошедшій нынѣ въ конгрессъ, предусматриваетъ запрещеніе снабженія враждующихъ сторонъ оружіемъ. Франція и Англія изъ-за этой войны допустили ошибку, понадеявшись на то, что американская военная промышленность снабдитъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Къ счастью Карахана, на сей разъ американская промышленность не окажетъ поддержки Франціи и Англіи. Америка не дастъ имъ ни одного снаряда, ни одной пушки. Наша военная промышленность работаетъ полнымъ темпомъ. Въ наши руки попали всѣ тайные склады оружія и боевыхъ припасовъ въ Германіи. Въ настоящее время отъ береговъ Тихого океана до Рейна каждый станокъ работаетъ на насъ. Поэтому я и говорю, что законъ Бертона превратилъ Америку въ нашего союзника.

Послѣдняя фраза легла въ основу моего подробнаго сообщенія, посланнаго въ Америку. Мы находились во Франкфуртѣ, гдѣ всѣрѣшили въ отелѣ „Кайзергофъ“ Линъ и Марго.

Рядъ военныхъ теоретиковъ въ послѣдствіи занялся анализомъ подготовительныхъ пятидневныхъ боевъ, въ время которыхъ Караханъ добился того, что противникъ принужденъ былъ занять положеніе, въ которомъ ему былъ нанесенъ рѣшительный ударъ.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вашингтонѣ и другихъ главныхъ городахъ міра сидѣли офицеры генеральныхъ штабовъ и тщетно пытались, склоняясь надъ картами, постичь планъ наступленія Карахана.

Самыми сильными впечатлѣніями, оставшимися у меня отъ пятидневнаго полета надъ различными пунктами фронта, были слѣдующія:

Однорукій пѣхотинецъ изъ Уэльса, сойдя съ ума, тщетно пытается пробиться сквозь полчища китайцевъ, наводнившихъ Брюссель.

Трупъ сѣдобородаго крестьянина, повиснаго въ окрестностяхъ Намюра на ярко-зеленомъ заборѣ.

До потери сознанія пьяная дѣвушка, притороченная къ сѣдлу бородагаго казака.

Слѣпой французскій пуало, бродившій съ тросточкой по полю.

Первой жертвой воздушной атаки Караханъ намѣтилъ бельгійскіе и англійскіе отряды. Онъ собралъ всѣ свои авіаціонныя силы, объединилъ ихъ въ мощную эскадру въ сѣверной части фронта и бросилъ ее на слабѣйшій пунктъ непріятельскаго расположенія.

Этотъ маневръ засталъ французскія авіаціонныя силы, разбросанныя по всему фронту и охранявшія свои войска, врасплохъ.

Войска Карахана продолжали продвигаться черезъ Люксембургъ, не обращая вниманія на огромную убыль въ людяхъ. На мѣсто уничтоженныхъ французской артиллеріей и газовыми атаками полковъ вырастали новыя полчища авіаторовъ, продолжавшихъ наступать на Мецъ и Седанъ.

Затѣмъ бой, не прекращавшійся и ночью, перекинулся на Мезу, въ Арегонны и къ Вердену.

На югъ отъ Вердена пали Нанси и Туль, и краснымъ удалось продвинуться въ направленіи на Баръ ле Дюкъ. За Верденомъ войска красныхъ сомкнулись у Сентъ-Менегульдъ.

Ежедневно въ руки красныхъ переходили города и селенія, памятные со времени мировой войны: Монтефоконъ, Сентъ-Міель, Гранъ-Пре.

Маршалъ Петенъ во главѣ цвѣта французской арміи пы-

тался остановить наступление неприятеля на линии Реймсы, Шалонь на Марнѣ, Сентъ-Дизье, Шомонь, Лонгры и Дижонь.

Неожиданно въ разгаръ боевъ на этомъ участкѣ фронта Караханъ перенесъ операціи на франко-итальянскую границу, и дивизіи, намѣченные для переброски на сѣверъ для оказания помощи генералу Петену, принужденны были по приказу генерала Ламона остаться на южномъ участкѣ фронта.

Примерно, такое положеніе дѣлъ оказалось къ утру 21 марта, когда началось сраженіе, вошедшее въ исторію подъ наименованіемъ третьей битвы на Марнѣ. Битва началась какъ разъ въ пятнадцатую годовщину памятнаго германскаго наступленія.

И снова союзному командованію пришлось столкнуться съ тѣмъ же затрудненіемъ, съ какимъ оно столкнулось пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Взаимное недоверіе и зависть царили въ рядахъ союзныхъ штабовъ, не желавшихъ придти къ тому, чтобы всю полноту командованія сосредоточить въ рукахъ одного штаба.

Англійскій фельдмаршалъ сэръ Эдвардъ Уилкинсъ можетъ частично приписать свое ужасное пораженіе при Сентъ-Кентене тому, что не сумѣли словоригься съ маршаломъ Петеномъ, командовавшимъ французскими войсками, занимавшими соседній съ нимъ участокъ фронта.

Генералъ Санперъ, бельгійскій командующій, не пришелъ къ соглашенію ни съ Петеномъ, ни съ Уилкинсомъ — уроки прошлой мировой войны были основательно забыты.

А на этотъ разъ у союзниковъ не было своего Першинга, который могъ бы настоять на томъ, чтобы стороны пришли къ соглашенію.

Планъ союзниковъ сводился къ терпѣливому и слѣпому выжиданію, то-есть къ тому же, къ чему сводился планъ союзниковъ въ послѣдніе три года мировой войны. Планъ Карахана сводился къ быстротѣ, натиску, огромной подвижности и эластичности. Его наступленіе уподоблялось неукротимому потоку, въ который безпрестанно вливались все новыя и новыя силы изъ тыла.

Въ первые изъ пяти дней у Карахана было выбито семьдесятъ тысячъ людей. Французы, поперявшие въ первый

день сраженія всего лишь двадцать тысячъ людей, потеряли въ послѣдній день боя свыше ста тысячъ людей.

Паль Реймсы — и снова, во второй разъ, соборъ превратился въ груды развалинъ.

Желтые орды, продвигавшіяся по тѣмъ же путямъ, по которымъ въ 1918 году продвигались германскія арміи, наводнили Францію.

Во второй разъ взлетѣлъ на воздухъ мостъ Шато-Тьерри. Французская армія была сломлена, — красные занимали долину Марны.

9 апрѣля войска Карахана заняли Парижъ.

Побѣды Карахана, одержанныя во Франціи, вызвали въ мѣрѣ еще большее изумленіе, чѣмъ одержанныя имъ побѣды въ центральной Европѣ и въ Италіи.

Третья битва при Марнѣ дала ему имя, подъ которымъ его знали и по сіе время — его стали именовать „краснымъ Наполеономъ“, хотя и слѣдуетъ признать, что область, завоеванная имъ, превышала земли, подпавшія подъ власть французскаго императора.

Французское правительство сдѣлало тщетную попытку бѣжать въ Бордо и было свергнуто. Во главѣ города сталъ Наварри, король апапей, впервые вышвыпный на поверхность общественной жизни и объявившій, что принимаетъ власть отъ имени Третьяго интернаціонала.

Караханъ занялъ городъ 3 апрѣля и расположился во дворцѣ на Елисейскихъ поляхъ.

Я былъ свидѣтелемъ того, какъ, увѣренный въ своей безопасности, Наварри вздумалъ представиться Карахану и какъ пять минутами спустя онъ былъ разстрѣленъ. Эта расправа положила конецъ беззащитному хозяйничанью французскихъ радикальныхъ политиковъ, но не смогла положить конецъ дикимъ сценамъ, продолжавшимъ разыгрываться на улицахъ Париска.

Ужаснѣе всего было положеніе въ портовыхъ городахъ западной Европы.

По мѣрѣ того, какъ войска Карахана продвигались впередъ, всѣ сколько-нибудь обезпеченные жители бросались въ бѣгство и пытались найти спасеніе въ портовыхъ городахъ.

Сотни тысячъ бѣженцевъ скопились въ Парижѣ, и послѣ того, какъ битва на Марнѣ была проиграна, бросились на Западъ — на этотъ разъ число бѣженцевъ возросло еще сильнѣе — за счетъ французскихъ буржуа.

Всѣ дороги къ морю и къ испанской границѣ были закупорены бѣженцами, передвигавшимися при помощи самыхъ разнообразныхъ средствъ сообщенія. Тысячи людей пытались пробраться въ Америку, и за мѣсто на палубѣ платили огромныя суммы.

Европейскія бумажныя деньги утратили на этомъ послѣднемъ этапѣ бѣгства какую бы то ни было цѣну. Тысячи американскихъ туристовъ застряли въ этой человѣческой лавинѣ. Американскіе пароходы получили приказъ принимать на бортъ только американцевъ, но сплошь и рядомъ отъ соблюденія этого правила администрація пароходовъ уклонялась.

Первый декретъ, изданный Караханомъ въ Парижѣ, гласилъ о возвращеніи итальянскихъ и французскихъ войскъ изъ Сѣверной Африки, что привлекло на его сторону симпатіи всѣхъ цѣлѣныхъ расъ.

Одновременно этотъ декретъ вынуждалъ англичанъ и испанцевъ также отозвать изъ Африки свои войска, такъ какъ держать ихъ тамъ теперь не имѣло смысла.

Возвращеніе испанскихъ войскъ на родину повлекло за собою революцію. Король Альфонсъ раздѣлилъ судьбу остальныхъ низложенныхъ европейскихъ монарховъ и бѣжалъ.

Революція перекинулась и въ Португалію. Черезъ недѣлю примѣру испанскаго короля послѣдовали одинъ за другимъ и всѣ скандинавскіе монархи, посѣвшіе укрѣпиться въ Америкѣ. Пребываніе въ Англіи не представлялось надежнымъ, потому что островное королевство близилось къ величайшему кризису, который когда-либо суждено было ему переживать.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Карахану удалось овладѣть всѣми европейскимъ континентомъ. Слѣдомъ за арміей Карахана продвигался Маликовъ, политическій организаторъ карахановскихъ побѣдъ. Въ завоеванныхъ странахъ устанавливалась диктатура пролетаріата, — страны присоединялись къ совѣтскому союзу, причѣмъ имъ общалась автономія.

Долги государствъ были аннулированы. Банки всѣхъ го-

сударствъ объявили мораторій. Все это было проведено въ порядкѣ приказа диктатора.

Въ то время, какъ Караханъ не прекращалъ движенія своихъ войскъ, перебрасывая германскія войска въ Италію, а итальянскія — въ Испанію, онъ обратилъ все свое вниманіе на восстановленіе европейской промышленности и ея мощи. Особое значеніе придавалъ онъ промышленности, работавшей для нуждъ войны.

Чтобы излѣпить продовольственный кризисъ, были предприняты массовыя обыски и реквизиціи. Гражданское населеніе начало испытывать всѣ прелести лишеній. Тысячи английскихъ, французскихъ, бельгійскихъ и итальянскихъ солдатъ, отнюдь не согласныхъ съ режимомъ Карахана, очутившись безъ средствъ къ существованію и безъ самаго необходимаго, оказались вынужденными поступить въ армію Карахана. Появляться на улицѣ безъ красной повязки на рукавѣ было рискованно — это означало немедленную отправку на принудительныя работы или арестъ.

Неожиданно всему міру пришлось узнать, что слѣдующимъ народомъ, которому суждено было почувствовать на себѣ прикосновеніе руки Карахана, былъ народъ, родственныи ему по крови.

Парижское изданіе „Чикаго Трибюнъ“ сообщило о томъ, что правительство Филиппинскихъ острововъ не рискнуло отменить извѣстный законъ о веденіи бухгалтерскихъ книгъ, предусматривавшій для японскихъ и китайскихъ купцовъ веденіе бухгалтеріи на испанскомъ языкѣ.

Постоянно натянутыя отношенія между Японіей и Филиппинами еще болѣе ухудшились послѣ того, какъ правительство Филиппинъ оказало гостепріимство японской императорской семьѣ. Японія истолковала изъ этого, заявляя филиппинскимъ правительствомъ въ вопросѣ объ употребленіи японскаго и испанскаго языка, какъ враждебную, и Караханъ далъ приказъ о высылкѣ японскаго воздушнаго и морскаго флотовъ въ Маниллу.

Американскіе пацифисты развили въ сенатѣ сильную дѣятельность и тѣмъ самымъ, добившись нейтралитета Америки, создали для Карахана благоприятную обстановку.

Лишь Австралия выступила съ протестомъ по поводу занятія Филиппинъ Японіей, но красное правительство не обратило вниманія на протестъ.

Бойеръ ежедневно информировалъ меня о ходѣ событий. Отъ него я узналъ о перевозкѣ японскихъ войскъ на транспортныхъ и десантъ. Милиція Филиппинъ состояла изъ двадцати двухъ тысячъ туземцевъ, бывшихъ подъ командованіемъ американскихъ инструкторовъ. Въ теченіе двухъ дней она оказывала наступавшимъ японцамъ мужественное сопротивление и принуждена была прекратить сопротивление подъ нажимомъ бо-
лье сильнаго противника.

Манилла пала.

Надъ Филиппинами взвился красный флагъ, и въ гавань вошелъ японскій флотъ, сопровождавшій французскій дредноутъ „Парижъ“, на которомъ находился представитель Карахана.

Караханъ провозгласилъ на Филиппинскихъ островахъ диктатуру пролетаріата и назначилъ главой правительства Хуана Эспинозу, въ теченіе ряда лѣтъ представлявшаго въ Коминтернъ отъ имени Филиппинскихъ острововъ.

Предсказаніе Бойера, что эпизоду на Филиппинахъ не придадутъ особаго значенія, оказалось правильнымъ. О немъ совершенно забыли, потому что надвигались болѣе крупныя событія. Въ Англіи отнынѣ все вниманіе было устремлено на Джозъ Кука, лидера рабочихъ, и на ростъ вліянія рабочей партіи въ парламентъ.

Рабочая партія Англіи, использовавъ разногласія либераловъ и консерваторовъ, добилась отозванія англійскихъ войскъ изъ Египта и удаленія флота изъ Средиземнаго моря.

1 мая кабинетъ Черчилля попытался добиться объявленія всеобщей мобилизаціи, но коммунисты, поддержанные и рабочей партіей, покинули засѣданіе палаты общинъ.

Черезъ полчаса экстренные выпуски газетъ объявили о всеобщей двѣнадцатичасовой забастовкѣ. Подъ угрозой всеобщей забастовки правительство Черчилля предпочло выйти въ отставку.

Черезъ три дня Джозъ Кукъ составилъ новый кабинетъ, и королю не оставалось ничего другого, какъ утвердить составленное имъ правительство.

Первымъ дѣйствіемъ новаго премьеръ-министра явилось назначеніе новаго лорда адмиралтейства. На этотъ постъ былъ намѣченъ матросъ Вилль Брандонъ, коммунистъ по убѣжденіямъ, получившій въ Ютландскомъ бою крестъ Викторіи.

Брандонъ тутъ же приказалъ всему англійскому флоту прибыть въ порты Англіи и предоставить флоту Карахана возможность свободного прохода черезъ Ламаншъ.

Это распоряженіе вызвало возмущеніе и привело къ первому столкновенію между коммунистами и сторонниками стараго порядка.

Почти весь офицерскій составъ флота отказался признать властъ Брандона и, вмѣстѣ съ небольшими группами оставшихся вѣрными старому порядку матросами, оказалъ сопротивление. Но оно было тщетнымъ. Брандонъ предвидѣлъ его и своевременно подготовилъ на всѣхъ судахъ красныхъ къ этой возможности. Въ отвѣтъ на выступленіе офицеровъ началась отчаянная бойня.

Не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ всѣ крупныя суда британскаго флота перешли въ руки красныхъ.

А по прошествіи сорока восьми часовъ, приказъ Брандона былъ выполненъ, и весь англійскій флотъ, нѣкогда бывший красой и гордостью страны, всталъ на якорь въ портахъ.

На борту пароходовъ осталась лишь охрана, — что касается до всего личнаго состава флота, то онъ получилъ отпускъ. Министръ-президентъ Кукъ объявилъ этотъ актъ Брандона величайшимъ актомъ, гарантирующимъ странѣ и міру миръ и спокойствіе.

На самомъ же дѣлѣ дѣйствія эти гарантировали какъ разъ обратное, что ему и было извѣстно.

Разоруженіе величайшаго въ мірѣ флота, отказъ отъ обороны Англіи, отказъ Великобританіи отъ морскаго могущества былъ радостно встрѣченъ англійскимъ пролетаріатомъ, тогда какъ вся остальная часть населенія Англіи такъ же, какъ и населеніе Америки, узнало объ этомъ съ ужасомъ.

На слѣдующій день я сидѣлъ въ ложѣ журналистовъ въ палатѣ общинъ и былъ свидѣтелемъ того, какъ Кукъ произнесъ неслыханные слова:

— Товарищи, парламентъ Англіи распущенъ.

Тяжелое молчаніе повисло въ залѣ засѣданій. А затѣмъ это молчаніе разрѣшилось ликованиемъ лѣвой части парламента.

Консерваторы, — нѣкоторые изъ нихъ продолжали еще носить цилиндръ, — направились къ дверямъ. Но двери оказались запертыми — то было государственныя перевероты.

Спеціально приготовленные для этого случая полицейскіе охраняли все выходы и пропускали лишь лѣвыхъ членовъ парламента. Остальные депутаты были арестованы. До моего слуха съ улицы донеслись выстрѣлы, и мнѣ удалось черезъ боковую дверь выбраться съ отведенныхъ для журналистовъ мѣстъ и выбѣжать на площадь.

Со всехъ сторонъ къ зданію парламента стекались массы народа. Надъ толпами рѣяли красные флаги и портреты Ленина, Каракана и Джоу Кука.

Передъ Уайтхолломъ толпы раздѣлились — часть направилась къ Трафальгаръ-скверу, остальные къ Кнайтъ-бриджу. Я послѣдовалъ за первыми и попытался пробраться въ лондонское бюро „Чикаго Трибюнъ“, помѣщавшееся на Флитъ-Стритъ 72.

На цоколѣ мавзолея стоялъ какой-то портовый рабочий. Брюки его были засучены до коленъ, красный носовой платокъ охватывалъ его шею — онъ приглашалъ собравшихся идти на Трафальгаръ-скверъ. Голосъ его былъ хриплымъ голосомъ всегдатаевъ, уличныхъ митинговъ.

— Къ дворцу! Букингемскому дворцу! Четыре года я проливалъ во Франціи кровь за короля? Чего ради? Для того, чтобы потомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ голодать и мучаться! Милліоны нашихъ братьевъ погибли ради ихъ империалистическихъ замысловъ, десятки тысячъ продолжаютъ гнить и по сіе время въ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Индіи. Во дворецъ!!

Лицо оратора стало отъ напряженія совсѣмъ фіолетовымъ, злобно поблескивавшіе за стеклами очковъ глаза придавали ему сходство съ жестокимъ гномомъ.

Толпа подхватила его вошь, и затѣмъ по рядамъ пробѣжалъ слухъ о бѣгствѣ короля.

Массы посѣпили къ Пелль-Мелло, минуя ворота Адмиралтейства. Было темно. Отъ Пикадилли и цирка приближались

колонны демонстрантовъ, заливавшія Геймаркетъ, Реджентъ-Стритъ и Сентъ-Джемс-Стритъ.

Шотландская гвардія у дворца открыла огонь какъ разъ въ то мгновеніе, когда чернь достигла памятника Викторіи.

Мой старый пріятель, майоръ Обрей Купера, былъ подхваченъ толпой у бронзоваго портала дворца и буквально разорванъ на куски.

Выстрѣлы гвардейцевъ лишь усилили гнѣвъ толпы. Она отпрянула назадъ, и на улицахъ стали расти баррикады изъ опрокинутыхъ автобусовъ, скамеекъ — передъ ними росли горы выброшеннаго голыми руками булыжника.

Подобныя же сцены разыгрались въ этотъ день во всемъ Лондонѣ. Повсюду, гдѣ полиція или войска вздумали оказать сопротивление, неизвѣстно откуда появлялось оружіе. Неизвѣстно откуда появившіеся организаторы-коммунисты руководили ходомъ уличныхъ боевъ.

Послѣ обѣда къ возставшимъ подоспѣло подкрѣпленіе — изъ Паррика прибылъ отрядъ Каракановской арміи, тутъ же переброшенный на островъ, какъ только тамъ стало извѣстно о происходившихъ событіяхъ. Этому отряду, участвовавшему не въ одномъ европейскомъ сраженіи, уличные схватки въ Лондонѣ показались лишь тѣмъ-то шуточнымъ, и они вмѣшивались въ ходъ событій лишь тамъ, гдѣ сила возставшихъ оказывалась недостаточной.

Бои въ Лондонѣ длились три дня. Шотландцы, защищавшіе Букингемскій дворецъ, были перебиты до послѣдняго человека, а дворецъ разграбленъ — его сокровища стали достояніемъ разсвирѣпѣвшихъ женщинъ и подозрительнаго люда.

Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что вся Англія и Шотландія пережили примѣрно то же самое, что выпало на долю Лондона. Консервативные представители власти, моры и члены муниципалитета были убиты, та же участь постигла большое количество помѣщиковъ.

Въ теченіе двухъ недѣль не было никакихъ свѣдѣній о судьбѣ королевской семьи. Потомъ стало извѣстнымъ, что новозеландскій крейсеръ „Мангануи“ доставилъ ихъ въ Галифаксъ.

Спиду Биннею удалось, при помощи взятки въ двадцать пять фунтовъ золотомъ, получить въ свое распоряженіе аэро-

плантъ, принадлежавшій раньше „Чикаго Трибюнъ“, и вылетѣть съ моимъ сообщеніемъ въ Парижъ.

На обратномъ пути онъ доставилъ ко мнѣ въ Лондонѣ Бойера и Марго.

Бойеръ помогъ мнѣ добиться интервью у Кука, нынѣ представлявшаго въ Англіи рабоче-крестьянское правительство и сообщившаго мнѣ, что англійскій флотъ снова снабженъ личнымъ составомъ и отнынѣ находится въ распоряженіи ставки Карахана.

Кукъ сообщилъ мнѣ, что вотъ уже десять лѣтъ, какъ на каждомъ англійскомъ суднѣ имѣлась тайная коммунистическая организація.

20 июня Караханъ обнародовалъ законъ объ образованіи Панъ-еврапейскаго Союза Соціалистическихъ Республикъ и предложилъ пролетариату несуществовавшей болѣе Великобританіи присоединиться къ этому союзу.

Англія, Шотландія и Уэльсъ должны были образовать автономную республику.

Впервые въ исторіи сѣверная и южная Ирландія оказались едины въ своемъ сужденіи — обѣ части отказались отъ сдѣланнаго имъ предложенія.

Канада, Новая Зеландія и Австралія самыми энергичнымъ образомъ протестовали противъ проекта Карахана.

Англійскіе радикалы сказали мнѣ, что они очень удивлены тѣмъ, что наиболѣе рѣзкія возраженія проекту Третьяго интернаціонала встрѣтили со стороны рабочаго правительства Австраліи.

Нескандино я получилъ телеграмму отъ своего австраійскаго пріятеля Тима Кларка, которому довелось прочесть въ „Бюллетенѣ Сиднея“ мои корреспонденціи.

— Англія быть можетъ и сошла съ ума, но Австралія разума не утратила. Мы всѣ — американцы, канадцы и австраійцы — сражались во Франціи. Если понадобится, мы снова пойдемъ въ бой. У насъ, въ Австраліи — рабочее правительство, но мы никогда не принесемъ въ жертву своей чести и достоинства.

Австраійская радіо-станція разослала обращеніе къ немногимъ участившимъ въ сѣверномъ полушаріи консервативнымъ

правительствамъ. Эти обращенія были адресованы въ Ванкуверъ, Онтарио, Вашингтонъ, Дублинъ и Бельфасти.

На улицахъ Брисбена и Сиднея происходили демонстраціи, и правительство объявило, что отказывается принять предложеніе Карахана.

Это рѣшеніе опредѣлило дальнѣйшую судьбу Австраліи.

Караханъ вылетѣлъ въ Лондонъ и предписалъ адмиралтейству направить въ Австралію въ помощь японскому флоту эскадру изъ двадцати линейныхъ судовъ.

Въ первыя числа июня, подъ охраной судовыхъ орудій, непріятель высадился въ Сидней. Дессанту предшествовалъ бой въ воздухѣ, въ которомъ японскія воздушныя силы одержали побѣду надъ австраійцами.

„Потери австраійскихъ войскъ, пытавшихся воспрепятствовать нашей десантной операціи, были ужасны“ — такъ гласило сообщеніе японскаго военнаго корреспондента Ферги, опубликованное на слѣдующій день въ Лондонѣ.

„Бѣлые отряды, вооруженные лишь полевой артиллеріей, пытались сопротивляться и были уничтожены огнемъ нашихъ судовыхъ орудій. Борьба была очень краткой.

Наши войска безъ особаго труда смогли вступить въ Сидней, но австраійцы вздумали оказывать на улицахъ города ожесточенное сопротивленіе, повлекшее бои за обладаніе каждымъ домомъ.

Благодаря этому, городъ подвергнутъ былъ полному уничтоженію.

Сидней залитъ кровью, и по сіе время невозможно очистить его отъ труповъ, представляющихъ опасность для нашихъ войскъ.“

Черезъ нѣсколько дней міръ съ ужасомъ узналъ о томъ, что произошло въ южномъ полушаріи. За бойней въ Сидней послѣдовали бои въ Аделаидѣ, Брисбенѣ и Мельбурнѣ. Населеніе Гобартъ-тоуна въ Тасманіи было вырѣзано до послѣдняго человѣка.

Городъ Веллингтонъ въ Новой Зеландіи былъ сожженъ до тла. Та же судьба постигла Оклендъ.

Австраійская милиція по тѣмъ руководствомъ принимавшихъ

участіе въ міровой войнѣ новозеландскихъ офицеровъ пошла въ бой, предпочитая смерть рабству подъ властью желтыхъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней я улучилъ благоприятный моментъ и спросилъ Карахана, произошло ли это безжалостное уничтоженіе семи миллионъ людей по его приказу?

И совершенно спокойно, лишь слегка удивляясь тому, что я исцелъ нужнымъ освѣдомиться объ этомъ совершенно очевидномъ фактѣ, онъ отвѣтилъ:

— Разумѣется. Это было нужно для будущаго человѣчества.

Спидъ и я сидѣли въ нашемъ бюро. Стояла теплая июльская ночь. Я диктовалъ Марго очередную корреспонденцію объ этой фразѣ краснаго Наполеона.

— Господи, спаси мою страну и моихъ братьевъ! — сказала она, закончивъ писать корреспонденцію.

— И насъ, и нашу страну, — добавилъ Спидъ, — вѣдь затѣмъ нашъ чередъ.

Онъ оказался правъ — нашъ чередъ наступилъ гораздо быстрее, чѣмъ мы могли предполагать.

„Караханъ предлагаетъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ присоединиться къ Красному Союзу.“

Съ такимъ заголовкомъ вышли американскія газеты, сообщившія объ официальном обращеніи Пятой-евразійскаго Союза Соціалистическихъ Республикъ къ народамъ Сѣверной и Южной Америки.

И съ тѣмъ же заголовкомъ вышли 25 августа 1933 г. и лондонскіе вечерніе выпуски газетъ. Я получилъ газеты въ тотъ моментъ, когда вмѣстѣ со Спидомъ и Марго сидѣлъ за радіо-аппаратомъ, установленнымъ на волну Нью-Йоркской станціи. Съ той стороны океана до меня доносился голосъ моего

пріятеля Давида Лоуренса, политическаго обозрѣвателя въ Вашингтонѣ.

Онъ говорилъ:

— Возбужденіе, охватившее столицу, еще значительнѣе, чѣмъ то, которое царило въ городѣ въ рѣшительные апрѣльскіе дни 1917 года, когда Америка вступила въ войну.

Передъ зданіемъ Вашингтонскаго почтамта скопились толпы народа.

Несмотря на то, что созванная президентомъ панамериканская конференція кончилась уже въ полночь, народъ продолжалъ толпиться передъ Бѣлымъ Домомъ до утра.

Докторъ Роу, председатель панамериканскаго союза по-святивъ меня въ подробности хода конференціи.

Всѣ двадцать одна американскія республики были представлены на засѣданіи своими посланниками или делегатами, — отсутствовалъ лишь представитель Никарагуа, выѣхавшій на родину въ виду того, что тамъ вспыхнула революція.

Сталъ-секретарь Коньеръ Робертсонъ открывать засѣданіе, выразивъ сожалѣніе, что впервые со времени образованія Союза въ 1889 году союзу предстоитъ разрѣшеніе политической проблемы. Предложеніе, сдѣланное Караханомъ, требуетъ отъ американскихъ республикъ, если не совмѣстныхъ дѣйствій, то хотя бы совмѣстнаго обсужденія.

Что касается позиции Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ во-просѣ, то Соединенные Штаты предпочли предложеніе Карахана отклонить.

Затѣмъ послѣдовала трехчасовая обмѣнъ мнѣній, закончившійся тѣмъ, что собравшіеся делегаты высказались за необходимость запросить инструкціи отъ своихъ правительствъ.

Несмотря на сильный дождь, у зданія, въ коемъ происходило засѣданіе конференціи, толпилося множество народа. Отъ того, какое впечатлѣніе произвело предложеніе Карахана на Америку, лучше всего судить по газетамъ, вышедшимъ на слѣдующій день. Въ нихъ Караханъ изображался въ видѣ злбнаго и жестокаго существа, протягивавшаго окровавленные руки къ дядѣ Саму. Караханъ возсѣдалъ на грудѣ дымящихся развалинъ и человѣческихъ череповъ, олицетворявшихъ собою захваченные имъ матеріи.

Передовые статьи газет были написаны, примерно, в таком же духе и предостерегали американцев от надвигающейся опасности.

Несмотря на то, что предложение Карахана противоречило политическим, хозяйственным и социальным идеалам Америки и не вызывало разногласий, некоторые из лондонских газет посчитали необходимым оповестить, что в ряде стран предложение Карахана встретило сочувствие.

Телеграммы из Нью-Йорка сообщали о столкновениях на улицах, — приверженцы Вилльяма Фостера, Бена Гигула и других коммунистов требовали на митингах, чтобы Америка присоединилась к красному союзу.

Во время происшедшей на улицах свалки и последовавшей за тем паники, два работника были задавлены на смерть.

В Лондоне подготовились к отказу Соединенных Штатов принять предложение Карахана, но там предполагали, что остальные американские государства не проявят единодушия. Последовавший со стороны всех американских республик ответ был признаком силы и единства.

В день получения ответа мне пришлось видеть Карахана. Совместное пребывание на фронте породило между нами некоторое доверие, — со своей стороны я относился к диктатору очень почтительно, в соответствии с его положением. Принципальные глаза Карахана застыли на моем лице.

Глядя на него, я с трудом мог поверить, что этот высокий худощавый человек, которому исполнилось тридцать три года, меньше чем в один год сумел завоевать Европу, Африку, Азию и Австралию. Из двух миллиардов людей, составлявших население земного шара, три четверти находились под его властью. Завоевания Цезаря, Ганнибала, Александра, Наполеона были превзойдены этим желтолицым человеком.

— Настанет день, когда вы, американцы, будете вынуждены признать мое требование, — скажут они, не спуская с меня глаз. — Быть может, это не осуществится сейчас, но придет день, когда это осуществится. На свете должна существовать только одна раса, и эта раса — человечество.

Я спросил, не поразили ли его отказ Америки принять его предложение.

— Нет. Я ожидал этого, и отказ этот совпадает с моими планами.

Совсем иную точку зрения высказала красная печать всего мира. Газеты Лондона, Парижа, Берлина, Москвы и Вены уделили очень много внимания отказу Америки, и я в ту же ночь передал содержание появившихся статей в Америку. Вот что писали газеты Карахана:

„Мы протянули руку помощи и предложили братский союз трудящимся Америки, но наше предложение было отвергнуто финансовыми мажоратами и рабовладельцами, властвующими по ту сторону океана...“ („Юманите“, Париж).

„Полтора миллиарда рабочих Европы, Азии и Африки дадут американскому капитализму достойный ответ...“ („Форвертс“, Берлин).

„Тело Ленина похоронят в московском мавзолее, но дух его живет. И не Америка одержит его победное шествие...“ („Известия“, Москва).

„Америка не сможет противиться желанию трудящихся всего мира срыть преграды, уродующие мир. Далеко идет о счастье всего человечества...“ („Аванти“, Милан).

Лондонский „Дейли Геральд“, несмотря на коммунистическую окраску, вышел со статьей явно джингистского характера:

„Мир устал от владычества янки. Надо положить этому владычеству конец“.

„Красный флот — сильнее всех флотов в мире“.

„Наша воздушная сила превосходит силы американской авиации“.

„Красная армия одержала множество побед над своими противниками и сможет сломить и своего последнего врага“.

„Карахан гениальнейший полководец в мире...“

„Нынче солнце никогда не закатывается в странах Красного Союза“.

— Какую они развили агитацию, — заметила Марго, переводя мне некоторые из этих статей. — Все эти газеты направляются целиком в распоряжение Карахана и печатаются

лишь то, что онъ имъ велитъ печатать. Я не думаю, чтобы эти статьи выражали мнѣніе народовъ, отъ имени которыхъ онъ говорить.

— Быть можетъ, вы и правы, но вскорѣ имъ удастся создать соответствующее настроеніе, — замѣтилъ Спидъ. — Эта газетная бомбардировка — начало ожесточенной кампаніи противъ американцевъ.

Спидъ былъ правъ. Печать и радио объявили подлинный крестовый походъ противъ Америки.

Нѣсколькими днями спустя я встрѣтилъ Уайта Доджа въ американскомъ клубѣ на Пикадилли. Онъ былъ въ ужасѣ:

— Они работаютъ во-всю и дѣлаютъ все возможное, чтобы разжечь въ народахъ ненависть къ Америкѣ, — сказалъ онъ. — Русскимъ рабочимъ они ежеминутно повторяютъ о томъ, что миллионы американцевъ оказывали поддержку Ленину, Врангелю и Колчаку въ борьбѣ ихъ съ Ленинымъ и Троцкимъ. Газеты полны сообщеніями о дѣйствіяхъ американскаго экспедиціоннаго корпуса въ Архангельскѣ и американскихъ отрядахъ въ Сибири. Въ Берлинѣ вопіютъ о „лицемѣріи янки“ и о лживыхъ четырнадцать пунктахъ Вильсона. Французскіе коммунисты твердятъ о долгахъ Франціи Америкѣ. Миланъ, Римъ и Неаполь вспомнили о дѣлѣ Сакко и Ванцетти и о тяжелыхъ порядкахъ на Эллис-Исландѣ. Въ Африкѣ негры увѣряютъ въ томъ, что американцы — грубые варвары и что для насъ линчеваніе негровъ является излюбленнымъ видомъ спорта. Въ Японіи и въ густо-населенномъ Китаѣ безпрестанно напоминаютъ о томъ, что цвѣтныя расы для американцевъ являются расами низшаго порядка, и что поэтому американцы рядомъ запретительныхъ мѣръ пытаются лишить ихъ возможности иммиграціи въ Америку. Всюду стремятся къ одному — къ тому, чтобы пробудить въ народахъ ненависть къ дядѣ Саму.

Черезъ нѣсколько дней изъ окна читальни одной изъ американскихъ газетъ, помѣщавшейся на Трафальгаръ-Скверѣ, была брошена бомба въ автомобиль Карахана.

При взрывѣ бомбы были убиты одиннадцать штатскихъ и

четверо военныхъ, — автомобиль былъ разбитъ, а самъ красный диктаторъ, раненный осколками бомбы, потерялъ сознание.

Террористомъ, покушавшимся на жизнь Карахана, отказался Джулио Винченцо, личный камердинеръ Муссолини, присутствовавшій при гибели итальянскаго диктатора въ Удинѣ.

Винченцо былъ арестованъ и съ гордостью признался въ томъ, что въ его замыселъ входило освободить міръ отъ красного коммунизма и желтаго нашествія, и что тѣмъ самымъ они хотѣли отомстить за смерть „величайшаго человѣка современности“.

Онъ заявилъ, что дѣйствовалъ по своему личному побужденію и ни съ какими организаціями въ связи не состоялъ. Но все же онъ признался въ томъ, что послѣ паденія Рима бѣжалъ въ Америку и жилъ въ Нью-Йоркѣ въ итальянскомъ кварталѣ. Въ Англію онъ пріѣхалъ всего лишь мѣсяцъ тому назадъ.

Этого обстоятельства оказалось достаточно для того, чтобы вся печать Карахана возложила отвѣтственность за это покушеніе на Америку.

Америкѣ было брошено обвиненіе въ томъ, что она даетъ возможность укрываться подозрительнымъ элементамъ, таящимъ контръ-революціонные замыслы и организующимъ заговоры.

Иностранное вѣдомство Соединенныхъ Штатовъ тутъ же опровергло всѣ эти обвиненія и выразило свое сожалѣніе по поводу случившагося.

Американскій посолъ въ Лондонѣ лично принесъ Карахану поздравленія по поводу благополучнаго исхода покушенія.

Рана, нанесенная Карахану, была очень незначительна, и для того, чтобы внести успокоеніе въ населеніе Лондона, онъ вышелъ на балконъ дворца и показался собравшимся передъ зданіемъ толпамъ. На лбу Карахана красовалась бѣлая повязка. Мнѣ навсегда запомнилось это мгновеніе — восторженные возгласы толпы и стройная фигура Карахана, высшаяся на балконѣ въ туго облегавшемъ его станѣ френчъ защитнаго цвѣта.

Лицо его было по обыкновенію сурово: онъ принималъ восторженные оваціи толпы такъ же, какъ и Муссолини, — какъ нѣчто ему подобавшее.

Вскорѣ отношенія между Краснымъ Союзомъ и Соединенными Штатами, испорченныя покушениемъ, стали еще болѣе натянутыми.

Въ ночь на 19 ноября 1932 года пароходъ въ шесть тысячъ тоннъ, „Сандино“, плававший подъ флагомъ республики Никарагуа, направлялся къ Панамскому каналу. Согласно установленному порядку, онъ остановился около острова Фламенко и принялъ на бортъ лодмана и слѣдовавшихъ за лодманомъ таможенныхъ чиновниковъ.

Лодманъ перенялъ руль парохода, а таможенники и члены портового управленія прошли въ капитанскую каюту проверить судовыя бумаги. Обычно эти формальности выполнялись въ то время, когда пароходъ бралъ курсъ къ сигнальной станціи, высившейся у входа въ каналъ.

Что разыгралось на борту парохода, осталось неразрѣшимой загадкой.

Изъ пятидесяти человѣкъ экипажа „Сандино“ и четырнадцати человѣкъ, доставленныхъ на бортъ вмѣстѣ съ лодманомъ, въ живыхъ не осталось ни одного человѣка.

„Сандино“ приближался къ сигнальной станціи съ опромной быстротой.

Приближавшійся пароходъ не далъ установленныхъ морскимъ регламентомъ сигналовъ, и сигнальная станція потребовала свѣтовымъ сигналомъ, чтобы нашедшіеся на борту парохода американскіе чиновники просигнализировали отвѣтъ. Но отвѣта не послѣдовало, — „Сандино“ продолжалъ приближаться къ сигнальной станціи съ возрастающей скоростью. Сигнальная станція потребовала отъ „Сандино“, чтобы онъ остановился, но и это требованіе осталось безрезультатнымъ. Слѣдующій сигналъ станціи гласилъ:

„Немедленно стать на якорь или будетъ открытъ огонь!“

И въ то же мгновеніе была поднята тревога, и пушки форта были наведены на таинственный пароходъ. Не обращая вниманія на сигналы, „Сандино“ продолжалъ идти полнымъ ходомъ.

Раздался грохотъ, и въ судно полетѣла трехдюймовая граната. Ракеты, снабженныя парашютами, повисли въ воздухѣ и освѣтили судно. При свѣтѣ ракетъ удалось разглядѣть, что

на палубѣ „Сандино“ шелъ рукопашный бой, прерываемый трескотней револьверныхъ выстрѣловъ.

Два десятка орудій, наведенныхъ на „Сандино“, дали залпъ. Снаряды, попавшіе въ цѣль, вызвали отчаянный взрывъ.

„Сандино“ превратился въ огромный столбъ огня. Раздался ужасный грохотъ — отъ сотрясенія воздуха потянули все навигаціонныя огни на протяженіи восьми километровъ въ окрестности.

Береговыя укрѣпленія были осыпаны градомъ осколковъ. Командующій каналной зоной тутъ же принялъ соответствующія мѣры. Отряды солдатъ и морской пѣхоты заняли важные пункты у шлюзовъ, артиллеристы привели замаскированныя береговыя орудія въ боевую готовность, аэропланы вылетѣли на воздушную развѣдку, а истребители и подводныя лодки полнымъ ходомъ понеслись въ береговыя воды.

На слѣдующій день информационная служба Соединенныхъ Штатовъ установила, что „Сандино“, плывшій подъ флагомъ Никарагуа, былъ зафрахтованъ ливерпульской фирмой и вышелъ четыре дня тому назадъ изъ порта Салина-Круцъ съ грузомъ конопли.

Когда эти обстоятельства стали извѣстны, исчезли все сомнѣнія относительно намѣреній „Сандино“. Пароходъ, выйдя изъ Салина-Круцъ, выбросилъ свой безвредный грузъ за бортъ, и принялъ вмѣсто него четыре тысячи тринитроулола. Въ задачу „Сандино“ входило взорваться въ каналѣ и тѣмъ самымъ блокировать его.

Эта попытка вызвала въ Америкѣ сильное возмущеніе. Вашингтонъ предполагалъ, что лондонское правительство принесетъ соответствующій такому случаю извиненія, но американцамъ суждено было пережить еще одну неожиданность.

Правительство Карахана взяло подъ сомнѣніе нахожденіе на „Сандино“ взрывчатыхъ веществъ и потребовало тщательнаго разслѣдованія гибели парохода, на борту котораго находились двадцать два гражданина Краснаго Союза.

Поведеніе администраціи канала квалифицировалось въ нѣтъ Карахана какъ „безотвѣтственное“.

Пока министерства иностранныхъ дѣлъ Лондона и Вашингтона обмѣнивались телеграммами, американскій флотъ въ

течение долгого времени стацониrowавший въ Тихомъ Океанѣ, направился черезъ каналъ въ Караибское море.

Весь этотъ маневръ былъ проведенъ тайно, и міръ узналъ о немъ лишь тогда, когда всѣ эскадры американскаго флота собрались въ Атлантическомъ океанѣ у входа въ Панамскій каналъ.

Въ отвѣтъ на послѣдовавшіе со стороны торговыхъ камеръ и штатовъ, расположенныхъ на побережьи Тихаго океана, протесты, правительство заявило, что сосредоточеніе всѣхъ морскихъ силъ въ Атлантическомъ океанѣ вызвано тѣмъ, что транспортный флотъ, состоящій изъ судовъ, ранѣе входившихъ въ составъ англійскаго, французскаго и итальянскаго флотовъ, а также подкрѣпленный половиной японскаго флота, переведеннаго въ европейскія воды черезъ Суэцкій каналъ, настолько превосходить атлантическую эскадру Америки, что пришлось прибѣгнуть къ этому мѣропріятію.

Нѣкоторые изъ газетъ Америки тутъ же подняли кампанію, развѣснѣвавшую недовольнымъ всю необходимость этого мѣропріятія, а потомъ послѣдовало событіе, окончательно убѣдившее американскихъ пацифистовъ въ необходимости умолкнуть.

Мексиканскому посланнику въ Лондонѣ было сообщено, что если Салина-Круцъ немедленно не уплатитъ ливерпульской фирмѣ, зафрахтовавшей потопленный пароходъ, десять милліоновъ долларовъ въ возмѣщеніе понесеннаго ею ущерба, то Панъ-евразійскій союзъ высадитъ въ гавани десантъ и перейметъ на себя управленіе портомъ. Отъ лица ливерпульской фирмы въ качествѣ ея правопреемника выступалъ Красный Союзъ.

Правительство Соединенныхъ Штатовъ, узнавъ объ этомъ актѣ правительства Карахана, посѣдѣло сообщить, что подобныя дѣйствія будутъ истолкованы не только какъ акты, направленные противъ Мексики, но и противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Американская нота заканчивалась указаніемъ на то, что высадка войскъ въ Салина-Круцъ явится нарушеніемъ „Доктрины Монро“.

Вашингтонъ предлагалъ красному правительству взять обратнo свой ультиматумъ и соглашался на то, чтобы вопросъ о

возмѣщеніи убытковъ сталъ предметомъ сужденія третейскаго суда. Со своей стороны Соединенные Штаты готовы были гарантировать уплату мексиканскимъ правительствомъ требуемой суммы, въ случаѣ если такое рѣшеніе будетъ вынесено третейскимъ судомъ.

Неофициальный отвѣтъ Карахана гласитъ слѣдующимъ образомъ:

„Что такое доктрина Монро?“

Несмотря на самый тщательный просмотръ содержимаго дипломатическихъ архивовъ всѣхъ государствъ, въ настоящее время входящихъ въ составъ Союза Соціалистическихъ Республикъ, не удалось найти ни одного документа, изъ котораго явствовало бы, что эти государства приняли на себя обязательство отказываться отъ защиты правъ своихъ гражданъ передъ другимъ государствомъ.

Также правительству Панъ-евразійскаго Союза неизвѣстно о томъ, чтобы когда-либо какая-нибудь изъ республикъ Центральной или Южной Америки признала такъ называемую американскую доктрину Монро.

Союзъ Соціалистическихъ республикъ также отказывается признавать ее.“

Это было равносильно объявленію войны!...

Секретари посольства и атташе сдѣлали опорожнить ящики письменныхъ столовъ, уничтожили излишнюю переписку и спѣшно готовились къ отъѣзду, — вотъ какую картину я засталъ, явившись въ американское посольство на Просвеноръ-Скверъ. Мнѣ удалось мелькомъ поговорить съ морскимъ атташе Доусономъ, объяснившимъ мнѣ, что высадка войскъ Карахана въ Салина-Круцъ преслѣдуетъ ту же цѣль, которой не могли достигнуть „Сандино“, и что краснымъ необходимо во что бы то ни стало разрушить каналъ. Они объяснили мнѣ, что экспедиція въ Салина-Круцъ предпринимается для того, чтобы отвлечь вниманіе части американскаго флота и заставить наше командованіе ослабить наши морскія силы путемъ частичной переброски его въ Тихій Океанъ.

Если дѣйствительно Караханъ питалъ подобныя замыслы, то ему суждено было примириться съ крушеніемъ ихъ: американскій флотъ остался въ Караибскомъ морѣ, гдѣ ему предсто-

ало бороться съ объединеннымъ флотомъ, входившимъ въ составъ флотовъ европейскихъ державъ.

Сидя въ своемъ бюро, я заканчивалъ очередную корреспонденцію, посвященную неминуемости военного столкновения.

Вдругъ въ мою комнату ворвались Спидъ Бинней и Уайтъ Доджъ.

Я не знаю, у кого изъ нихъ раньше вырвался этотъ вопль, — возможно, что они произнесли эти слова одновременно:

— Гдѣ Марго?

Марго Дениссонъ исчезла — съ утра ее никто не видѣлъ.

7

Начавшійся въ началѣ военныхъ дѣйствій мы, трое американцевъ, сидѣли вечеромъ въ Лондонѣ и не могли ни о чемъ думать, кромѣ какъ объ этой молодой англичанкѣ.

Спидъ Бинней и Уайтъ Доджъ были влюблены въ Марго, но подъ влияніемъ угрожавшей ей опасности забыли обо всѣхъ своихъ распряхъ и о соперничествѣ.

Красный революціонный Лондонъ, столица совѣтскаго Панъ-евразійскаго Союза, былъ одновременно и штабъ-квартирой диктатора. Лондонъ болѣе не походилъ на Лондонъ короля Георга V.

Положеніе Марго въ этомъ городѣ было чревато рядомъ опасностей. Старая расовая гордость не позволяла намъ примириться съ тѣмъ, что рушились претрады, отдѣлявшія бѣлыхъ женщинъ отъ мужчинъ желтой расы.

Городъ былъ наводненъ военными всѣхъ расъ, причудливо перемѣшавшимися съ солдатами различныхъ европейскихъ армій, и весь этотъ вооруженный сбродъ наводнялъ улицы, рестораны и трактиры мірового города.

Эти солдаты продѣлали рядъ походовъ, участвовали въ ужасной австралійской войнѣ, успѣли познать сладость хозяйничанья въ другихъ европейскихъ столицахъ и выжидали момента, когда имъ позволено будетъ расправиться и съ этимъ городомъ.

Марго затерялась въ этой ужасной мѣшанинѣ людей. Врядъ ли могъ бы я въ большей степени безпокоиться о ней, если бы она была моею родной сестрой.

Моя привязь къ ней со времени той ночи въ Москвѣ, когда мы ее высвободили изъ ночной свалки въ ресторанѣ, только возросла.

Вотъ уже рядъ мѣсяцевъ, какъ она не покидала меня, приходя мнѣ на помощь въ минуты самой напряженной работы. Ничто — ни тяжелая работа, ни утомительные переѣзды — не могло помѣшать ей исполнять свой долгъ.

Въ Парижѣ и въ Лондонѣ Марго, бывшая свидѣтельницей напряженной работы, происходившей вокругъ Карахана, перепуталась изъ моей личной секретарши въ дѣльного сотрудника. Она была прекрасно освѣдомлена обо всемъ происходившемъ вокругъ насъ, обладала богатымъ запасомъ свѣдѣній по вопросамъ европейской политики и хозяйства. Неисчерпаемый запасъ ея силъ и огромныя познанія были изумительны.

— Это какой-то адъ, — сказалъ Уайтъ, стиснувъ зубы. — У меня чешутся руки при видѣ этихъ желтыхъ образинъ.

Бинней былъ такъ сильно взволнованъ, что не былъ въ состояніи выжать изъ себя хотя бы слово.

Мы навели рядъ справокъ, но намъ удалось лишь выяснить, что Марго позвонила по телефону, и она уѣхала въ закрытой машинѣ.

Лучъ надежды зародился въ насъ слова Бойера.

— Съ нею ничего не случилось, — сказалъ онъ, — вамъ слѣдуетъ выждать.

Въ ночь на 2 января 1934 года мы получили свѣдѣнія о воздушной бомбардировкѣ, которой подвергся городъ Салина Крузъ, и о высадкѣ десанта на мексиканскомъ побережьи.

Населеніе Лондона было оповѣщено объ этомъ экстренными выпусками газетъ, выпущенныхъ на десяткахъ различныхъ языкахъ. Торжество толпъ, вывалившихся на улицы, достигло апогея.

Судя по извощеніямъ газетъ, можно было ежеминутно ожидать перваго вооруженнаго столкновения опядовъ Карахана съ американцами.

Соединенные Штаты довели до свѣдѣнія краснаго Напо-

леона, что попытка проникнуть на территорию Мексики будет истолкована, как нарушение доктрины Монро, и повлечет за собою военный конфликт с Соединенными Штатами.

Въ отвѣтъ на это опубликованное официальное сообщеніе красной штаб-квартиры гласило слѣдующее:

„Высадка сибирскихъ, монгольскихъ и японскихъ силъ въ Салина Крузъ проведена безъ большихъ потерь.

Высадка десанта была произведена подъ защитой японскаго краснаго флота, и ей предшествовалъ обстрѣлъ города. Наши войска продвигаются вдоль желѣзной дороги на сѣверъ въ направленіи на Техуантепекъ.

Мексиканскія войска отступаютъ къ заливу Калече. Наши воздушный флотъ продолжаетъ преслѣдовать непріятеля.“

Въ послѣдствіи намъ пришлось узнать, что въ тотъ моментъ, когда мы въ Лондонѣ читали первыя сообщенія съ фронта, произошло первое столкновение красныхъ, воздушныхъ силъ съ аэропланами Соединенныхъ Штатовъ.

По моей просьбѣ, Караханъ предоставилъ мнѣ возможность познакомиться съ нимъ.

Въ покояхъ Букингемскаго дворца царилъ большое возбужденіе. Изъ пріемной меня провели въ рабочій кабинетъ диктатора, и я очутился наединѣ съ краснымъ Наполеономъ.

Караханъ сидѣлъ за большимъ столомъ. Наклонивъ голову впередъ, онъ изучалъ разстеленную передъ нимъ большую географическую карту. На картѣ виднѣлись разноцвѣтные флажки.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ Караханъ, оторвавшись отъ созерцанія карты, поднялъ голову и взглянулъ на меня. Онъ не удостоилъ меня словомъ пріивѣта.

— Въ чемъ дѣло? — прозвучалъ вопросъ, и голосъ его былъ сухъ и жестокъ.

— Я пришелъ къ вамъ, чтобы сказать, что беру данное вамъ честное слово назадъ, — сказалъ я, — вы находитесь въ состояніи войны съ моей родиной. Проидетъ нѣсколько часовъ, и война станетъ фактомъ. Я гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и въ качествѣ таковаго нахожусь при васъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Я должнымъ образомъ научился цѣнить оказанное мнѣ вниманіе и довѣріе. Вамъ

извѣстно, какого я мнѣнія о патріотизмѣ и долгѣ передъ родиною. Я никогда не скрывалъ этого отъ васъ. Поэтому я прошу разрѣшенія возвратиться къ себѣ на родину съ обоими моими сотрудниками.

Послѣдовало долгое молчаніе. Стальные глаза Карахана покоились на моемъ лицѣ. Несмотря на всѣ старанія разгадать, что таилось въ его душѣ, я почувствовалъ себя безсильнымъ передъ этой задачей.

Наконецъ, Караханъ заговорилъ:

— Миръ (стоитъ) на порогѣ новой эры. Земной шаръ слишкомъ малъ для того, чтобы на немъ могли существовать двѣ различныя и взаимно исключаютія другъ друга политическія системы. Миръ долженъ быть приведенъ къ единству, и онъ долженъ подпасть подъ единую власть. Я не сожалею о томъ, что произошло въ Салина Крузъ. Если бы это не произошло, то же самое случилось бы въ другомъ мѣстѣ. Я горюсъ тѣмъ, что со времени заключенія парижскаго мира я оказался въ состояніи реорганизовать свою армію такимъ образомъ, что могу теперь пойти навстрѣчу къ новымъ побѣдамъ. Наполеонъ завоевалъ всю Европу, но оказался безсильнымъ передъ полоской воды, отдѣляющей Англію отъ материка. Я завоевалъ весь миръ, за исключеніемъ западнаго полушарія. Ламаншъ остановилъ Наполеона, и это стало началомъ его конца. Въ этомъ крылась его ошибка, а я учился на его ошибкахъ...

Никогда мнѣ не приходилось слышать отъ Карахана такого обилія словъ. Но онъ продолжалъ:

— Народы Новаго Свѣта надѣются на то, что Атлантический и Тихій Океаны послужатъ для насъ надежной преградой. Въ этомъ ваше заблужденіе. Океанъ больше не является для меня препятствіемъ. Вамъ извѣстно, какими силами я располагала: за мною стоятъ 900 милліоновъ Азии, 400 милліоновъ Европы, 180 милліоновъ Африки. Въ лагерѣ провинника 130 милліоновъ Сѣверной Америки и, быть можетъ, 40 милліоновъ обитателей Южной Америки. Сопоставьте эти количества: полтора миллиарда людей противъ двухъ сотъ милліоновъ! Въ нашей власти промышленность трехъ континентовъ, неисчерпаемые запасы сырья. Вся европейская промышленность объединена и работаетъ согласованно, превышая наши потребности.

Имѣющійся въ нашемъ распоряженіи торговый флотъ достаточно великъ для того, чтобы перевезти черезъ океанъ любые количества солдатъ и боевого снаряженія. Не пройдетъ и сутокъ, какъ нашъ флотъ будетъ владычествовать на всѣхъ моряхъ. Ни одинъ пароходъ не сможетъ выйти въ плаванье подъ чужимъ флагомъ — на моряхъ будетъ только нашъ флотъ!

Послѣднее обстоятельство я упустилъ изъ виду. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ удалось бы мнѣ переправиться въ Америку?

— Мои арміи властвуютъ на всемъ земномъ шарѣ, — спокойно продолжалъ Караханъ. — Я вхожу въ войну съ увѣренностью, что у меня имѣются неисчерпаемые человѣческіе резервы, и что я могу пополнить любую убыль въ своихъ рядахъ, какъ бы велика она ни была. Какъ вы полагаете, чего ради вздумалъ я вамъ развѣсить въ теченіе цѣлаго года быть свидѣтелемъ моихъ приготовленій къ войнѣ? Вы обладаете острымъ зрѣніемъ, и вы живо пишете о томъ, что видите. Я надѣялся, что ваши земляки, прочтя ваши корреспонденціи, убѣдятся въ томъ, что попытка сопротивляться мнѣ обречена на неудачу. Теперь мнѣ придется прибѣгнуть къ силѣ — сила научитъ ихъ многому.

— Теперь перехожу къ вашей просьбѣ. Вамъ, разумѣется, извѣстно, что я могъ бы безъ особаго труда удерживать васъ при себѣ. Я бы могъ это сдѣлать безъ всякихъ утѣвленій совѣсти. Совѣсть во время войны — излишній балластъ, но я все же предпочту васъ отправить на родину. Ошибки моихъ предшественниковъ идутъ мнѣ на пользу. Самой большой ошибкой, допущенной обѣими сторонами во время мировой войны, было введеніе военной цензуры и желаніе скрывать всѣ свѣденія военнаго свойства. Цензура не имѣетъ себѣ оправданія, она была учреждена идиотами изъ штабовъ, пытавшимися при ея помощи скрыть отъ населенія свои ошибки и преступленія.

— Въ Европѣ по моему приказанію были произведены рядъ казней — вы были ихъ свидѣтелемъ въ Варшавѣ и въ Бухарестѣ. Вы видѣли, какъ представители буржуазіи поплакали живыми въ Вѣнѣ и въ Бѣлградѣ; вы видѣли, какъ въ Италіи пали тысячи фашистовъ; вы были свидѣтелемъ массовыхъ расстрѣловъ въ Англіи, Франціи и Испаніи. И я

позволилъ вамъ писать обо всемъ этомъ, не стѣсняя вашего литературнаго дара. Почему я позволялъ писать вамъ обо всемъ этомъ съ такими подробностями? Да потому, что это — война. Я веду войну. Мнѣ нечего скрывать, я ни о чемъ не сожалѣю. Мнѣ нечего стыдиться. Нынѣшній міръ — свидѣтель объединенія трехъ материковъ и установленія вѣчнаго мира среди полутора миллиардовъ людей. Отнынѣ хозяйственные и политическіе интересы трехъ четвертей человѣчества объединены подъ однимъ знаменемъ. И все это достигнуто въ теченіе одного года. И этотъ результатъ стоитъ пролитой крови!

Караханъ зашагалъ по кабинету и остановился передъ большой географической картой.

Онъ провелъ пальцемъ по Соединеннымъ Штатамъ и продолжалъ:

— Ваша страна и ваше правительство ничему не научились за послѣдній годъ. Неслыханное благосостояніе, выпавшее на долю вашей страны послѣ 1918 года, ослѣпило васъ. Съ каждымъ годомъ популярность Америки въ Европѣ падала, и въ этомъ повинна была ваша политика въ вопросѣ военныхъ долговъ.

— Дѣятельность вашихъ политиковъ вызывала во всемъ мірѣ возмущеніе. Вашъ президентъ Вильсонъ въ Версалѣ кичился тѣмъ, что ничего не хотѣлъ отъ міра, и безпрестанно жаловался на то, что остальные предъявляютъ какія-то требованія. Эта политика соответствовала интересамъ Америки, которая могла ничего не требовать, потому что у нея всего было въ избыткѣ, но этотъ рецептъ былъ очень неудачнымъ примѣнителемъ къ перенаселеннымъ, обнищавшимъ въ войнѣ, лишеннымъ необходимаго, европейскимъ государствамъ. Европа ничего не имѣла и нуждалась во всемъ. Я говорю съ вами совершенно откровенно, потому что я хочу, чтобы вы рассказали объ этомъ вашимъ землякамъ. Пора имъ узнать, что о нихъ думаютъ въ Европѣ. Вы хотите возвратиться въ Америку, и я не препятствую вамъ осуществить ваше намѣреніе. Вы сдержали данное вами въ Москвѣ слово. Иногда мнѣ приходилось задерживать корреспонденціи, предназначенныя вами для отсылки въ Америку. Нѣкоторые изъ вашихъ выводовъ были слишкомъ поспѣшны и могли бы повредить моимъ за-

мыслямъ. Но сейчасъ, когда вы уѣзжаете, я хотѣлъ бы, чтобы вы уѣхали съ сознаниемъ, что я ничѣмъ не препятствовалъ вашей корреспондентской дѣятельности. Все, что вамъ стало извѣстнымъ, все, что вы увидѣли, вы можете спокойно сообщить вашей прессѣ и правительству. Расскажите имъ обо всѣхъ устарѣвшихъ военныхъ тайнахъ, въ которыя вамъ удалось проникнуть. Я разрѣшаю вамъ дѣлать любыя разоблаченія.

Я радостно поблагодарилъ Карахана, — онъ взялъ со стола листокъ бумаги и прочелъ его.

— Вашъ пилотъ Бинней поѣдетъ съ вами, но что касается вашей секретарши, то ей придется остаться. Она не является американкой, — она гражданка нашего союза. Вы будете доставлены въ сохранности до линіи расположенія американскихъ войскъ, и если счастье будетъ благоприятствовать вамъ, то мы съ вами увидимся снова. Я буду радъ снова встрѣтиться съ вами. Ступайте, объ остальномъ позаботится Бойеръ.

Итакъ, ему было извѣстно, куда дѣвалась Марго. Съ этой мыслью я отправился къ себѣ въ бюро и засталъ тамъ нервничавшаго Спиды и по обыкновенію улыбающагося Бойера.

— Гдѣ Марго? — спросилъ я. — Вѣдь вамъ это извѣстно.

— Теперь я вправѣ удовлетворить ваше любопытство, — сказалъ Бойеръ.

— Скорѣй! — вырвалось у Спиды. — Гдѣ она?

— Она жива, невредима и счастлива, какъ только можетъ быть счастлива дѣвушка, лишившаяся общества двухъ влюбленныхъ въ нее соперниковъ. Вѣдь Уайтъ также долженъ былъ придти сюда. Куда онъ дѣвался?

— Къ чорту Уайта, — заревѣлъ Спидъ. — Гдѣ Марго?

— Она останется здѣсь, — отвѣтилъ Бойеръ. — И это рѣшено и вытекаетъ изъ семейной обстановки Карахана. Къ сожалѣнію, его супруга все еще полна западно-европейскаго представленія, что жена всегда должна сопровождать своего мужа. Марго подружилась съ нею, когда она прибыла противъ воли Карахана въ Вѣну. И Караханъ очень доволенъ тѣмъ, что его жена нашла себѣ подругу и теперь не отягчаетъ его своимъ присутствіемъ. Онъ настолько увѣренъ въ томъ, что присутствіе Марго благотворно дѣйствуетъ на Линъ, что рѣ-

шилъ ихъ не разлучать. Безпокойтесь за судьбу Марго вамъ не приходится, — я готовъ поручиться за ея безопасность!

— Ей придется остаться въ Англіи до окончанія войны? — освѣдомился Спидъ.

— Если только Караханъ не разрѣшитъ ей послѣдовать за Линъ въ Америку.

Въ тотъ же вечеръ, когда я укладывалъ свои вещи, я обнаружилъ у себя въ сессерѣ слѣдующую записку:

„Красные собираются заключить всѣхъ американцевъ въ концентраціонный лагерь. Вамъ и Спиду не придется опасаться этой участи, но я принужденъ попытаться улизнуть отъ нихъ. Я не знаю, какимъ способомъ мнѣ удастся пробраться въ Америку, но если я останусь въ живыхъ, то проберусь туда и приму участіе въ оборонѣ страны.

Мнѣ кажется, я знаю, гдѣ находится Марго, и попытаюсь повидать ее. Прощайте, желаю Вамъ счастья

Уайтъ.“

Поздно ночью я и Спидъ, нанутствуемые Бойеромъ, вылетѣли на аэропланѣ въ Йокотаму.

Бойеръ пояснилъ намъ, что насъ попытаются доставить въ Америку черезъ Тихій океанъ. Большую часть пути мы провели, не отрываясь отъ радіо-аппарата и внимая сообщеніямъ изъ Лондона.

Намъ удалось услышать голосъ краснаго Наполеона, лично огласившаго на корректномъ англійскомъ языкѣ объявленіе войны и воззваніе къ „пролетаріямъ Америки“. Потомъ мы услышали множество рѣчей, произнесенныхъ на различныхъ языкахъ. Всѣмъ американскимъ гражданамъ, не утратившимъ связи со своей былой европейской родиной, обѣщалась автономія.

Такъ, въ обращеніи къ нѣмецкимъ обитателямъ Висконсинъ обѣщалось созданіе въ Америкѣ автономной нѣмецкой социалистической республики. Скандинавамъ, поселившимся въ Миннесотѣ и въ Дакотѣ, сулилась независимая скандинавская республика.

Примерно такія же общанія адресовались итальянцамъ и ирландцамъ, проживавшимъ въ Нью-Йоркѣ выходцамъ изъ Польши, испанцамъ, поселившимся въ юго-западныхъ штатахъ.

Негръ Моисей Карлингъ, выходецъ изъ Америки, открывшій въ Москвѣ кафѣ, обратился передъ микрофономъ къ негритянскому населенію Соединенныхъ Штатовъ и общалъ имъ, въ случаѣ, если они подымутъ возстаніе противъ бѣлыхъ работниковъ, образованіе самостоятельной негритянской республики на территоріи штатовъ Луизіана и Миссисипи.

— Въ Америкѣ имѣется больше радіопріемниковъ, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ, — пояснилъ намъ Бойеръ, — у насъ всѣ радіо-аппараты подлежатъ регистраціи, и мы имѣемъ возможность контролировать всѣхъ радіо-любителей, и поэтому я не представляю себѣ, какъ вы помѣшаете приему нашего агитационнаго матеріала.

Но впоследствии мнѣ пришлось узнать, что американское правительство при желаніи могло принять свои мѣры и путемъ посылки радіо-волнъ воспрепятствовать приему сообщений изъ Лондона. Но правительство пренебрегло этой возможностью и не помѣшало свободной дѣятельности радіо-станцій.

Лояльные американцы самаго различнаго происхожденія въ отвѣтъ на призывы Карахана послали по радіо негодующіе протесты, но все же агитаціи Карахана удалось достигъ кое-какихъ результатовъ.

Прибывъ въ Иокотаму, мы увидѣли, что гавань заполнена пароходами. То былъ флотъ, готовившійся къ перевозкѣ войскъ на мексиканское побережье. Во всѣхъ японскихъ гаваняхъ происходило примерно то же самое.

Меня и Спиду помѣстили на пароходѣ „Гаррисъ“, ранѣе принадлежавшемъ „Америка-Долларъ-Лайнъ“. Это былъ одинъ изъ пароходовъ, въ большомъ количествѣ секвестрированныхъ Караханомъ послѣ объявленія войны. Отсутствіе нейтральныхъ гаваней, въ которыхъ могъ укрыться американскій флотъ, и неожиданность объявленія войны повели къ тому, что большая часть флота попала въ руки красныхъ.

На пароходѣ, помимо насъ, находились три тысячи японскихъ солдатъ и большое количество какъ японскихъ, такъ и

русскихъ штабныхъ офицеровъ, направлявшихся въ Мексику для образованія штаба генерала Камку, назначеннаго командующимъ мексиканскимъ фронтомъ.

Офицеры оживленно бесѣдовали съ нами на французскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ большинствѣ они были молоды, легкомысленны и самонадѣянны. Охотнѣе всего болтали они о винѣ и о дѣвушкахъ, о лунномъ свѣтѣ и треньканіи гитары подъ пальмами.

Спидъ и я угрюмо молчали, но Бойеръ пытался подшучивать и надъ ними, и надъ нами.

Очутившись на палубѣ съ глазу на глазъ, Бойеръ сказалъ мнѣ:

— Наши войска медленно продвигаются на сѣверъ отъ Салина Круца. Камку — неистовствующій дьяволъ. Онъ отличился при занятіи Филиппинъ, во время руководства десантной операціей, и онъ превосходный военачальникъ. Онъ офицеръ старой императорской арміи, титулованный перебѣжчикъ; самурай, перешедшій на сторону красныхъ. Нѣчто вродѣ старика Чичерина въ Москвѣ.

— Скажите, развѣ нашъ флотъ не препятствовалъ высадкѣ вашихъ войскъ въ Салина Круцъ? — спросилъ я.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Помимо всего эта десантная операція была проведена съ цѣлью отвлечь часть вашего флота въ Тихій Океанъ. Операція Камку совершалась подъ прикрытіемъ половины японскаго флота, который вступилъ бы въ бой съ вашей эскадрой, если бы она вздумала помѣшать операціямъ нашихъ войскъ. Но то обстоятельство, что ваше правительство, несмотря на вопли, поднятые политиканами съ Тихоокеанскаго побережья, все же не выслало части флота въ Тихій Океанъ, лишь говорить о существованіи среди васъ здравомыслящихъ людей.

— Каковы планы Карахана? Сколько людей имѣется въ его распоряженіи? Что собирается онъ предпринять?

— Въ настоящее время на мексиканскомъ фронтѣ находится армія въ сто тысячъ человекъ. Ежедневно ея численность возрастаетъ на десять тысячъ человекъ. Но далеко не все это количество прибыло изъ Японіи. Часть изъ нихъ прибыла изъ Австраліи, Новой Зеландіи, Филиппинъ и прежнихъ

французских и английских владѣній въ Океанѣ. За послѣдній мѣсяцъ армія эта удвоилась — не думайте, что экспедиція предпринята безъ подготовки. Къ ней готовились очень давно. Камку подвигается вдоль желѣзной дороги отъ Салина-Круца черезъ Техуантепекъ къ порту Мексико. Его цѣль — пробиться къ Мексиканскому заливу. И мнѣ кажется, онъ добьется своего. Вспомните о томъ, что весь перешеекъ имѣетъ всего лишь двѣсти двадцать километровъ въ ширину.

Мы спустились въ курительную и остановились передъ картой мексиканскаго фронта.

— Наши войска заняли узловую пунктъ Санъ-Иеронимо, — продолжалъ пояснять Бойеръ. — Природныя условія въ этой странѣ таковы, что всѣ бои могутъ развиваться лишь вдоль желѣзной дороги. Я не знаю, какъ сильны стоящіе противъ насъ американскія и мексиканскія войска, но мнѣ кажется, что имъ приходится очень тяжело, потому что у нихъ въ тылу имѣется всего лишь одна желѣзная дорога. Опорными пунктами ихъ обороны являются портъ Мексико и Вера-Круцъ.

Однимъ изъ немногихъ штатскихъ пассажировъ на борту „Гаррисъ“ былъ нѣкто Штейнъ, уполномоченный московскаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. Онъ направлялся въ Мексику съ дипломатической цѣлью, и Бойеръ познакомилъ меня съ нимъ.

— Вамъ должно быть извѣстно, что Москва представлена въ Мексикѣ госпожей Коллонтай, старой революционеркой и сподвижницей Ленина и Троцкаго. Ваша полиція давно интересуется ея дѣятельностью въ Мексикѣ. Въ настоящее время она находится въ Салина Круцъ, и это отъ нея мы получаемъ свѣдѣнія о томъ, что произошло тамъ послѣ полученія нашего ультиматума.

— А что тамъ произошло? — освѣдомился я.

— Обычный въ Мексикѣ кризисъ. Американскій посланникъ Кетчемъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ президентомъ Майторена. Затѣмъ послѣдовали переговоры съ Вашингтономъ по прямому проводу. Моронесси, вождь оппозиціи, бросилъ президенту упрекъ въ томъ, что онъ обращается за помощью къ Соединеннымъ Штатамъ, тогда какъ Мексика могла бы справиться съ затрудненіями и безъ посторонней помощи.

Въ городѣ произошли демонстраціи, во время которыхъ были выброшены лозунги: „Лучше союзъ съ Караханомъ, чѣмъ рабство у Соединенныхъ Штатовъ!“ — Въ то время, какъ проходили демонстраціи, президентъ продолжалъ торговаться съ Соединенными Штатами.

— Какъ долго длились эти переговоры? Вѣдь каждый часъ дорогъ.

— Эти переговоры были лишь фикціей. Прежде чѣмъ они завершились, Вашингтонъ уже приступилъ къ дѣйствіямъ. Соединенные Штаты перебросили свои войска къ мексиканской границѣ. Въ Тампа, Мобилъ и Новомъ Орлеанѣ, не дожидаясь исхода переговоровъ, войска были погружены на транспорты и направлены въ Мексику, пока въ Вера-Круцъ народъ продолжалъ бродить по улицамъ и вопить о своей независимости.

— Когда американцы приступили къ дѣйствіямъ? — спросилъ Спидъ.

— Примѣрно, спустя часъ послѣ начала переговоровъ надъ территоріей Мексики показалась эскадра американскихъ аэроплановъ. Американскіе авіаторы отсалютовали мексиканскому флагу, и мексиканскія орудія отвѣтили тѣмъ же. За аэропланами послѣдовали сухопутныя войска, и въ настоящее время на желѣзной дорогѣ на Салина-Круцъ сосредоточены не только мексиканскіе отряды, но и войска Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Какова ихъ численность, мнѣ неизвѣстно.

На сѣверѣ дѣятельность Коллонтай сопровождалась большими успѣхомъ, чѣмъ на югѣ. Въ Сонорѣ взбунтовались остатки индѣйскихъ племенъ, попытавшихся оказать сопротивление наступающимъ изъ Аризоны американскимъ отрядамъ.

У Пермозилло сопротивление индѣйцевъ оказалось столь ожесточеннымъ, что американцамъ пришлось тамъ задержаться цѣлыхъ два дня. Американская артиллерія причинила городу много вреда, и бомбардировка стоила жизни ряду мирныхъ жителей.

На югѣ отъ Ирапуато повстанцамъ удалось взорвать одинъ изъ американскихъ эшелоновъ. При этомъ погибло множество солдатъ.

Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что мексиканскій гене-

ральный штаб оказался настолько предусмотрительнымъ, что сосредоточилъ главные силы арміи въ портахъ Манзанильо, Мацатлане и Тополобамбо на западномъ побережьи страны, и что побережье Калифорніи было защищено блиндированными поѣздами.

Бинней безпрестанно жаловался на то, что нашъ пароходъ продвигается впередъ слишкомъ медленно, да и я стоналъ отъ нетерпѣнія, желая поскорѣе попасть на фронтъ.

Бойеръ воздавалъ должное нашимъ патриотическимъ чувствамъ, что однако не мѣшало ему съ радостью сообщать о каждомъ новомъ неблагоприятномъ для насъ событіи.

На десятый день плаванія онъ сообщилъ намъ:

— На Гавайи происходятъ отчаянные бои. Японское население острова возстало и захватило одинъ изъ фортвъ. Въ настоящее время въ ихъ руки перешла и водонапорная станція, снабжающая городъ питьевою водой. На улицахъ Гонолулу происходятъ жестокие бои, и я вынужденъ, къ сожалѣнію своему, сообщить вамъ, что нѣкоторые изъ американскихъ плантаторовъ были убиты вмѣстѣ со своими женами и дѣтьми. Мы перехватили радиogramмы американцевъ и получили также кое-какія свѣдѣнія отъ повстанцевъ. Повидимому, повсюду повторяется то же самое, что ранѣе произошло въ Австраліи.

— Ерунда! — заявилъ Спидъ. — Вы, повидимому, забываете, что теперь вамъ приходится имѣть дѣло съ американцами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я объ этомъ не забылъ. Да вѣдь я и не могъ бы забыть этого — вѣдь кромѣ американцевъ больше никого не осталось, кто могъ бы противиться намъ. Но вы забываете, что вашъ флотъ отступилъ къ берегамъ Америки и что поэтому гарнизонамъ на островахъ остается лишь одно — биться до послѣдняго человѣка. Они не могутъ разсчитывать на подкрѣпленія — Океанъ въ нашей власти. Какая судьба постигнетъ повстанцевъ на Гавай, въ концѣ концовъ безразлично. Не думаю, чтобы Караханъ вздумалъ послать на острова экспедицію. Они не имѣютъ для насъ такого значенія, а что касается васъ, то для васъ они совершенно бесполезны, потому что вашъ флотъ лишенъ возможности дѣйствовать. Развѣ, если бы вы вздумали соорудить тамъ базу для своихъ подвод-

ныхъ лодокъ, но мнѣ кажется, вы предпочтете сконцентрировать свои подводныя силы въ Атлантическомъ Океанѣ.

— А все-таки нашъ пароходъ по ночамъ идетъ безъ сигнальных огней и огибааетъ какъ можно дальше Гонолулу, — насмѣшливо замѣтилъ Спидъ.

Нѣсколько разъ во время плаванія мы встрѣчали японскихъ истребителей, а какъ-то видѣли на горизонтѣ и судно „Ниши Мару“, превращенное, какъ сообщили мнѣ, въ крейсеръ и снабженное четырьмя пятнадцатисантиметровыми орудіями.

— На прошлой недѣлѣ ему удалось настичъ четыре американскихъ парохода. Два изъ нихъ были потоплены, потому что капитаны не подчинились нашему приказу остановиться. Теперь „Ниши Мару“ доставляетъ спасенныхъ пассажировъ и экипажъ въ Юкогаму.

На двадцать первый день плаванія мы прибыли въ портъ Салина-Круцъ.

Надъ берегомъ мы увидѣли два дирижабля, блестящихъ на солнцѣ серебряной обшивкой. Намъ прочищали путь тралеры, а по сторонамъ отъ насъ непрерывно сновали истребители, несшіе охрану на случай нападенія подводныхъ лодокъ. Портъ былъ забитъ пароходами, выгружавшими отряды солдатъ.

Здѣсь же я увидѣлъ стоявшіе на рейдѣ японскіе дредноуты.

Бойеръ обратилъ мое вниманіе на „Изе“ и „Фузо“, построенные въ 1915 и 1917 году. Эти дредноуты имѣли тридцать тысячъ тоннъ водоизмѣщенія, развивали скорость въ двадцать три узла и были вооружены тридцатисантиметровыми орудіями.

Нѣсколько далѣе мы увидѣли крейсеръ „Конго“, развивавшій скорость въ двадцать восемь узловъ, но вооруженный менѣе сильной артиллеріей.

Увидѣли мы и двѣ плавучія базы — „Акаги“ и „Каза“, на которыхъ находилось сто гидроплановъ и которые были вооружены артиллеріей.

При входѣ въ портъ наше вниманіе привлекъ одинъ изъ моловъ, частично разрушенный бомбардировкой.

— Видно, одна изъ американскихъ птицъ сбросила вамъ

сверху подарок, — гордо замѣтили Спидъ, указывая на поврежденія.

— Это было какъ нельзя болѣе выгодно для насъ, — отвѣтилъ Бойеръ. — Насъ избавили отъ труда взорвать этотъ моль. Намъ все равно пришлось бы это сдѣлать, потому что входъ въ гавань былъ слишкомъ узокъ для нѣкоторыхъ нашихъ dread-noughtовъ. Ваши аэропланы продолжаютъ попытки обстрѣливать гавань, но наши аэропланы отражаютъ ихъ атаки.

Во внутренней гавани стояло множество судовъ, и подъемные краны разгружали ихъ, переноса на набережную автомобили, повозки, военное снаряженіе и танки.

Издали доносился грохотъ орудій.

По сходнямъ, переброшеннымъ съ пароходовъ на набережную, сбѣгали колонны солдатъ. Всѣ они были въ полномъ походномъ снаряженіи и несли на себѣ вещевыя мѣшки, противогазовыя маски, походныя фляги и оружіе.

Японцы-носильщики услужливо помогли намъ высадиться на берегъ и, вѣжливо улыбаясь, приняли чаевы.

Обнаженные до пояса мексиканскіе грузчики взвалили наши чемоданы на спины, и, сопровождаемые молодымъ и элегантнымъ лейтенантомъ, мы направились по главной улицѣ Салина-Круцъ въ отель „Гуаста“, въ которомъ помѣщался штабъ генерала Камку.

Японскій генералъ былъ сравнительно молодъ, обладалъ круглымъ лицомъ и не менѣе округленнымъ брюшкомъ. Завидѣвъ насъ, онъ улыбнулся, обнаживъ рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ, и сказалъ на безукоризненномъ французскомъ языкѣ:

— Мы получили изъ Лондона приказъ доставить васъ въ американское расположеніе. Днемъ это неосуществимо, потому что я не желаю бы, чтобы вы могли наблюдать наши позиціи, но завтра ночью вамъ будетъ предоставлена возможность спуститься на парашотѣ въ портъ Мексико.

Я вопросительно взглянулъ на Виннея.

Можно ли было считать ночной прыжокъ съ парашютомъ обыденнымъ явленіемъ, или подобное упражненіе было сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ?

Винней пожалъ плечами.

— Вы томъ, что мистеръ Гиббонсъ или мистеръ Бинней увидѣли бы наши позиціи, нѣтъ ничего страшнаго, — мягко замѣтилъ Бойеръ, — они...

— Я долженъ заботиться о безопасности моихъ войскъ, — воскликнулъ раздраженно генералъ, вскакивая съ мѣста. — Мы должны скрывать наше расположеніе. Я не потерплю, чтобы шпионы...

— Не угодно ли вамъ ознакомиться съ этой инструкціей? — перебилъ его Бойеръ, протягивая ему сложенный вчетверо листъ бумаги.

Пробѣжавъ инструкцію и взглянувъ на красовавшуюся подъ ней подпись, генералъ обратился къ одному изъ своихъ адъютантовъ:

— Предоставьте въ распоряженіе полковника Бойера аэропланы и дайте ему возможность лично позаботиться обо всемъ по своему усмотрѣнію.

И, обмѣнявшись съ Камку поклонами, мы постѣшили удалиться. Очутившись въ коридорѣ, Бинней усмѣхнулся и шепнулъ Бойеру:

— Я не знаю, что именно сказано въ вашей инструкціи, но на Камку она подѣйствовала, какъ строгій окрикъ хозяина.

— Эта инструкція подписана Караханомъ. А теперь я позабочусь о томъ, чтобы вы смогли перебраться на американскую сторону.

Носильщики доставили наши багажъ въ отель „Гамбри-нустъ“, а мы вмѣстѣ съ Бойеромъ направились въ отель „Терминаль“, превращенный нынѣ въ госпиталь.

— Вы найдете здѣсь нѣсколько раненыхъ американскихъ офицеровъ, — сказалъ онъ. — Не вижу причинъ, почему бы вамъ не поговорить съ ними.

Ординарецъ провелъ насъ въ одну изъ палатъ, у входа въ которую стояли часовые.

Мы вошли въ палату и увидѣли на одной изъ коекъ раненаго американца, курившаго папиросу.

Завидѣвъ насъ, онъ выругался:

— Чортъ меня подери...

— Да и меня тоже, — подхватилъ я, бросаясь къ нему и пожимая его руку.

То был майор Хиккей Коллинс из пятой бригады морской пехоты.

Коллинс имел репутацию самого отъявленного ругателя во всей морской пехоте и был произведен в офицеры в июле 1918 года, после боев на Марне. Нам не раз приходилось встречаться на фронте и не раз мы вместе кутили в тылу. В последний раз я встретился с ним в 1924 году в Пекине, где его батальон нес охрану в американском посольстве. Я вкратце рассказал ему о том, как попал в Салина-Круц, а он посвятил меня в события, разыгравшиеся в последнее время на фронте. Он был ранен и захвачен в плен.

— Наша бригада прибыла в порт Мексико и мой батальон был направлен в глубь страны. В Санта-Луcreция, в узловом пункте, через который проходит дорога на Вера-Круц, мы оставили одну роту, а сам я с двумя остальными ротами продвинулся дальше, — в горы.

А там нам пришлось наглядеться на многое: джунгли, ползучие лианы, змеи, попугаи, скорпионы, распаренные солнцем заросли, настолько горячие, что от них идет парь...

Мы продвигались вдоль дороги и попытались окопаться. Тут же после нашего прибытия в Чивела неприятельские летчики разрушили в тылу у нас железную дорогу и отрезали нам путь к отступлению.

На третий день боев меня ранило осколком бомбы, сброшенной с аэроплана, и я потерял сознание. Пришел в себя я лишь тогда, когда очутился в руках неприятеля.

Затем они доставили меня сюда, и теперь я сижу в плену у япошек, закармливающих меня рисом.

Винней и я поспешили подлизаться к ним нашим запахом денег и общались уведомить его жену о его местонахождении.

Потом мы горячо пожали ему на прощанье руку.

После ленча Бойер предложил нам последовать за ним и доставил нас на авиобазу „Акапи“.

Винней, Бойер и я поднялись на большом гидроплане и в течение десяти минут кружились над Салина-Круцем,—

к нам присоединился эскадрон из пятидесяти боевых гидропланов.

Взяв курсы на север, мы полетели по направлению к зеленым зарослям.

Дважды мы увидели на горизонте отряды американских летчиков, а однажды американские пилоты приблизились к нам настолько, что завязался воздушный бой, во время которого были сбиты два американских машины и один японский гидроплан.

Часом спустя мы летели над заливом Кампече. Порт Мексико приветствовал наше появление ожесточенным огнем зенитных орудий. Я в последний раз осмотрел свой парашют, прикрыв кольцо его к поясу и приготовился к прыжку.

Винней готов был последовать моему примеру.

— Не забудьте передать Марго, что я приду за нею, — крикнул он на прощанье Бойеру.

Неожиданно я почувствовал сильное давление воздуха — наш аэроплан быстро снижался. С высоты трех тысяч метров мы снизились до пятисот метров, и тогда летчик выпрямил гидроплан, и мы заскользили над поверхностью залива.

Бойер открыл дверцу кабинки, улыбнулся мне и положил руку на мое плечо.

— Будьте здоровы, Гиббонс, — нам пора разстаться, — сказал он.

— Спасибо, Бойер. До свиданья, — ответил я.

Мои пальцы впились в кольцо парашюта, и я ринулся в воздушное пространство.

В пятистах метрах под нами блестяла синяя вода. Взглянув вниз, я в ужасе зажмурил глаза. То был мой первый прыжок с парашютом, и я думал, что этот прыжок будет и последним моим прыжком.

Летя вниз, я принудил себя медленно считать до четы-

рехъ и затѣмъ потянулъ за кольцо парашюта. Казалось, прошла вѣчность, прежде чѣмъ расправились складки шелка — отъ состоянія механизма зависѣла моя жизнь. Потомъ я ощутилъ рѣзкій рывокъ, — меня закружило въ воздухѣ, словно кубарь, подхваченный концомъ кнута, — парашютъ расправился, и я повисъ въ воздухѣ.

Легкій морской вѣтеръ несъ меня къ берегу — по направленію къ бѣлой полосѣ порта Мексико. Я видѣлъ, какъ нѣсколько моторныхъ лодокъ понеслись по направленію моего полета, ожидая моего спуска на воду. Одна изъ этихъ лодокъ, — въ то мгновеніе, когда я коснулся поверхности воды, находилась въ пятнадцати метрахъ отъ меня и послѣдила ко мнѣ на помощь.

Меня извлекли изъ воды, и я очутился лицомъ къ лицу съ американскимъ морякомъ, приставившимъ къ моей груди револьверъ и командовавшимъ: „Руки вверхъ!“

Лодка взяла вѣшью и подобрала Бинней, очутившагося на разстояніи сотни метровъ отъ мѣста моего спуска.

Мы попытались разяснить морякамъ, кто мы такіе, но всѣ наши попытки были тщетны. Матросъ что-то слышалъ о томъ, что непріятель спускался при помощи парашютовъ шпіоновъ и не желалъ принять на себя отвѣтственность.

Черезъ четверть часа я предсталъ передъ моимъ другомъ генераломъ Феланомъ Логаномъ, комендантомъ города. Онъ узналъ меня и тутъ же протелеграфировалъ въ Вера-Круцъ и въ Вашингтонъ о моемъ благополучномъ прибытіи.

Не успѣвъ даже переодѣться, Бинней и я, захвативъ съ собою и оба чемодана, сброшенные съ парашютами намъ вслѣдъ предусмотрительнымъ Бойеромъ, полетѣли на гидропланъ въ Вера-Круцъ. Вечеромъ я узнавалъ въ обществѣ генералъ-майора Макъ-Артура, начальника американскаго экспедиціоннаго корпуса, и генерала Мендоза, командира мексиканскихъ объединенныхъ частей.

Передо мною на подносѣ лежали двѣ телеграммы.

Первая изъ нихъ гласила:

„Поздравляемъ счастливымъ возвращеніемъ точка Президенты Смитъ желаетъ побесѣдовать съ вами до завтрашняго засѣданія кабинета.“

Хэндъ.“

Это сообщеніе польстило моему самолюбію, и я съ удовольствіемъ протянулъ телеграмму генералу Макъ-Артуру. Мнѣ казалось, что я начинаю играть значительную роль. Пока генералъ читалъ телеграмму, я ознакомился съ содержаніемъ второй депеши. Она гласила:

„Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ не получали отъ Васъ оправдательныхъ документовъ Точка Бухгалтерія запрашиваетъ счета гостиницъ и телеграфныя квитанціи Точка Приложите документы, подтверждающіе размѣнный курсъ доллара.“

Чикаго-Трибюнъ.“

Въ эту ночь Бинней и я заснули крѣпкимъ сномъ. Военный гидропланъ несъ насъ надъ Мексиканскимъ заливомъ. Мы летѣли на сѣверо-востокъ, черезъ Нью-Орлеанъ въ Вашингтонъ.

Мы не успѣли ни побриться, ни переодѣться въ сухое платье — насъ тутъ же повезли въ Бѣлый Домъ — еще нѣсколько мгновеній, и Чарльзъ Хэндъ, секретарь президента, жалъ мнѣ руку и велъ меня въ залъ засѣданій.

Президенты Смитъ привѣтливо поздоровался со мною — за время, въ теченіе котораго я его не видѣлъ, онъ нѣсколько пополнѣлъ и посѣдѣлъ. Изъ остальныхъ членовъ кабинета мнѣ лично извѣстны были статсъ-секретарь Кондеръ Рейнольдсъ, генералъ-прокуроръ Франкъ Комерфордъ и вѣдавшая сельско-хозяйственнымъ департаментомъ, Руфъ Ганна Макъ-Кормикъ.

— Флоръ, расскажите намъ все, что вами извѣстно о Караханѣ, — сказалъ президентъ Смитъ. — Въ чемъ секретъ его успѣха, на чемъ базируется его сила? Каковы его цѣли? Къ чему онъ стремится?

Воцарилось молчаніе. Я собирался съ мыслями, готовясь отвѣтить на всѣ эти вопросы.

Разсказаль о томъ, какъ „Чикато-Трибюнъ“ послала меня въ 1932 году въ Москву. Разсказаль я и о томъ, какъ спеціально занялся личностью Краснаго Наполеона, о его дѣтствѣ и службѣ въ царской арміи.

Разсказаль я также и о его судьбѣ послѣ революціи, о значеніи, которое онъ приобрѣлъ у Сталина, о томъ, какъ онъ захватилъ власть. Сообщилъ я также о его подготовленіяхъ къ войнѣ, о сраженіяхъ въ Центральной Европѣ, завоеваніи Италіи, уничтоженіи французской, англійской и бельгійской армій во время третьей битвы на Марнѣ.

Затѣмъ я сталъ говорить объ англійской революціи, оккупации островнаго королевства, немилосердномъ избиеніи шести милліоновъ бѣлыхъ въ Австраліи и о научной организаціи всѣхъ силы на цвѣтнхъ континентахъ. И, наконецъ, я заговорилъ о конечной цѣли его дѣяній, о борьбѣ съ послѣдней силой міра и установленіи міровой совѣтской федераціи подъ его личной властью.

Мой докладъ длился долго, — не разъ меня прерывали вопросами, — когда я, наконецъ, умолкъ, вопросы посыпались на меня со всѣхъ сторонъ.

Статсъ-секретарь Рейнольдсъ освѣдомился о внутривполитической структурѣ Совѣтскаго Союза и о моемъ мнѣніи о его прочности.

Государственный казначей Джонъ Рескобъ задалъ вопросы о денежной системѣ Совѣтсовъ.

Адмиралъ Девидсонъ пожелалъ услышать мое сужденіе о красномъ флотѣ и о подготовкѣ его личнаго состава.

Возглавлявшаго департаментъ торговли и промышленности Вилльяма Эбергарда интересовали производительныя силы страны и грузоподъемная мощъ желѣзныхъ дорогъ.

Военный министръ Миронъ Дж. Уоллесъ задалъ мнѣ рядъ вопросовъ, касавшихся боеспособности арміи Карахана.

Посѣвная площадь, состояніе скотоводства, запасы продовольствія — вотъ что интересовало миссисъ Руфъ Макъ-Кормикъ.

Директоръ почты и телеграфа Эмери Ольдсъ пожелалъ, чтобы я ему обрисовалъ состояніе почтово-телеграфной сѣти въ Европѣ; Джемсъ Райнъ потребовалъ отъ меня статистическихъ

данныхъ по вопросамъ рабочей силы, ея оплаты и жилищныхъ условий.

Допросъ этотъ длился болѣе четырехъ часовъ, и воздухъ утопалъ въ голубоватыхъ облакахъ сигарнаго дыма.

Вмѣсто ужина намъ сервировали чай, и къ концу бесѣды я съ трудомъ ворочалъ языкомъ.

Несмотря на опасность, грозившую странѣ, я началъ ощущать къ концу бесѣды, что далеко не всѣ члены кабинета отдають себя въ полной мѣрѣ отчетъ въ томъ, какую грозную силу представляетъ собою Караханъ. Въ то же время нѣкоторые члены кабинета считали угрожающую опасность сильно преувеличенной и раздутой.

— Скажите, мистеръ Гиббонсъ, — обратился ко мнѣ Уоллесъ, — не попали ли вы подъ вліяніе этого диктатора за время своего пребыванія съ нимъ? Не преувеличены ли ваши сужденія? Не преувеличиваете ли вы желтую опасность? Я считаю, что множество статей, появившихся на страницахъ печати за послѣдній годъ, намѣренно нагоняли на страну страхъ и служили пропаганднымъ замысломъ Карахана. Мнѣ кажется, вы были его довѣренными лицомъ, а теперь вы являетесь къ намъ. Желтая опасность въ большей своей части содана желтой прессой.

Неуклюжее замѣчаніе Уоллеса задѣло меня за живое. Въ теченіе долгаго срока я подвергался опасности, напряженно и усердно работалъ, наблюдалъ за происходящими для того, чтобы имѣть возможность представить какъ можно болѣе полный отчетъ. Но я сдержалъ себя и, проглотивъ просившіяся на языки рѣзкости, постарался спокойно и дѣловито отвѣтить на брошенный мнѣ упрекъ:

— Господинъ президентъ, я побывалъ на трехъ четвертяхъ земнаго шара, и все это я сдѣлалъ для того, чтобы нагнать на статсъ-секретаря Уоллеса немного страха. Я явился сюда потому, что я американецъ и считаю, что мои наблюденія и знанія могутъ пойти на пользу моей странѣ въ борьбѣ съ краснымъ диктаторомъ. Я видѣлъ на поляхъ Европы сотни тысячъ труповъ. Я видѣлъ какъ на уллицахъ итальянскихъ городовъ убивали дѣтей и женщинъ. Я былъ свидѣтелемъ Лондонской бойни.

— Господинъ президентъ, я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минуты австрійскаго президента, я присутствовалъ при его казни, — я видѣлъ, какъ пали подъ пулями члены его правительства. Вы должны понять, что человекъ, ведущій за собою силы трехъ материковъ, не можетъ не быть воплощеніемъ зла, не можетъ не быть самымъ свирѣпымъ, хладнокровнымъ, стоящими выше морали и какихъ бы то ни было запретовъ, существомъ. У него нѣтъ ни Бога, ни созвѣсти, ни вѣрной морали. Этотъ азіатъ, ненавидящій насъ такъ, какъ лишь можетъ желтый ненавидѣть бѣлую расу, сказалъ мнѣ всего лишь мѣсяцы тому назадъ, что онъ собирается раздавить Америку. Господа, да смилостивится Господь надъ нами, если вы не можете внять моимъ словамъ, если я не могу убѣдить васъ!..

Голосъ мой осѣкъся, — я не могъ говорить, я усталъ, табачный дымъ обволакивалъ меня... длительный перелетъ и нескончаемые споры исчерпали безъ остатка мои силы.

Въ сосѣдней пріемной я столкнулся съ Уайтъ Доджемъ. Произошло столько событій, что я не повѣрилъ своимъ глазамъ.

— Я очень радъ васъ видѣть, — сказалъ я, пожимая его руку. — Какъ вамъ удалось выбраться? Гдѣ Марго? Какъ она поживаетъ?

— О, все это длинная исторія, — отвѣтилъ Доджъ. — Вы помните записку, которую я сунулъ въ Лондонъ въ ваши несессеръ? Я писалъ вамъ, что мнѣ удастся спастись, и такъ оно и было. Я только что былъ въ інформаціонномъ бюро морского министерства. Поздравьте меня — я лейтенантъ флота дяди Сама.

Доджъ доставилъ меня и Биннея къ себѣ на квартиру, гдѣ мы снова ожили, принявъ ванну, побрившись и, наконецъ-то, получивъ возможность переодѣться.

Доджъ рассказывалъ намъ, какъ ему удалось бѣжать вмѣстѣ съ агентомъ американской контръ-развѣдки.

— Нѣкоторое время я прятался въ Лондонѣ. Послѣ вѣснаго отбѣзда былъ разстрѣлянъ рядъ американцевъ, — остальныхъ размѣстили въ концентраціонномъ лагерѣ. Надежды было всего было, конечно, пробраться въ Ирландію. Хотя красные и оккупировали страну, но ирландцы считались съ ихъ присутствіемъ въ столь же малой степени, какъ въ свое время съ

англичанами. Синфейнеры продолжали вести партизанскую войну, какъ и въ старое доброе время. Вамъ извѣстно, что въ прошлую войну нѣмцы использовали западный берегъ Ирландіи для стоянки своихъ подводныхъ лодокъ. Нынѣ та же возможность была предоставлена американскимъ подводнымъ лодкамъ. Мой спутникъ и я направились по направленію къ Кинстоуну, и насъ приняла на бортъ подводная лодка, доставившая насъ въ Америку. Недалеко отъ Ливерпуля мы пустили ко дну старый англійскій пакетботъ „Цедрайкъ“, и команда мнѣ поклялась, что это первое достиженіе нашего флота въ эту войну.

— Гдѣ Марго? — спросилъ Спидъ.

Я замѣтилъ, какъ молодые люди обмѣнялись далеко не дружелюбными взглядами.

— Она находится вмѣстѣ съ Линъ въ Ирландіи, — отвѣтилъ Доджъ. — Караханъ обѣихъ отправилъ туда и помѣстилъ въ одномъ изъ замковъ западнаго побережья. Онъ не хочетъ ихъ видѣть и желаетъ, чтобы Линъ жила вдали отъ Лондона. Въ настоящее время онъ развлекается въ обществѣ лэди Блейдсенъ. Вамъ вѣдь извѣстно, кто она? Но этотъ монголъ такъ же быстро покончить съ ней, какъ и съ австрійской графиней въ Вѣнѣ и съ мадамъ Депрей въ Парижѣ. Онъ одержимъ теперь новой маніей — онъ хочетъ имѣть отъ бѣлыхъ женщинъ какъ можно больше дѣтей — будетъ время, когда Лондонъ и Парижъ будутъ кишѣть его цвѣтными ублюдками. И у всѣхъ офицеровъ его штаба бѣлые жены.

— Я радъ, что Марго находится въ Ирландіи, — сказалъ онъ, — и надѣюсь, что Карахану не суждено будетъ встрѣтиться съ нею.

У Спиды вырвалось проклятіе, и онъ рѣзко освѣдомился у Доджа:

— Почему вы оставили ее? Почему вы не захватили ее съ собою на подводную лодку?

— Я хотѣлъ захватить ее съ собою, но она не пожелала слѣдовать за мной, — отвѣтилъ Доджъ. — Она возложила на себя обязанность и хочетъ ее выполнить до конца. Но объ этомъ я не вправѣ говорить.

Пока Спидъ пререкался съ Уайтомъ, я заснулъ.

На слѣдующее утро Додж снова заговорилъ со мною о Марго и сказалъ мнѣ, какимъ способомъ я могъ бы установить связь съ нею. Я могъ бы по радио отправлять шифрованные сообщения, которыя она улавливала бы въ Ирландіи. Я неоднократно упражнялся съ нею въ диктантъ, и она сможетъ безъ особаго труда уловить мое сообщеніе, установить ключъ и расшифровать сообщеніе.

Додж сказалъ мнѣ, что онъ служитъ на подводной лодкѣ и, находясь съ нею въ плаваніи у Ирландскаго побережья, сможетъ попытаться послать Марго радиограмму.

— Она мужественная дѣвушка и служить дѣлу обѣлой расы, — сказалъ онъ гордо, — хоть и знаетъ, какая ее ожидаетъ участь, если объ этомъ станетъ извѣстно Карахану.

Въ этотъ полныиъ событій февраль 1934 года мнѣ суждено было пережить цѣлый рядъ потрясеній. Война оказала на народное хозяйство болѣе сильное вліяніе, чѣмъ я предполагалъ. Болѣе всего меня беспокоило то, что американцы въ массѣ своей не отдавали себѣ отчета въ ужасныхъ послѣдствіяхъ происходившаго.

Въ силу подавляющаго перевѣса объединеннаго краснаго флота, американскій флотъ принужденъ былъ укрыться въ гаваняхъ, и надъ океаномъ главенствовалъ непріятель.

Большая часть американскаго торговаго флота — двадцать тысячъ пароходовъ съ общимъ тоннажемъ въ пятнадцать милліоновъ тоннъ — застряло въ чужихъ портахъ или была захвачена въ открытомъ морѣ.

Паденіе американскаго экспорта, выразившагося за предыдущій годъ въ пяти милліардахъ долларовъ, привело къ тому, что ряды промышленныхъ предприятий приостановились, а склады, магазины и порты Америки ломились отъ машинъ, металлическихъ издѣлій, шелковъ, хлопчатобумажныхъ тканей, химикалій и зерна.

Отказъ отъ импорта повлекъ за собою въ странѣ недостатокъ въ резинѣ, свинцѣ, хининѣ, растительныхъ жирахъ, чаѣ, кофе, что тутъ же отразилось на укладѣ каждаго единичнаго хозяйства. Затѣмъ потребление ряда продуктовъ было нормировано.

Разразившаяся война лишила американцевъ надежды на

то, что удастся получить съ Европы долги, явившіеся результатами предыдущей войны — все новые и новые налоги и займы должны были покрыть невѣроятные расходы. На Уолл-Стритѣ разразился рядъ банкротствъ, повлекшихъ за собою осложненія въ большомъ количествѣ фирмъ, работавшихъ во всей странѣ. Вкладчики штурмовали банки, и правительство принуждено было объявить мораторій.

Президентъ Смитъ созвалъ экстренное засѣданіе конгресса, которое должно было санкціонировать веденіе войны. Военный министръ предложилъ конгрессу законы объ обязательной воинской повинности, и законъ этотъ былъ принятъ въ обѣихъ палатахъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Пацифистское меньшинство, находившееся въ оппозиціи, попыталось выставить проектъ о добровольческихъ формированіяхъ, но проектъ этотъ былъ отклоненъ.

Избирательный аппаратъ страны былъ тутъ же использованъ для новой задачи и принятъ на учетъ всѣхъ мужчинъ отъ восемнадцати до сорока пяти лѣтъ отъ роду. Перепись дала слѣдующій результатъ: въ странѣ оказалось 19 милліоновъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, — пятнадцать процентовъ всего населенія. Государственный департаментъ разослалъ по штатамъ квоты, и президентъ призвалъ подъ знамена первый милліонъ бойцовъ.

Костякомъ формируемой арміи явился офицерскій составъ регулярныхъ частей и сто десять тысячъ офицеровъ, числившихся въ запасѣ.

— У насъ очень скудные запасы снаряженія, — жаловался мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей. — Увеличеніе кадровъ милиціи съ двухсотъ восьмидесяти тысячъ до трехсотъ тысячъ поглотило всѣ наши запасы. Намъ приходится обучать нашихъ новобранцевъ, не выдавъ имъ обмундированія и снабдивъ ихъ вмѣсто ружей палками. Мы стоимъ передъ необходимостью удешевить наши кадры — съ тѣмъ же успѣхомъ мы могли бы разбавить молоко десятикратнымъ количествомъ воды. На сей разъ наша военная промышленность оказалась гораздо менѣе подготовленной, чѣмъ передъ нашимъ вступленіемъ въ войну въ 1917 году. Тогда вступленію въ войну предшествовала долгая подготовка и работа на оборону.

— Европейская и азиатская промышленность давно уже работала на нужды армии, — сказал мръ Джимми Ходжинсъ изъ торговаго департамента. — Вамъ объ этомъ извѣстно лучше, чѣмъ кому бы то ни было. А наши станки заняты изготовленіемъ граммофонныхъ иглокъ, радіопринадлежностей, вентиляторовъ и приборовъ для маникюра.

Особенно чувствительнымъ оказался недостатокъ въ противогасахъ... Имѣвшася запаса противогазовъ было недостаточно для того, чтобы снабдить ими армию, не говоря уже о снабженіи ими гражданскаго населенія.

Впрочемъ, и безъ понужденія со стороны правительства рядъ фабрикъ немедленно же приступили къ ихъ производству и выбросили на рынокъ большое количество масокъ, которыя тутъ же были раскуплены перепуганнымъ населеніемъ по баснословно высокой цѣнѣ.

Впослѣдствіи выяснилось, что противогазовыя маски, изготовленныя настѣхъ и безъ соответствующаго надзора, оказались совершенно несоответствующими своему назначенію, что многимъ стоило жизни.

Боязнъ воздушнаго налета и бомбардировки вызвала небывалую вспышку шпиономаніи въ странѣ — толпа подожгла въ Нью-Йоркѣ китайскій кварталъ, въ Чикаго промили дома негровъ, въ Калифорніи линчевали японцевъ.

Въ Гаарлемѣ арестовали Горкуса Марвея, президента негритянскаго ордена „Черное Перо“ — при этомъ былъ обнаруженъ большой запасъ прокламацій, призывавшихъ американскихъ негровъ къ возстанію.

Соответствующій результатъ дали и облавы, предпринятыя полицией въ коммунистическихъ клубахъ. Были обнаружены попытки взорвать мосты, порчи динамомашинъ и пр.

Въ политическомъ отношеніи страна сплотилась и образовала единый фронтъ, но каждое новое засѣданіе кабинета вскрывало все новыя и новыя пробѣлы въ странѣ. Дѣло дошло до открытаго конфликта между военнымъ и морскимъ министерствами по вопросамъ снабженія, что также не могло способствовать успѣшному проведенію мобилизаціи.

Центромъ вниманія стали событія на тихоокеанскомъ побережьи Мексики.

Тѣснимыя американскія войска оказывали жестокое сопротивление. По мѣрѣ того, какъ непріятельскій десантъ расширялъ базу своей дѣятельности и захватывалъ новые участки побережья, задача его облегчалась, потому что онъ получалъ возможность увеличить свои силы. Непріятельскій нажимъ къ югу все увеличивался, и было ясно, что рано или поздно ему удастся достигнуть Панамскаго перешейка.

Тяжелый ударъ выпалъ на долю Соединенныхъ Штатовъ 9 февраля.

Транспортъ „Мемфисъ“, на который были погружены два полка, былъ подорванъ миной и потопленъ. 2700 американскихъ солдатъ обрѣли смерть въ морѣ, — лишь немногимъ удалось спастись и добраться до берега.

Гибель „Мемфиса“ привлекла общественное вниманіе къ положенію на морѣ, и вскорѣ стало извѣстно, что портъ Кингстоунъ на островѣ Ямайка служить краснымъ базой для ихъ подводныхъ лодокъ.

Дипломатическія осложненія, послѣдовавшія за объявленіемъ войны, задержали разрѣшеніе вопроса о Ямаикѣ. Вопросъ этотъ разрѣшился явочнымъ порядкомъ — негритянское населеніе острова, предводительствуемое китайцами и индусами, взяло штурмомъ дворецъ англійскаго президента и убило его и его штабъ, захвативъ власть въ свои руки. Теперь, когда выяснилось, что островъ служилъ базой для подводныхъ лодокъ Карахана, было ясно, что все это было заранее согласовано съ нимъ.

Портъ Кингстоунъ былъ хорошо защищенъ съ моря, и попытка морскаго нападенія на него была обречена на неудачу. Выслать на островъ десантъ съ Кубы было затруднительно, потому что въ распоряженіи Соединенныхъ Штатовъ на Кубѣ имѣлись очень ограниченныя по численности отряды. Благодаря этому, Ямайка превратилась въ серьезную опасность, угрожавшую нашему фронту, съ которой до поры-до-времени приходилось мириться.

Опорными пунктами краснаго флота явились Бермудскіе острова и Принниада, — флотъ блокировалъ побережье и вынудилъ американскую эскадру укрыться въ Мексиканскомъ заливѣ. По всему Атлантическому побережью раздалась волна

протестовъ — раздались недоумѣвающіе голоса, почему американскій флотъ избралъ мѣстомъ стоянки Мексиканскій заливъ, а не Нью-Йоркъ, Бостонъ или Филадельфію.

Но на этотъ вопросъ отвѣтить было очень нетрудно. Караханъ находился въ перевѣсѣ не только на морѣ, но и въ воздухѣ. Его воздушныя силы могли въ любой моментъ разрушить морскія базы нашего Атлантическаго побережья. Что касается Мексиканскаго залива, то доступъ къ нему былъ минированъ и береговыя укрѣпленія могли воспрепятствовать воздушному налету.

Свершилось невѣроятное: Караханъ со своимъ флотомъ властвовалъ надъ океанами, а американскій флотъ былъ запертъ въ Мексиканскомъ заливѣ, такъ же, какъ и флотъ Германіи былъ запертъ въ Гельголандской бухтѣ въ мировую войну.

Этотъ флотъ составлялъ первую оборонительную линію Америки. Вторую оборонительную линію составляли береговыя укрѣпленія залива.

Караханъ занялся изученіемъ нашей позиціи и попытался наказать на наиболѣе уязвимое мѣсто.

Столѣтіе мирныхъ добрососѣдскихъ отношеній между Канадой и Соединенными Штатами привело къ тому, что оба государства могли позволить себѣ роскошь оставить общую границу неукрѣпленной. На американо-канадской границѣ не было возведено ни одного форта, — рѣки и озера Канады не имѣли флота.

И Караханъ рѣшилъ использовать это обстоятельство для нанесенія слѣдующаго сокрушительнаго удара.

Вечеромъ 1 марта 1934 года американская подводная лодка Ф 29, крейсировавшая въ шестидесяти километрахъ отъ мыса Флеттери въ штатѣ Вашингтонѣ, была настигнута японскими истребителями, дѣйствовавшими въ качествѣ прикрытія для большой эскадры транспортовъ, крупныхъ боевыхъ единицъ и вспомогательныхъ судовъ.

Японскіе истребители вывели американскую подводную лодку изъ боя и захватили ее.

2-го марта, на разсвѣтѣ, на высотѣ трехъ тысячъ метровъ надъ дорогой на Жуанъ-де-Фука, показалась огромная непріятельская флотилія гидроплановъ и бомбометовъ.

Навстрѣчу ей вылетѣли американскія эскадрильи, снявшіяся съ аэродромовъ Викторіи, Ванкувера, Ситли и Бремертоуна.

Непріятель однако оказался въ перевѣсѣ.

Обитатели Викторіи въ Британской Колумбіи были разбужены оглушительными взрывами — то непріятельскіе авіаторы бомбардировали морскій арсеналъ въ Эскимавултѣ. Черезъ пять минутъ на воздухъ взлетѣли пороховыя склады.

Нынѣ непріятельскому флоту открывалась свобода дѣйствія, и воздушный флотъ его понесся на востокъ. Старыя тридцатисантиметровыя мортиры, составляющія вооруженіе порта Тоусенда, были подорваны первыми же сброшенными на землю тысячефунтовыми бомбами.

Та же судьба постигла и форты Кэзей, расположенный въ девяти километрахъ на востокъ.

За фортомъ Кэзей наступила очередь форта Флеглеръ.

Воинскія части были спѣшно отозваны изъ фортовъ, и мортиры не дали ни одного выстрѣла — всѣ оборонительныя сооруженія были рассчитаны только на возможность нападенія съ моря.

Соглашеніе Канады и Соединенныхъ Штатовъ, предусматривавшее отказъ отъ возведенія дальнѣйшихъ оборонительныхъ сооруженій на границѣ, привело къ тому, что граница оказалась совершенно безоружной, на случай воздушнаго нападенія.

Утромъ подъ покровомъ тумана красный флотъ выслалъ впередъ вдоль всего побережья океана тридцать траллеровъ, занявшихся освобожденіемъ моря отъ минъ. Воздушный флотъ, закончивъ свое разрушительное дѣло, взялъ на западъ и полетѣлъ надъ желѣзной дорогой Мильвоки, разрушая и ее, и автомобильныя шоссе.

Двѣ американскія тяжелыя батареи и бронепоездъ были взорваны, прежде чѣмъ, смогли оказать сопротивленіе воздушнымъ силамъ противника.

Такимъ образомъ, Карахану удалось при помощи своихъ воздушныхъ силъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ парализовать сопротивленіе противника и разрушить рядъ центровъ обороны.

Опубликованіе этихъ сообщеній произвело на американцевъ ужасное впечатлѣніе.

Въ день непріятельскаго налета я и Винней находились у его отца въ Санъ-Луи. Отецъ его былъ моимъ старымъ боевымъ товарищемъ по авіаціи еще со времени первой міровой войны. Частъ спустя мы летѣли на аэропланѣ по направленію къ новому фронту на сѣверо-западъ.

Дни второго и третьяго марта заставили Америку призадуматься надъ своимъ положеніемъ.

Несмотря на то, что нашъ флотъ былъ запертъ, наша маленькая регулярная армія билась въ Центральной Америкѣ, а въ резервѣ у насъ имѣлся одинъ миллионъ призванныхъ подъ знамена, страна все еще была во власти совершенно ложнаго представленія, что американскому материку ничто не можетъ угрожать въ силу его изолированности. Со времени 1812 года еще никому не удавалось высадить свои войска въ Америкѣ. Но эти времена миновали.

Мы снизились въ Споканѣ, чтобы возобновить запасъ бензина. На аэродромѣ наша машина оказалась единственной — городъ охватила паника, несмотря на то, что отъ фронта его отдѣляли горный хребтъ. Мы разспросили попавшихся намъ людей и выяснили слѣдующее.

Траллеры очистили заливъ отъ минъ, японскіе транспорты подъ охраной крейсеровъ миновали разрушенныя укрѣпленія форта Уордена и форта Кэзей и были на пути къ Ситтлю.

Сотни наливныхъ судовъ съ нефтью встали на якорь, эскадрильи краснымъ флотомъ.

Способности Карахана, сумѣвшаго выставить столь большія силы на огромномъ разстояніи отъ своей базы, не могли не поразить наше командованіе. Караханъ располагалъ недалеко отъ нашего расположенія огромной воздушной эскадрой; это объяснялось тѣмъ, что каждый изъ транспортовъ одновременно былъ оборудованъ такимъ образомъ, что являлся базой для гидроплановъ. Такое новшество дало возможность Карахану безпрепятственно властвовать надъ морями и захватить три четверти мірового флота въ свои руки. Во главѣ воздушныхъ силъ Карахана стояла японская эскадрилья, снабженная опытнымъ личнымъ составомъ.

Послѣ того, какъ успѣхъ операціи былъ полностью гарантированъ и въ воздухѣ и на водѣ, началась высадка войскъ. Вдоль всего восточнаго побережья отъ Беллингема до Эверетта, Караханъ высаживалъ войска. На западномъ побережьи, въ Портѣ Анжелесѣ, въ Тойнсендѣ, также шла высадка войскъ.

Канадско-американскія части оказывали геройское сопротивление, но попытки ихъ противостоять силамъ Карахана были тщетны.

Молодежь, вооруженная охотничьими ружьями, объединялась въ отряды и выступала въ походъ, пополняла ряды милиціи, вооруженной пулеметами и пытавшейся противостоять врагу въ пштыковомъ бою.

И почти повсемѣстно обороняющіеся постигла одна и та же участь. Сначала ихъ позиціи подвергались воздушной бомбардировкѣ, а потомъ желтыя орды заливали ихъ своей численностью.

Американская артиллерія, вывезенная при помощи тракторовъ на позиціи, служила для непріятельскихъ бомбометовъ удобной мишенью. Команды зенитныхъ орудій, снабженныя противогазовыми масками, тщетно пытались обезвредить несметное количество непріятельскихъ аэроплановъ.

Караханъ былъ въ воздухѣ полнымъ хозяиномъ положенія, и мы съ Виннеемъ послѣ того, какъ мы вылетѣли изъ Спокейна въ западномъ направленіи, принуждены были смѣнить курсъ, взять на югъ и спуститься въ Олимпіи. Оттуда, на автомобиле, подъ обстрѣломъ съ аэроплановъ, мы понеслись въ Такому, чтобы оттуда уже взять курсъ на объятый пламенемъ Ситтль.

Дороги были забиты тысячами искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ жителей городка. Безконечныя колонны американской пѣхоты шли въ сѣверномъ направленіи. На разрушенныхъ и подорванныхъ желѣзныхъ дорогахъ и мостахъ работали инженеры съ отрядами саперовъ.

Добровольцы изъ числа мѣстныхъ жителей — среди нихъ было множество женщинъ — пытались расчищать эгъ обломковъ подвергшіеся бомбардировкѣ улицы и дороги и тѣмъ самымъ облегчить движеніе.

Каждое новое сообщение съ фронта извѣдывало об очередномъ катастрофѣ. Бинней неистовствовалъ.

— Чортъ побери, какой толкъ отъ пилота, находящагося на землѣ, — вопилъ онъ. — Я долженъ пробраться на фронтъ и попытаться принести какую-нибудь пользу. Что бы ни случилось, мы снова встрѣтимся въ ставкѣ арміи. Похоже на то, что намъ придется отступить на Канзасъ.

Мы пожали другъ другу руки, и онъ присоединился къ одной изъ колоннъ отправлявшейся на фронтъ пѣхоты.

Я попалъ въ горящій Ситтль вовремя, — въ моемъ распоряженіи оставалось всего лишь нѣсколько минутъ для того, чтобы осмотрѣться и снова поспѣшить убраться изъ этого города.

Огромный небоскребъ былъ объятъ пламенемъ, — изъ оконъ его вырывались языки огня и клубы черного дыма.

Въ то время, когда я разглядывалъ открывшуюся моимъ глазамъ картину, въ одинъ изъ верхнихъ этажей дома ударилъ снарядъ, и часть стѣны — уголки зданія — рухнула.

Послѣдніе бѣженцы скрылись въ южномъ направленіи.

Изъ центра города доносились приглушенная пулеметная трескотня. Надъ головами со свистомъ проносились снаряды и разрывались надъ южными предместьями города.

Какой-то мальчишка, волочившій за собою мотоциклетъ, задалъ мнѣ глупый вопросъ — онъ спросилъ меня, не могу ли я ему дать немного бензина. Уловивъ мой удивленный взглядъ, онъ указалъ пальцемъ на резервуары покинутого танка, у котораго я стоялъ.

— Можешь взять сколько тебѣ угодно, — отвѣтилъ я. — Мнѣ онъ не принадлежитъ. Впрочемъ, погоди — я помогу тебѣ, — и, схватившись за ручку насоса, принялся накачивать бензинъ въ резервуаръ его мотоциклета.

— Все равно этотъ бензинъ достался бы китайцамъ, — сказалъ мальчуганъ. — Ихъ теперь ничѣмъ не удержишь.

Вотъ при такихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Бобби Персономъ, доставившимъ меня изъ Ситтля въ Такому. Это отъ него я узналъ впоследствии ставшую таковой популярной исторію Ламберта, взволновавшую всю Америку.

Этотъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ былъ единственнымъ

американцемъ, сумѣвшимъ живымъ выбраться изъ занятого войсками Карахана города Эверетта. Онъ былъ младшимъ братомъ Вивіанъ Ламбертъ, получившей два года тому назадъ призъ за красоту на конкурсѣ тихоокеанскаго побережья. Вальтеръ Ламбертъ, владѣлецъ гаража въ Эвереттѣ, былъ убитъ на глазахъ у своей жены, Бобби былъ свидѣтелемъ его смерти и разсказалъ мнѣ всѣ подробности случившагося.

— Вивіанъ и Вальтеръ послѣ прибытія китайцевъ ухаживали за ранеными. Я помогалъ имъ. Вмѣстѣ съ нами былъ и докторъ Кирквудъ. Онъ оперировалъ раненыхъ, заполнившихъ оба этажа гаража. Многие раненые принуждены были продолжать лежать на мостовой.

Вивіанъ принесла изъ аптеки Барлетта всѣ имѣвшіяся тамъ запасы перевязочныхъ средствъ, и когда они у насъ изсякли, мы стали рвать постельное бѣлье и платки. Вивіанъ ухитрялась даже стряпать для раненыхъ.

Наши солдаты дрались отлично. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, и мы вынесли ихъ трупы на дворъ. Непріятельская эскадра непрерывно продолжала обстрѣливать городъ. Универсальный магазинъ Гольдберга сгорѣлъ до тла. Потомъ большой снарядъ ударилъ въ Казино, и оно рухнуло, похоронивъ подъ обломками сотни раненыхъ. Вокзалъ обстрѣливали въ теченіе всей ночи, и на утро онъ превратился въ груды развалинъ. Всѣ стремились на югъ, но по дорогамъ съ трудомъ можно было пробраться, потому что онѣ были заполнены грузовыми автомобилями, перевозившими солдатъ.

Вальтеръ хотѣлъ, чтобы Вивіанъ вмѣстѣ съ остальными направилась на югъ, но она ни за что не хотѣла покинуть на произволъ судьбы раненыхъ. Она продолжала работать круглые сутки.

Затѣмъ китайцы съ сѣвера проникли въ городъ. Казалось, что ихъ было неисчислимо количество — цѣлый миллионъ. На улицахъ продолжали идти бои, и перестрѣлка стала такой горячей, что мы больше не могли выйти на улицу. Наконецъ, китайцы проникли въ гаражъ, и одинъ изъ ихъ офицеровъ направилъ ихъ черезъ боковую дверь въ скобяную торговлю Бергдолля.

На слѣдующее утро бой утихъ, и китайцы окончательно

заняли городъ. Въ теченіе всего дня и всей ночи они шли на югъ, и мы слышали, какъ съ юга доносились грохотъ канонады и шумъ боя.

Въ гаражѣ они оставили отрядъ изъ сорока человѣкъ при одномъ офицерѣ. Солдаты расположились внизу, а офицеръ поднялся наверхъ и прошелъ въ квартиру Вивъ. То былъ какой-то китайецъ, — возможно, что онъ былъ японецъ. И намъ пришлось съ нимъ ѣсть за однимъ столомъ.

Вивіанъ не переставала тосковать о Вальтерѣ, а черезъ три дня спустя миссисъ Мегеффи сообщила намъ, что Вальтеръ вмѣстѣ съ остальными плѣнными американцами находится на вокзалѣ, и что китайцы заставляютъ ихъ работать на починкѣ дороги и очисткѣ улицъ.

Какъ разъ въ то мгновеніе, когда я собрался уйти, къ намъ въ гаражъ пришли Джимъ Деркинъ, Вальтеръ, мистеръ Расмусенъ, старый Бертонъ и еще десятокъ человѣкъ. Ихъ сопровождалъ конвой — они получили приказъ вынести всѣхъ раненыхъ изъ гаража и освободить мѣсто для раненыхъ китайцевъ.

Въ то мгновеніе, когда Вивіанъ спустилась внизъ, къ дому подъѣхалъ на автомобилѣ китайскій офицеръ. Вивіанъ увидѣла, что Вальтеръ небритъ, платье его разодрано и рубашка пропиталась кровью — то была кровь одного изъ раненыхъ, которыхъ онъ переносилъ. Увидѣвъ это, Вивіанъ вскрикнула и бросилась къ нему.

Китайскій офицеръ схватилъ ее за руку и оттолкнулъ. Вальтеръ выпустилъ изъ рукъ носилки, которыя онъ несъ, и бросился къ нему. Офицеръ выхватилъ револьверъ и выстрѣломъ въ упоръ уложилъ его наповаль.

Вивіанъ и я бросились къ Вальтеру. Кровавое пятно на его сорочкѣ увеличилось и расплылось — теперь кровь проступила у него на губахъ, и онъ тщетно пытался ее слотнуть. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ вытянулся и замеръ.

Вивіанъ попыталась привести его въ чувство. Увидѣвъ, что онъ мертвъ, она вскрикнула и упала на его тѣло. Офицеръ поднималъ ее и принудилъ насъ ѣсть въ его автомобилѣ.

Мы поѣхали къ дому Картера, гдѣ онъ и заперъ Вивіанъ въ столовой первого этажа. Я хотѣлъ послѣдовать за ней, но

онъ что-то сказалъ своимъ солдатамъ по-китайски, и тѣ схватили меня и отвели на чердакъ. Тамъ меня заперли.

Ночью я слышала, какъ Вивіанъ закричала. Снизу доносился какой-то шумъ, потомъ я услышала, какъ Вивіанъ подбѣжала къ окну и заплакала... Затѣмъ все затихло.

На слѣдующій день солдаты выпустили меня и отвели меня на кухню. Тамъ мнѣ пришлось чистить картофель. Потомъ я выпелъ изъ дому и увидѣлъ у окна Вивіанъ. Она плакала.

Прокравшись къ окну, я заговорилъ съ ней, и она сказала мнѣ: — Попытайся убѣжать, Бобби, если тебѣ это удастся. Ступай къ нашимъ и расскажи имъ, что сдѣлали съ Вальтеромъ и со мною.

И я ей сказалъ, что пойду и расскажу обо всемъ губернатору, и что тогда онъ придетъ сюда съ остатками милиціи и прогонитъ китайцевъ. Но въ это время кто-то подошелъ къ двери, и мнѣ пришлось убѣжать.

Ночью я выбрался изъ дому и прокрался къ фермѣ Патерсона, — тамъ я раздобылъ себѣ мотоциклъ. И съ той поры я нахожусь непрерывно въ пути. —

Съ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій на югъ отъ Такомы я дсловно телеграфировалъ рассказъ Бобби Персона въ Чикаго, откуда это сообщеніе распространилось по всѣмъ газетамъ Америки.

Газеты вышли съ фотографіями премированной красавицы, и возмущеніе населенія было безгранично.

Спидъ Бинней возвратился съ фронта и явился ко мнѣ въ Орегонъ, какъ разъ въ то время, когда я получилъ изъ Вашингтона предписаніе вторично сообщить по радіо все, что мнѣ извѣстно.

— Эти вашингтонскіе умники все еще не могутъ взять въ толкъ этого, — проворчалъ Спидъ. — Они воображаютъ, что все это выдумка, такъ же, какъ и все то, что рассказывалось въ свое время о нѣмцахъ и ихъ злѣствахъ. Ваше сообщеніе подняло большой шумъ, и Вашингтонъ хочетъ переложить на васъ отвѣтственность, если окажется, что сообщеніе это не соответствуетъ дѣйствительности.

Я вторично рассказалъ о судьбѣ Ламбертовъ, и мы стали

ожидать, что радиостанция красных в Лондонѣ выступитъ съ официальнымъ опроверженіемъ.

На слѣдующій вечеръ Винней и я сидѣли передъ громкоговорителемъ и приготовились слушать лондонскую передачу. Вмѣсто того мы услышали по лондонскому радио слѣдующее:

— Въ общемъ сообщеніе американцевъ о судьбѣ Ламбертовъ соответствуетъ истинѣ, — вымышлены лишь незначительныя сентиментальныя детали, по существу ничего не мѣняющія.

Американецъ Вальтеръ Ламбертъ былъ застрѣленъ полковникомъ Гарвеемъ Ву, командиромъ 248-го санитарнаго отряда сѣвернаго тихоокеанскаго экспедиціоннаго корпуса. Захваченный въ плѣнъ Ламбертъ попытался напасть на офицера.

Полковникъ Ву происходитъ изъ одной изъ родовитѣйшихъ семей Китая. Въ настоящее время онъ не христіанинъ, хотя и былъ крещенъ и получилъ имя въ честь знаменитаго ученаго, открывшаго кровообращеніе. Полковникъ Гарвей Ву получилъ образованіе въ Оксфордѣ и является выдающимся медицинскимъ свѣтиломъ, а также пользуется прекрасной репутаціей въ качествѣ офицера.

Полковникъ Ву и миссисъ Ламбертъ сегодня ночью въ присутствіи соответствующихъ должностныхъ лицъ экспедиціоннаго корпуса вступили въ бракъ. Новобрачнымъ были принесены рядъ поздравленій, въ томъ числѣ и отъ краснаго командованія, ибо подобный финалъ этого обычнаго для военнаго времени происшествія какъ нельзя болѣе желателенъ и достоинъ вниманія.

Въ теченіе ряда столѣтій бѣлыя войны отнимали женъ у побѣжденныхъ ими представителей черной, желтой и красной расы. Американцы не разъ овладѣвали черными и краснокожими женщинами. Существующая въ наше время въ Америкѣ раса метисовъ и мулатовъ какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ этомъ.

На Филиппинскихъ островахъ послѣ американскаго похода 1900 года родилось большое количество дѣтей смѣшанной расы. Неменьшее количество евразійцевъ, потомковъ бѣлой и желтой расы, мы находимъ въ Азіи. Всѣ они появились на свѣтъ отъ бѣлыхъ отцовъ и желтыхъ матерей.

Подобное же смѣшеніе расъ наблюдалось въ Испаніи и въ Америкѣ. Въ Испаніи мавры облагородили расу своею кровью, и имъ обязана культура своимъ расцвѣтомъ.

Панъ-евразійскій союзъ борется за равенство всѣхъ расъ и ихъ единство на всемъ земномъ шарѣ.

Побѣда красныхъ надъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами приведетъ къ полному и въсвѣдному уничтоженію расовыхъ предразсудковъ и привилегій, такъ же, какъ всѣ предшествующія войны привели къ уничтоженію религіозныхъ и національныхъ привилегій.

Ранѣе христіане и язычники умерщвляли инакомыслящихъ тысячами, католики и протестанты слѣдовали тому же примѣру. И это дало благой результатъ — на землѣ больше не стало религіозной нетерпимости.

Послѣ религіозныхъ войнъ настала эпоха національныхъ войнъ. Народы въ теченіе ряда столѣтій враждовали во имя отживавшихъ національныхъ преимуществъ и владычества надъ міромъ.

Въ Панъ-евразійскомъ союзѣ нѣтъ ни національныхъ, ни расовыхъ, ни религіозныхъ привилегій: мужчины, женщины и дѣти всѣхъ расъ на трехъ материкахъ Азіи, Европы и Африки — братья.

Введенное въ заблужденіе своими правителями населеніе Соединенныхъ Штатовъ является собою послѣднюю цитадель бѣлой расы, аріискаго мифа.

Населеніе Панъ-евразійскаго союза, объединяющее полтора билліона бѣлыхъ, желтыхъ, черныхъ и краснокожихъ людей, борется за единство расъ и за уничтоженіе послѣдней горсти человечества, отстаивающей расовыя привилегіи. Мы признаемъ лишь одну расу, и эта раса — человечество! —

Америка съ ужасомъ внимала этимъ словамъ.

И Сидъ Винней, притихшій передъ громкоговорителемъ, выразилъ вслухъ мысль, которая въ это мгновеніе обурла всѣхъ американцевъ, слышавшихъ сообщеніе лондонской радиостанціи.

— О, этотъ Караханъ, этотъ косоглазый, желтый дьяволъ... Если бы я могъ свернуть ему шею...

Волненіе Сиды было слишкомъ сильно для того, чтобы

онъ могъ его выразить въ однихъ лишь проклятіяхъ. Голосъ его прервался, и онъ умолкъ. Вдругъ онъ схватилъ меня за руку и прошепталъ:

— Марго!... Господи, она осталась тамъ, во власти этихъ скотовъ!...

9

Въ то время, какъ я пытаюсь возстановить въ своей памяти послѣдующія событія 1934 года, этого первого ужаснаго года войны, когда желтые войска пытались вторгнуться въ глубь Америки, ставшей послѣдней цитаделью бѣлой расы, — я прихожу къ выводу, что совершенно невозможно перечислить всѣ эпизоды этой ужасной борьбы.

Популярныя книги воспоминаній, карты военныхъ дѣйствій, изслѣдованія и историческія изысканія съ успѣхомъ пополняютъ пробѣлы, съ которыми мнѣ приходится мириться. Въ концѣ концовъ, моею задачей является повѣствованіе о Красномъ Наполеонѣ въ связи съ моими личными встрѣчами съ нимъ и съ которымъ мнѣ теперь приходится дѣлать иззнаніе на одномъ изъ залитыхъ солнцемъ острововъ Бермудскаго архипелага.

Мои переживанія за годы работы военнымъ корреспондентомъ были достаточно разнообразны и значительны, чтобы мои нервы не притупились и я не научился быть равнодушнымъ свидѣтелемъ смерти, но ничто меня не потрясло такъ, какъ смерть моего любимаго племянника Джимми Бернса, павшаго въ 1934 году. Онъ принадлежалъ къ первому миллиону американцевъ, выставленныхъ противъ наступающихъ ордъ Карахана и павшихъ на развалинахъ Такомы, Ситтля, Олимпии.

Десятки моихъ ровесниковъ и друзей пали въ заросляхъ Техуантепека, тщетно пытаясь противостоять непріятелю, надвигавшемуся съ Мексиканскаго залива. Въ теченіе цѣлаго года меня томила мысль о прекрасной молодой англичанкѣ, находившейся по ту сторону океана въ рукахъ враговъ, и о двухъ юношахъ, готовыхъ принести себя въ жертву, чтобы спасти ея жизнь.

И я, и лейтенантъ авіаціи Спидъ Винней, и морской офицеръ Уайтъ Доджъ не переставали бояться за участь Марго Дениссонъ, сказавшейся спутницей жены Карахана и раздѣлившей съ нею плѣнь.

Уайтъ проклиналъ оборонительную политику командованія, затнавшую нашу флотъ въ Мексиканскій заливъ. Спидъ негодовалъ по адресу тѣхъ, благодаря которымъ Соединенные Штаты оказались безоружными въ воздухѣ. Это безсиліе на водѣ и на воздухѣ, въ сочетаніи съ недостаточной подготовленностью нашихъ силъ на сушѣ, облегчило наступленіе событій, къ изложенію которыхъ я теперь перехожу.

Караханъ подъ прикрытіемъ своихъ авіаціонныхъ отрядовъ приступилъ къ высадкѣ войскъ на канадскомъ побережьи, избравъ для десанта территорію Новаго Брауншвейга и залива св. Лаврентія.

Послѣ двухдневныхъ боевъ краснымъ удалось овладѣть дорогой, ведшей изъ Новой Шотландіи въ Квебекъ, — въ руки красныхъ перешли всѣ порты и промышленные центры отъ Пикту до Кембелтона.

Остатки разбитой канадской арміи въ сопровожденіи обьятаго ужасомъ праждаискаго населенія бросились на югъ.

Гидропланы красныхъ воздушными бомбардировками разрушили подъѣздные пути и разстроили желѣзнодорожное движеніе. Въ то время какъ инженеры работали надъ возстановленіемъ путей, переброска американскихъ войскъ на сѣверъ приостановилась, и тысячи бѣженцевъ продолжали стремиться на югъ, заполнивъ шоссе иныя дороги автомобилями, повозками и телегами.

На третій день красная флотилія, предшествуемая цѣлю траулеровъ, смѣло проникла въ устье рѣки св. Лаврентія и высадила новые десанты на побережьи.

Теперь войска Карахана располагали цѣлымъ побережьемъ длиною въ сто тридцать километровъ; высадившіеся отряды состояли главнымъ образомъ изъ сибиряковъ и монголовъ. Они овладѣли желѣзнодорожной линіей, шедшей вдоль южнаго берега рѣки, и продолжали высаживать на берегъ неслетныя количества снаряженія, полевыхъ орудій и танки. Американцы принуждены были лишь ограничиться единичны-

ми налетами и партизанскими вылазками, которымъ особыхъ результатовъ достигнуть не удалось. Частичнаго успѣха достигли американскія подводныя лодки, которымъ удалось потопить четыре непріятельскихъ транспорта.

Успѣхи Карахана на сѣверномъ фронтѣ американскіе военные обозрѣватели объясняли:

- 1) Перевѣсомъ воздушныхъ силъ;
- 2) отсутствіемъ береговыхъ укрѣпленій на канадскомъ побережьи, которое должно было охраняться британскимъ флотомъ;
- 3) слабостью канадскихъ территоріальныхъ войскъ, главныя силы которыхъ были сосредоточены на фронтѣ Британской Колумбіи;
- 4) успѣшными дѣйствіями краснаго воздушнаго флота, подорвавшаго правильное дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ, и запоздавшимъ прибытіемъ на фронтъ американскихъ воздушныхъ силъ;
- 5) перевѣсомъ Карахана на водѣ, имѣвшимъ возможность безпрепятственно поддерживать сообщеніе съ Ливерпулемъ, Кинстоуномъ, Гамбургомъ, Шербургомъ, Булонью и Лиссабономъ.

На основаніи личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ мною за время путешествія по фронту съ лейтенантомъ Биннеемъ и за время отступленія съ канадской арміей, я могу утверждать, что всѣ вышеперечисленныя пять причинъ сводились къ одной причинѣ, а именно къ организационному и стратегическому генію желтаго полководца, сумѣвшаго использовать всѣ обстоятельства.

Караханъ умѣлъ использовать даже природныя условія театра военныхъ дѣйствій. Онъ не видѣлъ препятствій въ непроходимой чащѣ сѣвернаго побережья рѣки св. Лаврентія. Его рѣчная флотилія прикрывала лѣвый флангъ его оправдовъ, упиравшихся правымъ флангомъ въ горный кряжъ.

Обезопасивъ фланги, Караханъ бросилъ свои колонны въ наступленіе на проляженіи фронта въ пятьдесятъ километровъ, и теперь его войска побѣдоносно продвигались къ Квебеку.

Оборонительныя средства города, находящагося въ очень выгодномъ стратегическомъ расположеніи, устарѣли и не могли

противостоять современной военной техники, имѣвшей въ распоряженіи Карахана.

Въ теченіе столѣтія канадскіе колонисты цѣликомъ полагались на то, что британскій флотъ гарантируетъ имъ полнѣйшую безопасность. Отъ озера Онтарио до океанскаго побережья не было ни одного хоть сколько-нибудь соотвѣтствовавшего современнымъ требованіямъ укрѣпленія.

А теперь, когда Британскаго флота болѣе не существовало, широкое устье рѣки св. Лаврентія превратилось въ просторную, ничѣмъ не защищенную дорогу, ведущую прямо къ сердцу Канады.

Слѣва отъ рѣки выгнулся горный и лѣсистый берегъ, принадлежавшій штату Мэнь, и Караханъ сумѣлъ использовать даже эти дѣйствительныя непроходимыя лѣса, въ которыхъ не ступала нога человѣка и въ которыхъ не было еще дорогъ.

Сѣтъ маленькихъ озеръ превратилась въ водныя базы для его гидроплановъ.

Круглыя сутки большіе пружовые аэропланы подвозили въ базы снаряды и горючія вещества. О томъ, чтобы захватить эти базы съ суши, не приходилось и мечтать — онѣ были совершенно неприступны, а рѣка находилась въ распоряженіи Карахана. Отсюда полководецъ могъ властвовать надъ райономъ въ триста километровъ радіусомъ.

Я говорилъ съ американцемъ, который былъ доволенъ тѣмъ, что нападеніе Карахана поставило передъ нами рядъ столь тяжелыхъ задачъ.

Полковникъ Виллоуби Уаткинсъ, въ прошломъ вѣдавшій береговыми оборонительными сооруженіями Соединенныхъ Штатовъ, улыбаясь, замѣтилъ:

— Почему Караханъ вмѣсто того, чтобы непосредственно направиться въ Соединенные Штаты, предпочитаетъ проби-ваться сквозь эти дебри, теряетъ столько времени на оккупацию страны, въ которой ничего нѣтъ кромѣ фермъ, лѣсовъ и рыбачьихъ поселковъ? Неужели вы воображаете, что онъ придаетъ столько значенія восьми милліонамъ канадцевъ?

Его ударъ направленъ противъ дяди Сама. Почему онъ не направился непосредственно въ Массачусетсъ, Делаваръ или Норфолкъ? Почему онъ не пошелъ тѣмъ же путемъ, какимъ

въ свое время поплы англичане, когда они высадились на Бермудскихъ островахъ и затѣмъ сожгли Вашингтонъ? Какъ, по вашему, почему онъ не избралъ этого пути? —

— А чортъ его знаетъ почему, — отвѣтилъ Бинней.

— Да потому, что наши береговья оборонительныя сооруженія — это единственное, что хоть въ какой-нибудь степени с. отвѣтствуетъ своему назначенію, — отвѣтилъ полковникъ. — Наше побережье защищено самымъ тщательнымъ образомъ, — нѣтъ ни одного клочка земли вдоль всего побережья, на которомъ не было бы возведено фортовъ или батарей. На всѣхъ стратегическихъ дорогахъ и шоссе въ нашемъ распоряженіи имѣются бронепоезда и автомобили, снабженные зенитными орудіями. Если бы онъ вздумалъ высадиться на нашемъ побережьи, то мы бы задали ему перцу, и поэтому онъ пытается пробиться сквозь Канаду.

Квебекъ палъ 15 іюня, и Караханъ перенесъ туда свой штабъ; на флажокъ замка Фонтенакъ взвился его штандартъ — знамя уничтоженія расъ.

Это знамя, изготовленное по его проекту, изображало многоцвѣтнѣйшій солнечный дискъ, отъ котораго во всѣ стороны исходили радужные лучи, символизирувавшіе полное смѣшеніе существовавшихъ на землѣ расъ и зарожденіе одной новой и единой расы, единственной признаваемой краснымъ диктаторомъ.

Французы, проживавшіе въ Квебекѣ, осмѣлились пожаловаться полководцу на то, что въ домахъ, въ которыхъ проживали бѣлыя женщины, были расквартированы цвѣтныя части Карахана. На это послѣдовало официальное указаніе, что во время мировой войны французы точно такъ же расквартировывали въ прибрежныхъ деревушкахъ своихъ сенегальцевъ. И вся Америка внимала по радіо этому отвѣту.

Спидъ Бинней и я, направляясь въ автомобиль изъ Квебека въ штатъ Мэнъ, захватили съ собою спасавшихся бѣгствомъ бѣлыхъ женщинъ и дѣтей.

Одна изъ нихъ, бѣлокурая француженка, съ расширенными отъ ужаса глазами, рассказала мнѣ слѣдующее:

— Вы и не представляете себѣ, что тамъ происходить — на поляхъ сраженія наши солдаты лежатъ непогребенными.

Наши сестры и дочери захвачены въ плѣнъ и уведены въ желтый лагерь. Наши мужья и братья принуждены работать на желтыхъ. Въ нашемъ мѣстечкѣ каждый день происходили расстрѣлы, — они не знаютъ жалости. Наши духовные наставники висятъ на телеграфныхъ столбахъ. Господи! То, что я видѣла, неопишимо!

Отрядъ Хемптона Фергюссона, состоявшій изъ двадцати тысячъ человекъ, вынужденъ былъ сдаться въ плѣнъ, и этимъ закончилось сопротивленіе, которое можно было оказать въ рѣчной области.

Галифаксъ былъ взятъ съ суши, и гавань наполнилась судами красныхъ.

И снова возобновилась высадка непріятельскихъ войскъ, на сей разъ захватившихъ самые крупныя и оборудованныя порты міра. Караханъ отнынѣ располагалъ отличной базой для своихъ морскихъ операцій.

Американская армія, посаженная на автомобили различныхъ системъ, начиная отъ грузовиковъ и кончая элегантнѣйшими лимузинами, принуждена была отступить — въ дальнѣйшемъ удерживать въ своемъ распоряженіи желѣзнодорожный путь Вудстокъ-Сентъ-Андрю не представлялось возможнымъ. По мѣрѣ изсякновенія у автомобильнаго транспорта бензина, — новый подвозъ горючихъ веществъ былъ невозможенъ изъ-за непрерывныхъ воздушныхъ атакъ непріятеля, — войска принуждены были сгѣшиваться и отступать на югъ, уходя за Великую Тихоокеанскую дорогу.

Завоеватель захватилъ первый клочокъ земли въ Новой Англіи. Два дня спустя послѣ занятія Квебека онъ занялъ Бангоръ.

17 іюня линія фронта, судя по огромнымъ картамъ, вытѣшеннымъ въ вытринахъ крупнѣйшихъ газетъ, проходила въ пятнадцати километрахъ восточнѣе Жекмена, Южнѣе Квебека и залибала затѣмъ къ Вельфасту въ штатъ Мэнъ. Бангоръ попалъ въ руки непріятеля, и теперь американскія войска опирались на шоссе, шедшее отъ Августы къ городку Армстронгу въ штатѣ Квебекъ. Этотъ участокъ фронта былъ протяженіемъ въ триста двадцать километровъ.

Сознанію американцевъ, былъ нанесенъ сокрушительный

ударъ. Мужчины съ содроганіемъ взирали на вывѣшенныя въ витринахъ сводки и линію фронта.

Ежечасно выходившія экстренныя телеграммы опромыгившими, кричащими буквами извѣщали о сильно преувеличенныхъ успѣхахъ американцевъ, но казенный успѣхъ не могъ никого успокоить. Паника продолжала расти.

Въ слѣдующіе пять мѣсяцевъ войны президентъ Смитъ призывалъ подъ знамена еще пять милліоновъ американцевъ. Страна заполнилась людьми, носившими походное снаряженіе. Но на каждого счастливица, которому было выдано обмундированіе цвѣта хаки, имѣлось по крайней мѣрѣ двое, продолжавшихъ носить штатское платье и ограничившихся лишь узенькой полоской защитнаго цвѣта на рукавѣ, свидѣтельствовавшей о томъ, что они зачислены въ ряды арміи.

Казармы были переполнены новобранцами до отказа, и повсюду чувствовался недостатокъ не только въ обмундированіи и въ снаряженіи, но и въ инструкторскихъ кадрахъ.

Большинство призванныхъ никогда въ жизни не держало въ рукахъ огнестрѣльнаго оружія, а въ распоряженіи правительства не имѣлось потребнаго количества ружей, и большей части новобранцевъ приходилось коротать время въ строевыхъ занятіяхъ и въ жизни солдатскихъ пѣсень.

Всѣ театральныя и концертныя помѣщенія были реквизированы для нуждъ арміи и превращены въ казармы. Въ нѣкоторыхъ городахъ для расквартированія войскъ были реквизированы тюрьмы.

На фронтѣ безпрестанно бросались эшелоны наполовину обученныхъ новобранцевъ. Они перебрасывались по направлению къ Орегону и Новой Мексикѣ, поступая въ распоряженіе командованія, использовавшаго ихъ для пополненія убыли на позиціяхъ.

Воинскій духъ въ потрепанныхъ красными американскихъ частяхъ заставлялъ желать много лучшаго. Всюду слышались утѣшки по адресу авіаціоннаго вѣдомства, не сумѣвшаго оградить армію отъ воздушныхъ атакъ непріятеля, и на снабженіе арміи, остро чувствовавшей недостатокъ въ боевыхъ припасахъ и въ продовольствіи.

— Ахъ, вы летчики! — презрительно протянулъ какой-то

лейтенантъ, котораго владѣлецъ отеля въ августѣ познакомилъ со Спидомъ Биннеемъ. — Я кое-что читалъ о васъ, летчикахъ, во Франціи. Тамъ вы занимались только тѣмъ, что распивали шампанское. А воевать вы предпочитали въ магазинахъ, десять лѣтъ спустя послѣ окончанія войны. Вотъ они, наши герои воздуха!

Единственные летчики, которыхъ мнѣ суждено было видѣть на фронтѣ, удирали отъ китайцевъ на югъ, не оказывая имъ сопротивленія.

Спидъ Бинней густо побагровѣлъ.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи вы правы, — признался онъ, — трудомъ овладѣвъ собою. — Вотъ уже три недѣли, какъ я не сидѣлъ въ аэропланѣ. Увы, ихъ больше у насъ не существуетъ.

— Что вы хотите сказать, признавая его правымъ лишь въ нѣкоторомъ отношеніи? — вмѣшался въ бесѣду владѣлецъ отеля, мистеръ Лайнъ. — Въ чемъ онъ неправъ? Почему наши летчики не способствуютъ нашей оборонѣ?

— Во всемъ виновата наша идиотская система, — отвѣтилъ Спидъ. — И поэтому нашъ воздушный флотъ болѣе не существуетъ. Каждый дивизионный командиръ на фронтѣ вправѣ былъ въпреоборавъ себя аэропланы для защиты своей дивизіи. Такъ было на сѣверѣ, такъ было и въ Новой Мексикѣ. И вотъ, поэтому намъ и приходилось терпѣть пораженія.

Въ Европѣ я имѣлъ возможность наблюдать, какъ дѣйствовали воздушныя силы Карахана. Онѣ уничтожали все, что имъ попадалось на пути. Онѣ добивались этого тѣмъ, что каждый командиръ отряда имѣлъ возможность проявить наступательную инициативу. Въ воздухѣ такъ же мало шансовъ выиграть сраженіе обороняясь, какъ и на сушѣ и на морѣ. Побѣда принадлежитъ тому, на чьей сторонѣ инициатива, и кто наноситъ сокрушительный ударъ.

Мы развѣяли наши воздушныя силы и превратили ихъ въ стаю голубей. Вы знаете, какова участь голубя, когда на него набрасывается коршунъ? Вотъ вамъ и результатъ — наши голуби погибли.

Но все же нѣкоторая часть американскихъ воздушныхъ

силь уцѣлѣла. Но ихъ берегли для активной операціи. 18 июня заголовки газетъ извѣстили населеніе объ этой новой тактикѣ слѣдующимъ образомъ:

„Воздушная эскадра Соединенныхъ Штатовъ бомбардируетъ Галифаксъ. Опромыный транспортъ красныхъ съ десятью тысячами тоннъ тринитроулола потопленъ. Разрушительные взрывы въ городѣ и въ гавани. Опромыныя человѣческія потери. Морской базы Карахана на Атлантическомъ океанѣ болѣе не существуетъ.“

Опубликованныя сообщенія сильно преувеличивали достигнутые результаты и умалчивали о томъ, что большая часть американской воздушной эскадры была уничтожена на обратномъ пути, подвергшись нападенію превосходящихъ силъ противника.

Ликование населенія по поводу одержаннаго надъ Галифаксомъ „успѣха“ оказалось очень непродолжительнымъ. Уже на слѣдующую ночь Караханъ отвѣтилъ на налетъ на Галифаксъ налетомъ на Бостонъ. Виснуей и я какъ разъ въ эту ночь находились въ этомъ городѣ, куда мы пріѣхали провѣдать родителей Уайтъ Доджа, жившихъ на Беконъ-Стритъ.

— Разрѣшите доложить вамъ, сэръ, — невозмутимо замѣтили дворецкій, обращаясь къ хозяину дома, — что мы только что сообщили о томъ, что по направленію къ городу летитъ непріятельская воздушная эскадра и что въ ближайшемъ будущемъ городъ подвергнется воздушной бомбардировкѣ.

Полиція сообщила по всѣмъ телефонамъ о тревогѣ и предложила потупить всѣ огни, не выходить на улицу и по возможности укрыться въ подвалахъ. —

— Хорошо, Ходжинсъ, — столь же невозмутимо отвѣтилъ дворецкому мистеръ Доджъ. — Позаботьтесь о томъ, чтобы въ подвалъ были снесены диванъ для миссисъ Доджъ. Для меня припасите кресло, чайникъ и настольную лампу. И не забудьте отнести въ погребъ вечернюю газету.

Мы посѣтили попрощаться со стариками и вышли на улицу.

По улицамъ проносились пожарные автомобили, наполняя

ихъ ревомъ сирени и тревожнымъ звономъ. Городъ погрузился во мракъ. Сотни людей стремительно бросались къ автомобилямъ, чтобы поскорѣе выбраться изъ города, но улицы были попружены во мракъ, и автомобили могли продвигаться лишь съ большимъ трудомъ. Кое-гдѣ произошли столкновенія.

Первая бомба красныхъ разорвалась недалеко отъ Паркъ-Стрита. Сотрясение воздуха было такъ сильно, что не только полетѣли всѣ стекла въ ближайшихъ кварталахъ, но и рухнули своды подземной желѣзной дороги.

Нападавшіе бросали внизъ ракеты, къ которымъ были притѣрѣлены маленькіе парашюты. Проектора, установленные на окраинахъ города, шарили по небу, пытались уловить снопами свѣта противника. А затѣмъ на городъ низринувшись смерть. Одна изъ бомбъ упала на дворъ Коппей-отеля, взорвалась, разрушила часть зданія и убила сто восемнадцать человѣкъ обитателей отеля.

Другая бомба разорвалась на крышѣ станціи подземной желѣзной дороги, — на станціи этой тщетно искали убѣжища три тысячи человѣкъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ были оглушены и убиты силой взрыва, а большая часть скопившихся тамъ людей погибла отъ послѣдовавшей за взрывомъ давки.

На густо населенные кварталы Чарльстона, Восточнаго и Южнаго Бостона бомбы сыпались десятками, и тамъ, гдѣ онѣ взрывались, вспыхивали пожары, довершавшіе разрушеніе, произведенное взрывами.

Одна изъ бомбъ обрушила въ груды обломковъ огромное зданіе издательскаго треста „Атенеумъ Прессъ“. Другая бомба разрушила Харвардскій стадіонъ.

Послѣ того, какъ бомбардировка прекратилась, Бостонъ облегченно вздохнулъ и приступилъ къ подсчетамъ своихъ потерь.

Тысячи любопытныхъ выползли изъ своихъ укромныхъ угловъ на заваленныя обломками улицы.

И тогда началась вторая бомбардировка. На этотъ разъ непріятельскій воздушный флотъ ринулся на городъ внезапно. Непріятельскіе аэропланы летѣли на очень большой высотѣ и спустились надъ городомъ съ приглушенными моторами.

Высыпавшее на улицы населеніе охватила дикая паника,

— все поспѣшили скрыться въ погребахъ, и туннеляхъ подземной желѣзной дороги. Одна изъ бомбъ повредила канализационную трубу, и восемьсотъ человекъ утонуло въ затопленных воднымъ потокомъ погребахъ. Слѣдующія бомбы разрушили газовыя трубы, и пожары довершили разрушеніе Чарльстона.

Нанесенный матеріальный ущербъ не имѣлъ особаго значенія; столь же сравнительно незначительны были нанесенныя разрушенія и въ стратегическомъ отношеніи, но гибель семи тысячъ человекъ заставила содрогнуться всю Америку. На правительство обрушился градъ упрековъ въ томъ, что американская дивизія оказалась безсильной оградить жизнь гражданъ.

Часть американскаго воздушнаго флота, состоявшая изъ пятидесяти четырехъ аэроплановъ, пыталась противостоятъ неприятельскому натиску и помѣшать воздушному налету, но вовлеченная въ бой съ превосходящими силами противника болѣею частью была уничтожена.

Лишь пятерыми пилотамъ удалось выбраться живыми изъ этой адской бойни.

Очень значительнымъ было то обстоятельство, что изъ огромнаго числа сброшенныхъ неприятелемъ бомбъ только три упали въ портъ. Широкіе слои публики не отдавали себѣ отчета въ значеніи этого факта. Караханъ отлично понималъ, что, пока американскій флотъ запертъ въ Мексиканскомъ заливѣ, портовые сооруженія не имѣютъ для Америки никакого значенія, и поэтому не хотѣлъ ихъ разрушать. Караханъ рассчитывалъ ихъ использовать для своихъ нуждъ.

Результатомъ бомбардировки Бостона явилось то, что собравшіеся на конгрессъ бургомистры и губернаторы всѣхъ штатовъ и городовъ спѣшно потребовали принятія мѣръ для обороны населенныхъ пунктовъ отъ воздушныхъ налетовъ неприятеля.

Но генеральный штабъ, не рискнувшій предоставить остаткамъ имѣвшимся въ его распоряженіи оборонительныхъ средствъ для нуждъ отдѣльныхъ городовъ подвергся ожесточеннымъ нападкамъ, и у президента Смита хватило достаточно гражданскаго мужества для того, чтобы прикрыть своимъ авторитетомъ препрѣшенія военныхъ властей.

Объяснить широкимъ кругамъ населенія, что остатки имѣвшихся средствъ должны были быть сохранены для охраны важнейшихъ пунктовъ страны, — то-есть для защиты пенсильванскихъ рудниковъ и копей, Ниагарской силсовой станціи и стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ — не представлялось возможнымъ.

Нынѣ въ распоряженіи Карахана были все порты и желѣзнодорожныя сооруженія Квебека, Галифакса и Сентъ-Джонса и имѣлась полная возможность продолжать наступленіе вдоль рѣки св. Лаврентія въ Восточный Мэнтъ. Рѣшительный ударъ наносился на канадскомъ направленіи.

Вскорѣ американскій и канадскій заслонъ почувствовалъ на себѣ сокрушительный напоръ неприяТЕЛЬСКИХЪ войскъ, продолжавшихъ тѣснить наши войска въ этомъ коридорѣ шестидесяти километровъ шириною.

Пути сообщенія въ тылу нашихъ отрядовъ безпрестанно подвергались воздушнымъ атакамъ. Фронтъ былъ прорванъ, и наши части принуждены были поддаться назадъ. Небольшія рѣчные суда, поднявшіеся вверхъ по рѣкѣ, обстрѣливали наши части съ тыла.

Отходъ нашего праваго фланга открылъ доступъ неприяТЕЛЬСКИМЪ силамъ къ озеру св. Петра. На югѣ наши войска отступили къ Шербруку, въ противномъ случаѣ нашъ лѣвый флангъ могъ быть отрѣзанъ отъ основныхъ силъ нашей арміи.

Нажимъ неприяТЕЛЯ въ направленіи на Мэнтъ нѣсколько ослабѣлъ, но все же онъ, поддержанный своей авіаціей, продолжалъ развѣрживать наступленіе.

Гражданское населеніе Августы поспѣшило спастись бѣгствомъ въ Левистонъ, и, послѣ дливнагося цѣлый день боя, красныя войска заняли главный городъ штата.

Потери американцевъ и канадцевъ были очень велики. Окопавшимся въ тылу передовыхъ позицій резервамъ не пришлось даже продвинуться впередъ на линію боя, — Караханъ продвинулъ линію боя къ нимъ. Канадцы оказывали ожесточенное сопротивленіе. Засѣвше съ пулеметами отряды, разстрѣлавъ все снаряды, переходили въ штыковой бой, тѣсно пытаясь противостоятъ въ неравной борьбѣ.

Теперь наступленіе Карахана развѣрживалось по обѣ сто-

роны от рѣки. Едва инженеры успѣли исправить желѣзные дороги, ведшія на западъ къ Монреалю, какъ повторные воздушные налеты снова привели ихъ въ негодность. Шоссе въ тылу американскихъ войскъ превратились въ рядъ опромыкнутыхъ воронокъ, лишившихъ возможности использовать эти дороги для сообщенія.

На утро 20 іюня передовые отряды красныхъ достигли Монреаля. Войскамъ Карахана, продвигавшимся вдоль Тихоокеанской дороги, удалось переправиться черезъ рѣки Оттаву и Бекъ, несмотря на то, что переправы обстрѣливались легкой франко-канадской артиллеріей.

Караханъ, лично руководившій переправой, использовалъ свои неисчислимыя авіаціонные резервы для созданія дымовой и газовой завѣсы, подъ прикрытіемъ которой ему и удалось совершить операцію. Красныя суда, находившіяся на рѣкѣ, бомбардировали Чемблей двадцатисагитметровыми снарядами. Артиллерійская дуэль разрушила до основанія университетъ Макъ-Гилла и госпиталь Викторіи. Сотни раненыхъ въ тщетныхъ попыткахъ спастись погибли.

Прежде чѣмъ защитники города отступили, они попытались, хотя и безуспѣшно, поджечь мастерскія Тихоокеанской дороги, артиллерія Карахана тщательно пыталась не вносить въ нихъ разрушеній.

Большинхъ результатовъ удалось добиться подрывными командами, взорвавшими плозы рѣки св. Лаврентія и надолго лишившимъ возможности плаванія по рѣкѣ.

Монреаль капитулировалъ 21 іюля послѣ обѣда — пять тысячъ канадцевъ и тысяча американцевъ попали въ плѣнъ.

Линія фронта отошла на юго-западъ по направленію къ рѣкѣ Ришелье — старой границѣ между Канадой и Вермонтомъ — къ городамъ Филиппсбургу и Ричфорду.

Въ теченіе тридцати шести дней ожесточеннѣйшихъ боевъ красные развернули свой фронтъ шириною въ 320 километровъ и продвинулись впередъ на 270 километровъ.

Американцы и канадцы отлично понимали, какимъ образомъ въ свое время нѣмцамъ удалось осуществить столь быстрое наступленіе въ Бельгіи, но для того, чтобы они поняли, что то

же самое могло осуществиться въ Канадѣ, имъ пришлось испытать ужасы войны на дѣлѣ.

Наши казенные оптимисты, отмѣчая, что наступленіе Карахана разворачивается въ Канадѣ медленно, чѣмъ прошлогоднее наступленіе его въ Европѣ, пытались изъ этого сдѣлать выводъ, что сопротивленіе, оказываемое американскими войсками, было упорнѣе сопротивленія, оказаннаго Европой. Впервые желтой лавинѣ суждено было встрѣтиться съ націей, свободной отъ классовыхъ противорѣчій.

Но въ слѣдующіе четыре мѣсяца и десять дней борьбы съ Караханомъ Америкѣ пришлось испытать больше обѣдъ и потрясеній, чѣмъ за всю исторію ея существованія. И несмотря на это, по мѣрѣ продвиженія Карахана росла и способность американцевъ къ сопротивленію, росъ ихъ воинскій духъ. Если американцамъ и не удалось приостановить продвиженіе Карахана, то во всякомъ случаѣ цѣною несчетнаго множества жизней удалось замедлить его наступленіе. Караханъ не сталъ выжидать въ Монреалѣ.

Въ то время, какъ тысячи военныхъ и гражданскихъ плѣнныхъ подъ присмотромъ желтыхъ надсмотрщиковъ работали надъ восстановленіемъ разрушенныхъ дорогъ и средствъ сообщенія, Караханъ использовалъ передешнюю въ его распоряженіе равнину южнѣе стъ Монреаля и продолжалъ наступать вдоль рѣки Ришелье.

Передовые отряды желтыхъ уже вторгались въ штаты Нью-Йоркъ и Вермонтъ. Американскія позиціи у Платтбурга не выдержали непріятельскаго натиска, и Сантъ-Альбаи и Милтонъ на берегу Вермонтскаго озера перешли въ руки непріятеля. Городъ Берлингтонъ въ штатѣ Вермонтъ подвергся ожесточенной воздушной бомбардировкѣ.

Монгольская кавалерія прорвалась въ тылъ и внесла разстройство въ ряды отступающихъ американскихъ войскъ. Въ ожесточенныхъ бояхъ эта кавалерія погибла до послѣдняго человека, но ей удалось задержать прибытіе американскихъ подкрѣпленій въ городъ Монпелье.

Попрежнему непріятель разрушалъ въ тылу американцевъ желѣзнодорожныя магистрали, — непріятельскіе летчики бомбардировали не только желѣзныя дороги, но и порты на по-

бережья. Съ фланговъ наступающія войска Карахана обстрѣливались засѣвшими въ горныхъ дѣбряхъ стрѣлками и пулеметчиками. Противъ этихъ смѣльчаковъ Караханъ выслалъ отряды своей кавалеріи. Дѣйствія непріятельской авіаціи лишили американцевъ возможности сконцентрировать свои войска и собрать ихъ въ болѣе мощную боевую единицу. Горы лишали возможности развернуть боевыя операціи, и война приняла характеръ партизанской войны, воскрешая въ современникахъ воспоминанія о „Косяномъ Чулкѣ“ и герояхъ Фенимора Купера.

Красный Наполеонъ рѣшилъ перебросить главныя силы на югъ, по ту сторону воднаго пути, въ свое время прозваннаго прожевами и могавками „Военной тропой народовъ“.

Этимъ путемъ въ свое время продвигались лиліи Бурбоновъ, этимъ же путемъ развертывалось нѣкогда наступленіе англичанъ, когда они полтора столѣтія тому назадъ сдѣлали попытку покорить молодую заокеанскую республику; путь этотъ сталъ для американцевъ неразрывно связаннымъ съ именами Старка, Роджерса, Пулнема. На этой дорогѣ пали безчисленныя количества американскихъ, англійскихъ, французскихъ, голландскихъ и краснокожихъ воиновъ, и снова повторялась исторія, — снова по этой дорогѣ струился потокъ завоевателей, объединившихъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ расъ міра.

На лѣвомъ флангѣ своего фронта Караханъ продолжалъ наступленіе. Его оборудованныя по послѣднему слову техники береговыя укрѣпленія могли противостоятъ любому нападению изъ моря. Потеря Америкой сѣверныхъ атлантическихъ портовъ, имавшихъ такую большую роль въ мировой торговлѣ хлѣбомъ, была болѣзненно воспринята общественнымъ мнѣніемъ. Несмотря на то, что американскимъ подводнымъ лодкамъ и удалось потопить нѣсколько транспортовъ и крейсеровъ Карахана, безспорнымъ оставалось то обстоятельство, что два дня спустя послѣ занятія портовъ Караханъ уже получилъ возможность высадить на территоріи штата Мэнъ большой десантъ. Построенныя по послѣднему слову техники желѣзо-бетонныя портовыя сооруженія оказались очень прочными, и попытка

американцевъ разрушить ихъ при отступленіи потерѣла неудачу.

На атлантическомъ побережьи американцамъ удалось добиться частичныхъ успѣховъ и южнѣе Портленда приостановить наступленіе противника, но и этотъ частичный успѣхъ не далъ возможности перейти въ контръ-наступленіе. Караханъ прочно держалъ въ своихъ рукахъ захваченную имъ желѣзнодорожную линію Портлендъ—Монреаль.

Страданія сѣверно обученныхъ, терпѣвшихъ недостатокъ въ снаряженіи и боевыхъ припасахъ, американскихъ солдатъ, мужественно пытавшихся противостоятъ наступленію Карахана, не поддаются описанію. Списки павшихъ въ бою подъ Саратогой были настолько ужасны и многочисленны, что правительство въ теченіе ряда мѣсяцевъ не рѣшалось опубликовать ихъ. Во время бои подъ Саратогой американцы неожиданно обрѣли двухъ союзниковъ. Выпавъ свѣтъ, и 30 ноября рѣка къ Лаврентіа замерзла, — тѣми самымъ Караханъ лишился своей главной водной артеріи, по которой развивалось его наступленіе. А во-вторыхъ, въ тылу его войскъ вспыхнула жестокая эпидемія инфлюэнцы.

Во всѣхъ церквахъ Америки по этому случаю возсылались благодарственные молитвы.

Но у Карахана въ Европѣ и въ Азій имѣлись неисчислимыя человѣческіе резервы, а незамерзавшіе въ теченіе всего года порты Галифаксъ и Сентъ-Джонсъ давали ему возможность продолжать переброску войскъ на американскій континентъ и зимою. Особенное значеніе для Карахана приобрѣла незамерзающая гавань Портлендъ. Но склады Портленда не смогли принять все количество потребнаго для четырехъ-милліонной экспедиціонной арміи Карахана боевого снаряженія.

Когда бои въ сѣверномъ направленіи отъ Нью-Йорка нѣсколько утихли, американскія войска заняли позиціи по линіи озера Онтаріо, безчисленнаго множества островковъ на этомъ озерѣ и долины Черной Рѣки—до Гудзона. Въ западной части штата Нью-Йоркъ опорными пунктами американцевъ были Сиракузы, Альбани и Утика. Города эти подверглись воздушнымъ налетамъ, но линія фронта продолжала находиться къ

северу от этих городов, и последние находились вне зоны обстрела неприятельской артиллерии.

Северные Бостона позиции американцев подверглись нападению со стороны флангов, и американцы были принуждены податься назад под угрозой обхода. Карахань отлично отдавал себе отчет в создавшемся положении. Он усилил свои войска флотилией, находившейся в Портленде, послал на участки фронта у Атлантического океана сибирские части, привыкшие к морозам, и начал наступление, завершившееся в ночь на Рождество в 1934 году занятіем Бостона.

Америка не могла остановить его наступления. Генеральный штаб в Вашингтоне полагал, что гораздо важнее защитить Нью-Йорк, подвергавшийся старым культурными центром, каким являлся Бостон.

Наступление Карахана от Монреаля на Саратогу длилось тридцать два дня. За этот срок Карахань продвинулся на 320 километров.

На долю Америки выпало безрадостное Рождество. С трех сторон неприятель вторгся в страну — Новая Англия была захвачена, и враг угрожал промышленному сердцу страны — угольному району Пенсильвании.

Восемь миллионов американцев были призваны в армию. Пять миллионов американцев находились на канадском фронте. На западе, — в Орегоне два миллиона американцев пытались остановить желтую лавину, несшуюся с Тихого Океана. И наконец один миллион бойцов защищал подступы с суши к Мексиканскому заливу.

Виктор после Нового Года в Нью-Йорке прибыл Уайт Додж. Явившись ко мне в „Нью-Вестерли-Отель“, он напутал меня следующим сообщением:

— Марго находится в Америке, — сказал он.

— Откуда вам об этом известно? — спросил я.

— Два недели тому назад я высадился на ирландском побережье в Боунтри Бай, где находится со времени начала похода жена Карахана. Этот желтый дьявол все еще не желает видеть свою жену. Лини обещала ему не беспокоить его при условии, что он позволит ей и Марго уехать в Америку. Она просила разрешения отправиться в Портленд,

потому что ее очень беспокоила судьба ее родителей, проживавших где-то на севере от Бостона. Карахань позволил ей отправиться в Америку. Несмотря на то, что он не питает к ней никаких чувств, он не мог отказать себе в тщеславном желании позволить ей познакомиться с его действиями. Когда я разыскал их, они готовились к отъезду. Я подробнейшим образом описал им один из пунктов на побережье, служащий базой для наших подводных лодок, и там мы должны встретиться через пять ночей.

— Но откуда они смогут узнать, в какую ночь вы явитесь за ними? — спросил я.

— В этом вы мне можете, — ответил Додж. — Она будет в Портленде принимать сообщения по радио, и вы прибываете к помощи нашего старого шифра. В передаваемом по радио сообщении незамысловато вставьте и наше сообщение. Она будет стенографировать всю передачу, а потом расшифрует ее.

— Уайт, это чертовски опасная затея. Если она обнаружится, то вам не добровольно!

— Я знаю, — сказал Додж. — Но вот уже год, как она витает между жизнью и смертью. Ведь я был лишь ее курьером. Сообщения ее об организации английской промышленности и внутренней политике Карахана были самыми важными сообщениями, которые Вашингтону удалось получить из неприятельского лагеря. Марго отдаст себе отчет в том, какой она подвергается опасности, что она знает, что другого исхода нет.

Послание Марго, которое мне удалось включить в разсылаемые по радио сообщения, гласило:

„БУХТА ГРЕЯ, ПОЛНОЧЬ, 7 ЯНВАРЯ.“

В течение следующих пяти дней сообщение это передавалось ежедневно.

Озабоченный всем происходящим, я с трепетом ожидал до середины января возвращения Уайта Доджа из Нью-

Горкѣ. Получила ли Марго Дениссонъ мое сообщеніе и удалась ли его опасная авантюра? Удался ли ему безпрепятственно проникнуть въ тылъ непріятельскаго расположенія?

Удался ли американской подводной лодкѣ незамѣтно пробраться къ побережью, сумѣли ли Уайтъ высадиться на берегъ и затѣмъ снова возвратиться на лодку?

Для того, чтобы хоть нѣсколько забыться, я попытался съ головою уйти въ изученіе положенія на материкѣ. Были ли мы подготовлены къ весеннему возобновленію военныхъ дѣйствій? Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что съ наступленіемъ весны Караханъ начнетъ развѣивать операциі на нѣсколькихъ фронтахъ: и въ Новой Англіи, и на Тихоокеанскомъ побережьи, и у Мексиканскаго залива.

На территоріи Соединенныхъ Штатовъ отнынѣ находились двѣ непріятельскія арміи общей численностью до шести милліоновъ человѣкъ. Однако это обстоятельство особаго вниманія нашихъ южно-американскихъ сосѣдей не привлекало.

Со дня начала войны въ Америкѣ въ распоряженіе Карахана перешли главнѣйшіе южно-американскіе порты, какъ-то: Ріо-де-Жанейро, Буэнос-Айресъ, Вальпарайзо и рядъ болѣе мелкихъ.

Разрозненныя боевыя единицы чилийскаго, аргентинскаго и бразильскаго флотовъ попытались оказать сопротивленіе флоту Карахана и были разгромлены. Лишь двумя чилийскими крейсерами, одному аргентинскому крейсеру и одному бразильскому броненосцу удалось избѣжать печальной участи остальныхъ судовъ и прорваться въ Мексиканскій заливъ и присоединиться къ флоту Соединенныхъ Штатовъ.

Овладевъ южно-американскими портами, Караханъ гарантировалъ себѣ бесперебойный подвозъ сырья для нуждъ своей европейской и азіатской промышленности, — особое значеніе имѣло то обстоятельство, что отнынѣ боливійскій свинецъ находился въ распоряженіи Карахана. Для Соединенныхъ Штатовъ это было тяжелымъ ударомъ.

Южно-американскія государства, до сего времени обслуживавшіяся американской промышленностью, теперь принуждены были ввозить рядъ промышленныхъ издѣлій изъ Европы и цѣлкомъ подчиниться волѣ Карахана. Сопротивленіе было

бы безполезнымъ, ибо Караханъ безраздѣльно властвовалъ надъ морями.

Отношенія между Канадой и Соединенными Штатами, на первыхъ порахъ носившія натянутый характеръ въ связи съ происшедшими пограничными инцидентами, наладились: единство интересовъ обоихъ государствъ заставило ихъ сплотиться, несмотря на различіе ихъ политическихъ системъ. Эдуардъ VIII, сынъ покойнаго короля Георга V, въ свое время столь популярный принцъ Уэльскій, послѣ паденія Оттавы переехалъ въ Вашингтонъ. Туда же прибылъ рядъ европейскихъ монарховъ, лишившихся троновъ. Присутствіе этихъ коронованныхъ особъ въ Вашингтонѣ было использовано въ цѣляхъ пропаганды и для привлеченія въ ряды арміи множества бѣженцевъ изъ Европы, наводнившихъ Америку. Подъ руководствомъ американскаго командованія были сформированы англійскіе, французскіе, нѣмецкіе и скандинавскіе иностранные легіоны, увѣнчавшіе себя славою, сражаясь бокъ-о-бокъ съ американскими войсками.

Но вскорѣ популярности Эдуарда въ Вашингтонѣ пришелъ конецъ. Красное командованіе опубликовало по радіо секретныя документы, попавшіеся ему въ руки при занятіи Лондона. Непріятельское сообщеніе гласило:

„Рѣчи бывшаго англійскаго короля и японскаго монарха, соизволившихъ, какъ сообщаетъ американская радіостанція, обратиться къ Америкѣ съ призывомъ воевать противъ Панъ-евразійскаго Союза, пріобрѣтаютъ особую значимость при ознакомленіи съ секретными документами, обнаруженными въ японскомъ и англійскомъ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ.

Рѣчь идетъ о копіи секретнаго договора между Великобританіей и Японіей, предусматривающаго возможность войны одной изъ этихъ державъ съ Соединенными Штатами. Въ случаѣ конфликта съ Америкой обѣ договаривающіяся стороны обязуются совместно выступить противъ Америки. Тайный договоръ предусматриваетъ англійское вторженіе въ Америку черезъ Монреаль и высадку японскихъ войскъ на Тихоокеанскомъ побережьи. Одновременно съ походомъ черезъ Канаду на Вашингтонъ объединенныя воздушныя силы Японіи и Англіи совершаютъ налетъ на Панамскій каналъ.

Военное ведомство красныхъ получило въ свои руки разработанные до мельчайшихъ деталей планы вторженія въ Соединенные Штаты и проекты уничтоженія американскаго морскаго флота, и Карахану пришлось лишь внести въ эти планы рядъ незначительныхъ измѣненій. Вторженіе въ Соединенные Штаты осуществилось на основѣ военныхъ плановъ обоихъ монарховъ, имѣя въ виду пользующихся гостепріимствомъ Вашингтонскаго правительства.

Наконецъ-то, 15 января моему безпокойству за судьбы Уайта Доджа и Марго Дениссонъ наступилъ конецъ: ко мнѣ, по обыкновенію своему улыбаясь, вошелъ молодой морякъ и сказалъ:

— Все въ порядкѣ! Никто не прослѣдилъ насъ, и я добрался на лодкѣ до берега и засталъ Марго въ условленномъ мѣстѣ. Мы провели вмѣстѣ цѣлый часъ. Она на самомъ дѣлѣ исключительная дѣвушка!

Караханъ помѣстилъ Линъ и Марго въ маленькомъ заброшенномъ коттеджѣ на берегу озера Себаго. Онѣ выправѣ свободно передвигаться и въ ихъ распоряженіи имѣется даже небольшая автомобиль. Къ условленному мѣсту она прибыла въ автомобилѣ съ притушенными изъ предосторожности огнями.

Линъ разыскала своихъ родителей въ Салемѣ, въ штатѣ Массачусетсъ и на этой недѣлѣ переѣдетъ къ нимъ вмѣстѣ съ Марго. Я стоворился съ нею о томъ, чтобы встрѣтиться снова въ одномъ изъ пустынныхъ уголковъ побережья — а именно между Салемомъ и Глочестеромъ, у такъ называемой Скалы Омаровъ. Въ дѣлствѣ я тамъ ловить этихъ гигантскихъ раковъ.

— Караханъ уже видѣлъ Марго? — спросилъ я. Меня заботило это обстоятельство, и я хотѣлъ его выяснитъ для Сиды Биннея.

— Хвала Богу, нѣтъ, — отвѣтилъ Доджъ. — Желтый дьяволъ не видѣлъ ни ее, ни Линъ. Похоже на то, что ему доставляетъ радость терзать свою жену. Вы вѣдь знаете, что прежде чѣмъ разрѣшить ей пріѣхать въ Америку, онъ взялъ съ нея слово, что она не станетъ безпокоить его въ ставкѣ. Надѣюсь, онъ никогда не увидитъ Марго.

— Но кто находится тамъ съ ними? Неужели онѣ живутъ тамъ въ полномъ одиночествѣ?

— Съ ними тамъ находится вашъ многогрѣшный пріятель полковникъ Бойеръ. Онъ болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденъ въ успѣхѣхъ плановъ Карахана. Иногда онъ бываетъ въ ставкѣ и тогда сопровождаетъ верхомъ Карахана на его утренней прогулкѣ. Онъ рассказалъ очень много любопытнаго о весеннемъ планѣ кампаніи, и Марго все приняла къ свѣдѣнію и сообщила мнѣ. Еще сегодня вечеромъ я сообщу обо всемъ нашему генеральному штабу.

На долю Нью-Йорка, Балтимора, Вашингтона и Филадельфіи выпадутъ ужасные воздушные налеты и бомбардировки. Главный ударъ Караханъ готовитъ въ западномъ отъ Гудзона направленіи. Марго предполагаетъ, что онъ попытается прорвать нашъ фронтъ, прикрывающій каналъ Эри.

Во что бы то ни стало они хотятъ овладѣть рудниками и копями Пенсильванскаго района. Срокъ начала наступленія еще не опредѣленъ, потому что онъ принужденъ выжидать, пока не вскрыется рѣка св. Лаврентія. —

И словно въ подтвержденіе правильности информации Марго, въ ту же ночь Филадельфія стала жертвой ужаснаго воздушнаго налета.

На слѣдующую ночь непріятельскій воздушный флотъ подвергъ трехчасовой бомбардировкѣ Вашингтонъ. Если число человеческихъ жертвъ и было не особенно велико, то снаряды разрушили рядъ общественныхъ зданій и нанесли большой ущербъ желѣзнодорожному сообщенію. Тутъ же за налетомъ на столицу Соединенныхъ Штатовъ, не подвергавшуюся нападенію со времени 1814 года, когда англичане сожгли городъ, послѣдовалъ приказъ объ эвакуаціи и перенесеніи столицы въ штатъ Миссури, въ Сентъ-Луи.

Когда я возвратился черезъ три года послѣ окончанія войны въ Вашингтонъ, я засталъ въ этомъ городѣ, нѣкогда имѣвшемъ 540 тысячъ жителей, всего лишь десять тысячъ обитателей. Вашингтонъ, бывшій исключительно административно-политическимъ центромъ и не имѣвшій ни культурнаго, ни промышленнаго значенія, опустѣлъ и превратился въ маленький городокъ.

Караханъ намѣтилъ днемъ начала весенней кампаніи 21 апрѣля. На разсвѣтѣ 21 апрѣля 1935 года артиллерія Кара-

хана открыла на протяжении всего фронта сокрушительный артиллерийский огонь, за которым послѣдовала воздушная бомбардировка.

И въ то же самое мгновеніе желтые войска Карахана возобновили штурмъ американскихъ позицій на тихоокеанскомъ побережьи. Одновременно съ этимъ на югѣ цѣлѣныя войска возобновили попытки пробиться съ суши къ Мексиканскому заливу.

Возобновленіе операцій на всѣхъ трехъ фронтахъ военныхъ дѣйствій имѣло своею цѣлью внести смятеніе въ ряды американскаго командованія и затруднить ему выясненіе того, на какомъ именно изъ этихъ трехъ фронтовъ будетъ нанесенъ рѣшающій ударъ.

Карахану удалось бы скрыть свои подлинныя намѣренія, если бы Марго Дениссонъ не проникла въ его планы. Предупрежденное ею американское командованіе сконцентрировало всѣ свободныя силы на фронтѣ озера Эри, готовясь отразить напоръ монгольскаго полководца.

Въ теченіе трехъ послѣднихъ зимнихъ мѣсяцевъ американцы лихорадочно работали надъ укрѣпленіемъ своихъ позицій, и огненный американскій фронтъ являлся послѣднимъ барьеромъ, отдѣлявшимъ наступавшихъ отъ промышленнаго сердца страны.

Глубокіе подземные коридоры, крытые бетономъ, соединяли четыре линіи укрѣпленій и открывали возможность планомерно отступить въ случаѣ необходимости очистить одну изъ оборонительныхъ линій. На этотъ участокъ фронта была переброшена вся артиллерія, которую можно было безъ особаго ущерба снять съ остальныхъ фронтовъ.

Несмотря на то, что американская авіація подвергалась реорганизации, Караханъ все еще сохранялъ за собою преобладаніе въ воздухѣ, и дѣйствія американскихъ летчиковъ ограничивались лишь несеніемъ воздушной развѣдывательной службы, по возможности не входя въ соприкосновеніе съ непріятельскими воздушными силами.

„Чикаго Трибюнъ“ удалось предоставить въ мое распоряженіе аэропланъ, и въ качествѣ летчика ко мнѣ былъ прикомандированъ, по моимъ настояніямъ, мой старый пріятель

Спидъ Бинней, негодовавшій на меня за то, что я своимъ ходатайствомъ повлекъ его отозваніе съ фронта.

Разумѣется, нашъ аэропланъ, не причисленный къ военной авіаціи, долженъ былъ остаться безоружнымъ. На крыльяхъ нашего аэроплана красовались огромные красные инициалы на зеленомъ полѣ. Разумѣется, мы не были столь наивны, чтобы полагать, что непріятель не осмѣлится изъ уваженія къ международнымъ законамъ веденія войны напасть на насъ, но все же оказалось, что непріятельскіе авіаторы слѣдовали этимъ правиламъ съ поразительной точностью.

Начало весенней кампаніи возложило на меня новыя обязанности. Отнынѣ я былъ не только военнымъ корреспондентомъ, но и несъ радиослужбу. Нашъ аэропланъ былъ снабженъ небольшою радиостанціей, и я регулярно посылалъ по радио сообщенія, принимавшіяся ставкой нашей новоанглійской арміи, во главѣ которой стоялъ Френсисъ Х. Меллинсъ.

Радиостанція ставки принимала мои сообщенія, которые я диктовалъ въ микрофонъ, установленный на аэропланѣ, и затѣмъ передавала по всей радиосѣти страны.

Пегги Стенли, стенографистка, работавшая въ бюро отца Спиды, слушала мои сообщенія, стенографировала ихъ и затѣмъ присылала мнѣ копію моего сообщенія для проверки. Такъ какъ рѣчь въ сообщеніяхъ шла о военныхъ событіяхъ первостепенной важности, то я позволю себѣ привести отрывокъ изъ одного моего сообщенія, извинившись за его краткость.

„У микрофона Флоръдъ Гиббонсъ. Нахожусь на наблюдательномъ аппаратѣ „Чикаго Трибюнъ“, прикомандированомъ къ западному фронту. Мы летимъ на высотѣ трехъ тысячъ метровъ, курсъ взять на западъ отъ Шенактеди. На этой высотѣ очень холодно, и туманъ препятствуетъ наблюденіямъ. Въ горахъ, въ тылу непріятеля еще лежитъ снѣгъ.

Артиллерійская дуэль вотъ уже два дня длится съ неослабвующей силой. На востокѣ надъ какимъ-то населеннымъ пунктомъ виднѣется большое дымчатое облако. Это — Мальта. Городъ находится въ рукахъ красныхъ. Южнѣе отъ Мальты большой пожаръ.

Огонь неприятельской артиллерии не ослабевает ни на минуту. Повидимому, красные сконцентрировали свои силы именно на этомъ участкѣ фронта. Дээз... Вы слышали?... Не знаю, какъ вамъ понравился этотъ звукъ, но во мнѣ онъ никакихъ пріятныхъ чувствъ не вызвалъ. Это пролетѣла граната, выпущенная однимъ изъ американскихъ зенитныхъ орудій. Спидъ Бинней, сидящій у руля аэроплана, утверждаетъ, что она пролетѣла, какъ проносящійся по улицѣ трамвай.

Спидъ заставилъ аэропланъ снизиться, и теперь мы находимся внѣ предѣловъ досягаемости для американскихъ орудій. Если мое сообщеніе неожиданно оборвется, то это будетъ означать, что одна изъ гранатъ достигла своей цѣли.

Надѣво отъ меня я вижу тонкую полосу канала Эри. Мы летимъ по направленію къ каналу. Спидъ Бинней тщательно слѣдитъ по сторонамъ, не появится ли неприятельскій аэропланъ. Нашъ аэропланъ безоруженъ. Мы беремъ курсъ на сѣверъ.

На одномъ изъ участковъ фронта — недалеко отъ американскаго расположенія — вздымаются столбы дыма и земли. Широкая полоса проволоочныхъ загражденій окаймляютъ этотъ участокъ. Я беру бинокль — теперь я смогу разглядѣть, что тамъ происходитъ.

Здѣсь неприятель перешелъ въ наступленіе. Тщетно пытаются онъ пробиться сквозь загражденія. Безпрестанно ложатся здѣсь снаряды. Порой дымъ разбивается, и картина боя проясняется, чтобы черезъ мгновеніе все снова заволокло дымомъ.

Мы летимъ назадъ. Спидъ Бинней повернулъ и развилъ полную скорость.... Одно мгновеніе... на горизонтѣ показались аэропланы красныхъ, — они приближаются къ намъ справа. Мы спѣшимъ улетѣть.

Я очень сожалѣю, что мнѣ не пришлось дальше наблюдать за сраженіемъ — отсюда я съ трудомъ различаю проволоочныя загражденія. На нихъ повисли тѣла желтыхъ — наши ребята удержали позиціи. Но желтые повторяютъ атаку. Я знаю, они не откажутся отъ своего замысла — я наблюдалъ за Караханомъ во время боевъ въ Европѣ и знаю — онъ броситъ въ

объятія смерти десятки тысячъ своихъ людей, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли.

Мы летимъ надъ Сентъ-Джонсвиллемъ. Кажется, это Сентъ-Джонсвилль, — но онъ весь разрушенъ. Или это Ричмондъ? Надѣюсь, вы можете слѣдить за нашимъ полетомъ по картѣ? Мнѣ нѣсколько затруднительно установить наше мѣсто-нахожденіе — въ воздухѣ это не такъ-то просто. Для того, чтобы ориентироваться, я долженъ смотрѣть на каналъ Эри. Теперь мы взяли курсъ на западъ.

Подъ нами горитъ какой-то городъ — это, если я не ошибаюсь, Миддлвилль. Около лѣса я вижу вспышки неприятельскихъ батарей. Въ Миддлвиллѣ творится нѣчто ужасное. Городъ окутанъ дымомъ и пламенемъ. Одну минуту... Бинней переключитъ курсъ, и я не могу ориентироваться. Я сейчасъ попытаюсь установить по картѣ, гдѣ именно мы находимся. Теперь мы летимъ на югъ... нѣтъ, на юго-востокъ. Справа отъ себя я вижу исполинскіе столбы пламени. Слышите ли вы шумъ моторовъ? Бинней заставляетъ аппаратъ снизиться — мы выпрыгиваемъ на скорости. Слышите ли вы завываніе вѣтра?

На опушкѣ лѣса подлѣ нами возведены земляныя укрѣпленія. Я вижу вспышки орудій — это американская артиллерія. Теперь мы находимся въ пылу нашего расположенія. Наши батареи въ лѣсу открываютъ частый огонь. Я не могу разобрать, куда онъ стрѣляетъ, да если бы я даже и зналъ это, то все же не былъ бы вправѣ сообщить объ этомъ.

Мы летимъ на востокъ. Спидъ кивнулъ головой. Совершенно вѣрно, — мы вторично направляемся на фронтъ. Мы пролетаемъ надъ каналомъ — далеко за неприятельскимъ расположеніемъ, за горами блеснула узкая полоска воды. Разрѣшите, я взгляну на карту и опредѣлю, гдѣ мы находимся. Совершенно вѣрно, эта полоска воды озера Хенклей. Я предложу бы своимъ слушателямъ послѣдовать моему примѣру и также взглянуть на карту. Теперь передо мною снова проволоочныя загражденія... красные... неприятель... подождите... позиція прована... теперь я вижу..."

На этомъ стенограмма моего сообщенія неожиданно оборвалась. Причиной столь неожиданнаго перерыва въ моемъ сообщеніи явился рѣзкій толчокъ — нашъ аппаратъ стремитель-

но взял в сторону, чтобы избѣгнуть столкновѣнія съ непріятельскимъ аэропланомъ, открывшимъ по нашему аэроплану пулеметный огонь.

Послѣ ряда стремительныхъ эволюцій Биннее удалось избавиться отъ преслѣдователя, и мы спаслись улетѣвъ на югъ.

Впослѣдствіи просматривая стенограммы своихъ сообщений, я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что мои послѣдовавшія послѣ этой встрѣчи съ непріятельскимъ летчикомъ сообщенія ничѣмъ не отличались отъ предыдущаго — я не утратилъ спокойствія и способности связно излагать происходящее.

Примерно, дважды въ недѣлю мы предпринимали полеты надъ непріятельскимъ расположеніемъ, и я описывалъ по радио происходившія сраженія. Въ дальнѣйшемъ непріятельскіе летчики на насъ не нападали, и я изъ этого сдѣлалъ выводъ, что мои сообщенія по радио достигли слуха не только нашихъ станцій, но были услышаны и непріателемъ. Повидимому, штабъ Карахана распорядился не чинить препятствій моей корреспондентской дѣятельности въ воздухѣ.

А я со своей стороны былъ достаточно предусмотрителенъ и въ своихъ сообщеніяхъ не упоминалъ ни о чемъ, что могло бы имѣть какое-нибудь стратегическое значеніе для непріятеля.

Тѣмъ не менѣе мы рѣшили не искушать судьбы и при появленіи непріятельскихъ боевыхъ аэроплановъ сгнѣли улетѣть въ свое расположеніе. Май и іюнь мѣсяцы явились мѣсяцами ожесточеннѣйшихъ боевъ. Количество извергнутаго непріятельскими батареями металла и взрывчатыхъ веществъ превосходило любыя количества, фигурировавшія во всѣхъ предшествующихъ войнахъ и сраженіяхъ. Воздушныя силы противника непрерывно разрушали важнѣйшія стратегическія желѣзныя дороги, и тутъ же эти дороги снова восстанавливались тысячами рабочихъ рукъ, — безчисленное количество инженерныхъ частей было размѣщено вдоль желѣзныхъ дорогъ и шоссе, и тутъ же послѣ того, какъ непріятельскіе аэропланы, завершивъ свое разрушительное дѣло, скрывались за горизонтомъ, наши отряды принимались за возстановленіе разрушеннаго. Въ силу этого сообщеніе съ фронтомъ не прерывалось, что имѣло для насъ огромное значеніе.

Въ нѣкоторыхъ направленіяхъ желтымъ удалось добиться частичныхъ успѣховъ, — такъ, у Уатертоуна имъ удалось продвинуться въ направленіи къ каналу Эри, но на флангахъ наши позиціи устояли, и подъ перекрестнымъ огнемъ желтымъ снѣ пришлось отойти назадъ.

При этомъ американцы понесли большія потери, но убить въ личномъ составѣ была все же меньше, чѣмъ у противника, уложившаго въ этихъ бояхъ сотни тысячъ людей. По мѣрѣ того, какъ наши позиціи оказывали сопротивленіе упорному натиску Карахана, настроеніе въ тылу становилось все болѣе и болѣе бодрымъ.

Американскій фронтъ сталъ устойчивымъ — таранъ Карахана не достигъ своей цѣли. Впослѣдствіи стратеги и тактики объясняли неудачу Карахановскаго плана его честолюбіемъ и самонадѣянностью. Имѣвшіеся въ его распоряженіи коммуникаціонныя пути были слишкомъ недостаточны для того, чтобы онъ могъ, при помощи ихъ, перебросить на фронтъ все то количество людей и снаряженія, которое было необходимо для его напора.

Въ день празднованія 4 іюля населеніе настроилось на оптимистическій ладъ. вмѣстѣ съ Биннеемъ я провелъ этотъ день у его родителей, проживавшихъ въ Сентъ-Луи, ставшемъ столицей государства.

— У нашего Аль Смита есть еще мозги въ головѣ, — замѣтилъ восторженно старикъ Бинней, — то обстоятельство, что онъ назначилъ бывшаго президента Соединенныхъ Штатовъ Гувера предсѣдателемъ военно-промышленнаго комитета, очень ловкій политическій ходъ. Къ тому же Гуверъ единственный человекъ, который въ состояніи реорганизовать нашу промышленность и вывести ее изъ тупика.

Онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сырье поступало только въ тѣ отрасли промышленности, которыя работаютъ на оборону. Проведенная имъ типизація ускорила темпъ производства и избавила его отъ большого количества совершенно лишней работы. Совершенно изумительны его доспѣки въ дѣлѣ замѣны недостающаго намъ сырья, какъ-то: резины, свинца, никкеля — другими веществами.

Что было бы с нами в это лето, если бы не проведенная им система реорганизации, при которой ряд производств из крупных промышленных центров был перенесен в сельские местности, и промышленность таким образом не была бы децентрализована, если бы система снабжения ее электрической энергией не подвергалась бы реорганизации? После очередного воздушного налета, разрушившего нашу силовую станцию у водопада Ниагара, и Эдиссоновскую станцию, нам пришлось лишь переключить все предприятия на другие станции, и приток энергии возобновился. Наша промышленность работает усиленным темпом и теперь в нашем распоряжении снова имеется большое количество аэропланов.

— Я что-то не замечал их на фронте, — замечил сын.

— Заткни глотку! — прикрикнул на него старик. — Ты воображаешь, что можешь судить по своему участку обо всем, что происходит на фронтах. В свое время, когда я сражался во Франции, я воображал то же самое. Подожди, не пройдет лето, как все динамомитны на всех фермах и во всех поселках будут работать на оборону, — производить военное снаряжение, аэропланные части, одним словом все, что может потребоваться для ведения войны.

Авиация Карахана может взорвать Питтсбург и Цинциннати, они могут разрушить крупные центры, в которых сконцентрирована наша промышленность, но они не в состоянии подорвать деятельность всей страны. Гуверовская децентрализация промышленности с превращением каждой фермы в небольшую фабричку, работающую на оборону, единственный исход для нас.

Мы изготавливаем на различных фермах аэропланные части. Ночью в глубоком тылу из этих частей собираются моторы и аэропланы, а на утро они вылетают на фронт.

Карахан не может ежедневно бомбардировать все фермы. Если его силы разрушат какую-нибудь ферму, то тут же производство возобновляется на другой ферме. Теперь он больше, чем когда-либо, сосредоточил свое внимание на воздушных бомбардировках — мы еще не выполнили Гуверовской про-

граммы, но как только нам удастся ее выполнить, этому желтому дьяволу придется признать, что мы еще живы.

— Ты прав, отец, — замечила миссис Баяней, — а теперь послушайте, что делаем мы, женщины. Мы больше не шьем носков и не шьем сорочек. Эти времена прошли. Я стою надсмотрщицей на погрузке угля. В моем распоряжении имеется четыреста женщин, и мы ежедневно погружаем триста вагонов и двадцать две баржи с углем. Теперь вам придется признать, что и мы, женщины, кое-что сделали для спасения страны.

Но оптимизм американцев был несколько чрезмерен. Темному артиллерийская дуэль на Нью-Йоркском участке фронта ослабла, и 20 июля на восточном участке фронта около Гудзона Карахан перешел к решительным действиям.

Он сосредоточил на этом участке большие количества полевой артиллерии — у американцев были прекрасные бетонированные позиции, но чувствовался недостаток в артиллерии. Все, что можно было, американцы перебросили на западный фронт, где Карахан ранее развил ожесточенный огонь.

Неожиданное перенесение инициативы на восточный участок фронта дало ему значительный перевес в силах. Карахан повел наступление на юг в двух направлениях: во-первых, между рекою Гудзон и Беркшайрскими горами, во-вторых, вдоль реки Коннектикут. Сосредоточив на этих двух направлениях основные силы, он начал свое неудержимое наступление на Нью-Йорк.

Воздушные силы Карахана, не встретив сопротивления, взорвали немногочисленные мосты, перекинутые через Гудзон между Альбани и Нью-Йорком, и тем самым затруднили переброску подкреплений с фронта канала Эри на Нью-Йоркский участок фронта.

Теперь все переброски должны были совершаться круглым путем через Нью-Йорк.

После ожесточенных пятидневных боев Карахану удалось сломить сопротивление, и, несмотря на ожесточенный огонь американской полевой артиллерии, продвинуться вперед в направлении на Нью-Йорк.

Передовые его отряды достигли важного узлового пункта, заняли станцію Четемъ въ штатѣ Колумбій, продвинулись по дорогѣ на Бостонъ и захватили городъ Гудзонъ.

Въ Коннектикутѣ врагъ занялъ разрушенный до основанія Норттемптоунъ, а черезъ недѣлю американцамъ пришлось прекратить тщетное сопротивление и оттянуть свои войска къ югу. Теперь не представлялось возможнымъ удержать линію фронта, и все свидѣтельствовало о томъ, что Карахану удастся осуществить свой планъ и достичь конечнаго пункта своего наступленія. Поэтому американское командованіе приступило къ эвакуаціи восточнаго Массачузетса и къ отступленію (пользуясь прибрежными желѣзными дорогами) на Коннектикутъ. Наступленіе было проведено Караханомъ блестяще, и приходилось воздать должное силѣ, стремительности и неожиданности, съ какими онъ выполнилъ свой планъ.

Спиду Виннею и мнѣ пришлось быть свидѣтелями этого ужаснаго отступленія, — мы были свидѣтелями бѣгства на югъ американскихъ женщинъ и дѣтей, на сей разъ то были уже не западцы, а граждане Соединенныхъ Штатовъ. Дороги были забиты бѣженцами, задыхавшимися въ облакахъ пыли. Какъ на зло, стояли жаркіе июльскіе дни, — желѣзныя дороги были разрушены, телефонное и телеграфное сообщеніе прервано — то были полный разгромъ.

Нѣсколько тысячъ американскихъ солдатъ и мирныхъ гражданъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ орудій и военного снаряженія, попали въ руки врага.

Подрывные отряды работали непрерывно — они взрывали при отступленіи фабрики и склады, поджигали силовые станціи, разрушали желѣзнодорожные сооруженія и мосты. Но желтыя войска наступали съ такою быстротой, что многое попадало въ ихъ руки и избѣгало уничтоженія. И все же стоимость того, что погибло въ огнѣ, не поддается исчисленію.

Флангъ войскъ Карахана, ушавшійся въ море, попалъ подъ обстрѣлъ тяжелой береговой артиллеріи, но даже она оказалась безсильной задержать желтую лавину. Одинъ за другимъ пали Путнэмъ, Норвичъ и Нью-Лондонъ. Затѣмъ непріятель занялъ Миддлетоунъ, Уотербурри сгорѣлъ до тла, а его населеніе тщетно пыталось пробраться на югъ — красные от-

ряды обошли городъ и отрубали его отъ американскаго расположения.

При дальнѣйшемъ продвиженіи Караханъ лишилъ Нью-Йоркъ воды, и огромный городъ, ежедневное потребленіе воды котораго выражалось въ четырехъ милліонахъ гектолитровъ, оказался въ ужасномъ положеніи.

Командующій нью-йоркскимъ участкомъ фронта, генералъ Амось Гренди, покончилъ съ собою, и командованіе перешло къ генералъ-майору Арону Розенталю, распорядившемуся приступить къ эвакуаціи гражданскаго населенія.

Несмотря на ожесточенный огонь американскихъ батарей, летчикамъ Карахана все же удалось потопить четыре баржи, перевозившія населеніе. При этомъ погибло нѣсколько тысячъ человекъ.

Одна изъ двухтысячфунтовыхъ бомбъ разорвалась передъ отелемъ „Асторія“ и убила собою человекъ, толпившихся у освѣщенной витрины, въ которой была выставлена карта военныхъ дѣйствій.

Затѣмъ послѣдовала ожесточенная воздушная бомбардировка, разрушившая рядъ важнѣйшихъ подземныхъ магистралей.

Центральный паркъ превратился въ лагерь, въ которомъ подъ открытымъ небомъ расположилось огромное число бѣженцевъ. По улицамъ во всѣхъ направленіяхъ бѣжали толпы обезумѣвшихъ людей.

И снова американцамъ пришлось отступить — тщетно пытались пробиться на фронтъ переброшенные съ другихъ участковъ резервы, — всѣ дороги были загроужены бѣженцами. Большинство дорогъ было загроужено автомобильными обломками и испещрено воронками отъ взрывовъ. Полиція при помощи гражданъ пыталась расчистить дороги, но усилія эти были тщетны и терпѣли неудачу подъ напоромъ несмѣнныхъ толп бѣженцевъ.

Форты Лонгъ-Исланда развили ураганный огонь по наступавшимъ частямъ Карахана. Двадцатидюймовыя орудія фортовъ Тоттентъ и Шюлеръ нанесли ужасныя разрушенія. Въ пространство низвергались огромныя количества металла и взрывчатыхъ веществъ. Зенитныя орудія подвергали

обстрѣлу каждый показавшійся надъ городомъ непріятельскій аэропланъ.

Но тяжелая артиллерія нью-йоркскихъ укрѣпленій цѣлкомъ предназначалась для обороны города съ моря — противъ наступленія, развертывавшагося съ суши, она была безсильна. Воздушный флотъ Карахана понесъ опромынныя потери, но продолжалъ выполнять свое задание и осыпалъ городъ и укрѣпленія бомбами.

Послѣ шестинедѣльнаго артиллерійскаго боя орудія Фишеръ-Исланда и обоихъ фортѣвъ пришли въ негодность. Въ то время, какъ непріятельская авіація и артиллерія дѣлали свое разрушительное дѣло, непріятельскіе траллеры занялись очищеніемъ береговыхъ водъ отъ минъ, открывая непріятелю возможность высадить новый десантъ.

Вотъ когда сказалась слабость американскаго воздушнаго флота. — Только благодаря своему господству въ воздухѣ, Карахану удалось осуществить во время боевъ высадку новыхъ войскъ. Высадившіяся на островъ войска тутъ же перешли въ наступленіе, продвигаясь въ западномъ направленіи.

Теперь американское командованіе ограничилося лишь аррьергардными боями, имѣвшими цѣлью задержать наступленіе врага и дать возможность укрѣпить слѣдующую линію позицій. Одинъ за другимъ пали форты Джефферсонъ, Смиттоунъ, Ислипъ, Хенлиптоунъ. Наступленіе желтыхъ приостановилось лишь на линіи Лонгъ-Бичъ на побережьи Атлантическаго океана — Гемпсעדъ и Минкола.

Дальнѣйшій ходъ событій на материкѣ ознаменовался ожесточенными уличными боями въ Бронксѣ. Американцы защищали каждую пядь земли, — наступающимъ приходилось бросаться въ штыковую атаку, вступать въ рукопашную, осыпая каждый домъ ручными гранатами. По мѣрѣ того, какъ наступающимъ удавалось занять какой-нибудь изъ домовъ квартала, они проламывали стѣны дома и рассчитали путь на югъ.

Каждый жилой домъ превратился въ маленькую крѣпость. Сосѣдніе дома бывали заняты воюющими сторонами, — въ одномъ домѣ находились американцы, а въ слѣдующемъ домѣ красные. Стѣна дома служила линіей фронта. Желтые не

останавливались даже передъ тѣмъ, чтобы проламывать стѣны и бросаться въ образовавшіеся брешь въ атаку.

Такъ, сражаясь въ рукопашную, беря домъ за домомъ, желтые добрались до рѣки Гаарлемъ. Это была послѣдняя водная преграда, отдѣлявшая наступающихъ отъ Нью-Йорка. Городъ небоскребовъ стылъ бытъ подъ обстрѣломъ непріятельской артиллеріи.

Фортъ Шойлеръ въ теченіе четырехъ недѣль обстрѣливалъ непріятельскія позиціи и, разстрѣлявъ всѣ запасы снарядовъ, принужденъ былъ сдаться. Прежде чѣмъ сдаться, защитники форта уничтожили свои орудія.

О непрерывной артиллерійской и газовой дуэли, развернувшейся въ зимнюю кампанію 1935/36 гсда, написано немало томовъ. Всѣ мосты, ведущіе черезъ Гаарлемъ, были взорваны. Остатки американскихъ войскъ были переброшены на другой берегъ ночью — ихъ перевезли на цѣлой флотиліи небольшихъ судовъ.

Защитники Нью-Йорка получали пополненія и снабжались провіантомъ и боевымъ снаряженіемъ съ берега Джерсея по желѣзнодорожнымъ туннелямъ, проложеннымъ подъ Гудзономъ и Мангатаномъ. Всѣ попытки непріятеля разрушить эти важнѣйшія артеріи потерпѣли неудачу.

Трехмѣсячная ожесточенная бомбардировка превратила величайшій городъ міра въ груду развалинъ — нынѣ фотографъ съ разрушеннаго города, въ которомъ кое-гдѣ виднѣлись остовы разрушенныхъ небоскребовъ, извѣстные всякому школьнику.

Иногда мнѣ и Биннею удавалось подняться на аэропланѣ и сверху полюбоваться развалинами нашего величайшаго города. Отъ острова Мангатанна до рѣки Гаарлемъ виднѣлись лишь груды дымящихся развалинъ.

Узкія расщелины улицъ были завалены обломками, и городъ снова превратился въ скалистый массивъ. Но уровень этого массива не былъ уровнемъ существовавшаго ранѣе города. Чѣмъ выше были зданія этихъ улицъ, тѣмъ выше была груда обломковъ, завалившая мостовую. Кое-гдѣ виднѣлись башни съ черными провалами окнѣ, — казалось, что эти башни взды-

мали свои головы надъ печальной картиной разрушенія и смотрѣли на нее черными и невидящими глазами.

Порой видѣлись сохранившіеся косяки небоскребовъ, вздымавшіеся на высоту нѣсколькихъ десятковъ этажей. Обстрѣлъ не прекращался — непріятель продолжалъ свое разрушительное дѣло, обращая остатки зданій въ груду безформенныхъ обломковъ.

То, что я увидѣлъ, можно было лишь сопоставить съ руинами Ипра, съ тѣмъ, во что они превратились послѣ многомѣсячнаго обстрѣла германцами.

Нью-Йоркъ превратился въ Ипръ опромныхъ размѣровъ. Исчезли все отличительные признаки города: улицы, площади, дома, скверы, — все сравнялось. Различіе заключалось лишь въ слѣдующемъ:

На маленькомъ островѣ Мангатайна небоскребы спрудились такъ плотно, что на улицахъ не было достаточно мѣста, чтобы принять все опромное количество обломковъ. Поэтому не зданія рушились на мостовую, а уровень улицы постепенно подымался восходя къ зданіямъ.

Примѣрно та же картина открывалась намъ въ Бруклинѣ. Рѣка Гаарлемъ бѣжала между двумя прудами обломковъ. Съ западнаго берега Гудзона американская артиллерія продолжала обстрѣливать непріятеля, лишая его возможности пользоваться подъѣздными путями и образовавъ завѣсу ураганнаго огня.

Американскія войска, занявъ позиціи вдоль Гудзона отъ Нью-Йорка до Альбани, препятствовали непріятелю переправиться черезъ рѣку. Генералъ Розенталь, принявшій на себя командованіе арміей и оборону Мангатайна, разбѣстился со своимъ штабомъ въ подвалахъ „Эквитебль Трестъ Боудингъ“.

Въ обломкахъ, завалившихъ улицы, были проложены туннели и подземные ходы. Зданіе освѣщалось электрической энергіей, поступавшей съ Джерсейской станицы. Вентиляція проходила по шахтамъ лифтовъ, выведенныхъ до двадцатаго этажа. Подземная желѣзная дорога, очутившаяся теперь глубоко подъ уровнемъ земли, снова была приведена въ дѣйствіе и обслуживала штабъ.

Нью-Йоркъ сталъ подземнымъ городомъ, Нью-Йоркъ сталъ американскимъ Верденомъ.

Въ первый день Рождества я вмѣстѣ со Спидомъ Биннеемъ совершилъ полетъ надъ развалинами Нью-Йорка и попытался въ микрофонъ сообщить о томъ, какъ выглядѣлъ этотъ подземный городъ. Одновременно я попытался описать непріятельскія позиціи, расположенныя къ сѣверу отъ Гаарлема. Для этой цѣли мнѣ пришлось перелетѣть за передовыя линіи Карахановскаго расположенія.

Недалеко отъ городка Юнкерсъ въ штатѣ Нью-Йоркъ нашъ аэроплантъ рѣзко рванулся влѣво. Я бросилъ быстрый взглядъ на Спиды и увидѣлъ, что онъ безсильно поникъ на своемъ сидѣніи. Непріятельскій аэроплантъ напалъ на насъ, и мы летѣли внизъ съ головокружительной быстротой.

Я схватился за второе рулевое колесо, и мнѣ удалось выпрямить аппаратъ. Снизу, стремительно выскочивъ, летѣла ко мнѣ земля.

11

Мнѣ почудилось, что я задыхаюсь. Горло мое пересохло, я не могъ дышать. Съ трудомъ открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собою печальную, блѣдную женщину. На головѣ у нея была косынка сестры милосердія. Она улыбнулась — жалкая улыбка.

— Воды, — прошептала я, и она поднесла къ моимъ губамъ стаканъ. Сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, я попытался взглянуть на нее.

— Вамъ теперь лучше. Все будетъ хорошо, — сказала она.

Я хотѣлъ спросить ее о томъ, гдѣ я нахожусь, но вмѣсто этого у меня вырвалось:

— Сестра, расскажите, что произошло потомъ? Я знаю лишь, что нашъ аэроплантъ рухнулъ внизъ.

— Васъ подстрѣлили гдѣ тылу расположенія красныхъ, — спокойно отвѣтила сидѣлка. — Вы ранены и находитесь въ плѣну. Вы лежите въ госпиталѣ въ Бостонѣ.

— Съ какихъ поръ?

— Это произошло на Рождество, а на следующий день вас доставили сюда. Вы лежите здесь уже два дня.

— А где Спид?

— Кто?

— Мой пилот, юноша, который летел вместе со мною. Он жив?

— Он лежит рядом с вами, — ответила она, указав на соседнюю кровать. — Но он без сознания — проломил череп.

— Он останется жив?

— Этого мы не знаем. Вы ни о чем не должны спрашивать меня. Постарайтесь уснуть, — тогда вам станет легче.

Я снова уснул, и, когда по прошествии десяти часов проснулся, почувствовал прилив сил и услышал где-то рядом с собою дикуую американскую ругань.

— Поганый китаец, косоглазый дьявол, — я задам тебе перцу... теперь тебе захотелось блудных женщин... ах, ты, желтый горчичный пластырь!...

Спид Бинней метался в бреду, и двое сенегалцев тщетно пытались удержать его в постели. Врач-китаец испрыснул ему успокоительное средство и обратился ко мне на прекрасном английском языке:

— У вашего друга серьезная рана. Помимо того он страдает столь распространенной среди вас, американцев, болезнью — ненавистью к цветным расам. Постепенно он от этого излечится, но потребуются несколько лет воспитательной работы. Только тогда он освободится от предвзвудков, свойственных вашим землякам.

Я не склонен был пускаться в споры. Закрыв глаза, я задумался над своей участью. Итак, я был пленником Карахана.

В предыдущие годы, пока военные действия развертывались в Европе, я не раз был свидетелем жестокости, с какой этот человек устранял всех, кто мог бы оказаться на его пути.

Последний год борьбы в Америке дал ряд новых случаев жестокосердия этого „палача мира“. На что мог рассчитывать теперь я, очутившись в плену у него?

Не найдя ответа на этот вопрос, я снова открыл глаза и увидел перед собою чье-то склонившееся лицо. Но лицо это было привлекливо и улыбалось мне:

— Здравствуйте, товарищ Гиббонс, — сказал полковник Бойер, ибо то был он. — Вот видите, блудный сын снова возвратился домой. Вот уже около двух лет, как мы разстались с вами. С тех пор произошло немало прои и немало людей обрели вятный покой. Но мы все продолжаем продвигаться вперед. Добро пожаловать к нам!

Я с удовольствием читал ваши сообщения. Когда я слышал ваши корреспонденции по радио, я вспоминал о мсяцах, проведенных вместе в Европе. Вы наш брат, и я дам вам руку и говорю вам — вы мой друг.

— Я также очень рад снова встретиться с вами, полковник. Последние два года были не из легких, — во всяком случае и Карахану пришлось туго, чем он предполагал. С Европой он справился в течение одного года, а в Америке вот уже два года как он борется, и американские силы все еще не сломлены. Американские позиции все еще непоколебимы.

— Не всё, — заметил Бойер.

Его слова испугали меня.

— Неужели Нью-Йорк пал? Неужели вы хотите сказать, что вам удалось форсировать Гаарлем?

— Нет, нет, это еще не произошло, — заметил улыбаясь Бойер, — вы попрежнему удерживаете гряду развалин на Манхатане, и ваши войска попрежнему занимают позиции вдоль канала Эри и озера Онтарио. Но в день вашего равления произошло нечто более серьезное.

— Пал Сан-Франциско?

— Нет.

— Наш флот все еще в Мексиканском заливе?

— Да. Пока что он еще находится там, — ответил улыбаясь Бойер, — но вот уже два дня, как медленно продвигавшаяся красная армия достигла своей цели и вышла к

«Красный Наполеон»

Панамскому каналу. Американскія войска, защищавшія каналъ, почти годъ были лишены связи съ Соединенными Штатами. Наше наступленіе вынудило ихъ прекратить сопротивленіе, и они отступили въ Колумбію. Передъ тѣмъ, какъ покинуть позиціи, они взорвали шлюзы.

Связь между Атлантическимъ и Тихимъ Океаномъ прервана. Нынь оба океана отдѣлены другъ отъ друга. И радужное знамя Караханъ побѣдно развивается на всемъ побережьи отъ Бальбоа до Колона.

Объ этомъ событіи я ничего не зналъ. Мнѣ не разъ приходилось читать сообщенія изъ зоны канала, въ которыхъ говорилось о геройской оборонѣ американцевъ, во главѣ коихъ стоялъ генералъ-майоръ Леонардъ В. Фостеръ.

Но постольку, поскольку американскій флотъ былъ запертъ въ Мексиканскомъ заливѣ, каналъ утратилъ для Америки свое бывшее значеніе. Если бы онъ достался невредимымъ въ руки красныхъ, то тѣмъ самымъ краснѣй флотъ получилъ бы большое преимущество.

— Не думаю, чтобы это могло сколько-нибудь измѣнить положеніе, — замѣтилъ я въ отвѣтъ. — Развѣ каналъ уничтоженъ, то онъ лишенъ для васъ всякаго значенія. Ваша побѣда сводится къ тому, что вамъ удалось овладѣть еще однимъ небольшимъ клочкомъ Центральной Америки.

— Вы ошибаетесь, — услышалъ я въ отвѣтъ. — Портъ Колонъ очищенъ отъ минъ и превращенъ въ нашу основную морскую базу въ Караибскомъ морѣ. Этотъ портъ лучше оборудованъ, чѣмъ Тринидадъ, да и ближе къ Юкатану. Тѣмъ самымъ намъ удалось перенести нашу охрану въ болѣе близкій пунктъ къ вашей тюрьмѣ, потому что Мексиканскій заливъ сталъ для вашего флота ничѣмъ инымъ, какъ тюрьмой. Помимо того, мы сторожимъ васъ въ Тринидадѣ и на Бермудскихъ островахъ. Теперь вашъ флотъ окончательно парализованъ. Караханъ удовлетворенъ. Замедленіе темпа операцій на сѣверныхъ фронтахъ, вызванное зимою, было ему очень непріятно, и теперь онъ компенсировалъ себя на южномъ фронтѣ.

Главнокомандующій слышалъ о томъ, что вы захвачены въ плѣнъ, и выразилъ желаніе увидѣть васъ. В данное время онъ отправился въ инспекціонный полетъ къ нашему флоту въ

Караибское море. Онъ повидаетъ васъ тутъ же послѣ своего возвращенія.

— Скажите мнѣ правду, Бойеръ, что онъ думаетъ обо мнѣ? Не пора ли мнѣ готовиться къ путешествію на тотъ свѣтъ?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, мой другъ. Я думаю, вы лучше знаете нашего командира. Онъ благоволилъ къ вамъ. Примѣрно такъ же, какъ Наполеонъ благоволилъ къ своему Бурріену, какъ Цезарь къ своимъ писцамъ, составлявшимъ коментаріи къ его походамъ. Караханъ васъ очень высоко цѣнитъ и очень хорошаго мнѣнія о вашихъ корреспонденціяхъ.

Отнынѣ вы останетесь у насъ, и вамъ будетъ вмѣнено въ обязанность писать исторію нашихъ славныхъ походовъ и побѣдъ.

Нѣтъ, нѣтъ, дорогой Гиббонсъ, васъ не поставятъ къ стѣнкѣ! Ни васъ ни Биннея подобная участь не ожидаетъ. Но кое-кто дѣйствительно каменъ.

— Господи, кто? — спросилъ я.

— Летчикъ, подстрѣлившій васъ, попытался за это жизнью. Когда вы два года тому назадъ вылетѣли впервыѣ въ вашемъ снабженномъ отличительными знаками аэропланѣ, ему пригодится послѣ окончанія войны. Вы напишите его быть данъ приказъ, чтобы вамъ не препятствовали въ вашихъ дѣятельности и не преслѣдовали васъ. Караханъ выразилъ желаніе, чтобы васъ сохранили живымъ и невредимымъ. Вы биографію.

Крепикъ — полякъ, подстрѣлившій васъ, пытался въ оправданіе сказать, что онъ не узналъ вашихъ отличительныхъ знаковъ, но это не спасло его. Непослушаніе и небрежн-
184
сти имѣютъ одни и тѣ же послѣдствія. И ему пришлось заплатить жизнью. Вотъ и все!

— Мнѣ очень жаль, что это такъ случилось, — отвѣтилъ я, — хоть онъ чуть не отправилъ меня и Спиды на тотъ свѣтъ.

Но послушайте, Бойеръ, если въ намѣренія вашего генерала входитъ, чтобы я написалъ его биографію, то мнѣ слѣдовало бы быть болѣе освѣдомленнымъ о немъ. Скажите, онъ все такой же, какимъ былъ, когда я встрѣчался съ нимъ въ Мо-

сквѣ? Вѣдь я его не видѣлъ уже два года. Онъ не измѣнился?

— Разумѣется, онъ измѣнился, — отвѣтилъ Бойеръ. — Вѣдь ему подвластны Европа, Азія, Африка, Южная Америка, всѣ моря и океаны, большая часть Канады... разумѣется, подобыныя перемѣны не могли не повлечь перемѣны и въ немъ. Онъ продолжаетъ расти и развиваться. Вѣдь онъ все еще очень молодъ — ему всего лишь тридцать пять лѣтъ.

— Въ какомъ отношеніи онъ перемѣнился?

— Преемде всего перемѣна произошла въ слѣдующемъ. Теперь нашему міру понятно, что онъ не является случайнымъ припильцемъ и вояждемъ. Караханъ больше не сынъ татарки и казачьяго есаула. Фенгъ-Хай, нашъ величайшій ориенталистъ занялся родословной нашего вояды и установилъ, что въ его жилахъ течетъ кровь Чингисъ-Хана. Онъ прямой потомокъ монгольскаго завоевателя. И онъ достоинъ своего предка.

— Мнѣ казалось, что Караханъ не придаетъ значенія происхождения челоѣка, что онъ стоитъ за полное равенство.

Бойеръ улыбнулся.

— Это время прошло, давно прошло. Теперь въ Караханѣ пробудилась гордость за своихъ предковъ. Чингисъ-Ханъ былъ величайшимъ полководцемъ міра. Караханъ слышалъ о немъ еще въ бытность мальчикомъ, когда онъ скакалъ на неосѣдланной лошади по уральскимъ отрогамъ.

Чингисъ-Ханъ былъ его идеаломъ еще въ тѣ годы, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Караханъ готовъ частично приписать свой успѣхъ тому, что онъ является потомкомъ этого величайшаго полководца.

— Для меня все, что вы сообщаете, ново. Вамъ, должно быть, извѣстно, что до сего времени мы объясняли себѣ политику Карахана прежде всего стремленіемъ уничтожить расы. Мы знаемъ, что въ Европѣ онъ стремился какъ можно больше имѣть дѣтей отъ бѣлыхъ женщинъ, и склонны были предполагать, что въ Америкѣ онъ будетъ стремиться къ тому же.

— Собственно говоря, у меня нѣтъ оснований скрывать отъ васъ правды. И не я повиненъ въ томъ, если это задѣваетъ вашу расовую гордость. Да, у него было много бѣлыхъ женщинъ и всѣ онѣ имѣли отъ него дѣтей.

Миссисъ Рандольфъ Рамзей родила ему двухъ сыновей. Она попрежнему живетъ въ Харбоурѣ. Ея мужъ погибъ въ бою подъ Новымъ Брауншвейгомъ. Потомъ его женою была миссисъ Бушнелъ, — вамъ вѣдь знакомо это имя, — она разведенная жена вашего бумажнаго короля. Она назвала своего сына Кеннетъ Караханъ. Они живутъ въ Бангорѣ. Миссисъ Лилланъ Элхартъ изъ Нью-порта родила ему дочь. Всѣхъ не перечислить.

— Неужели американскія женщины добровольно отдались ему? — спросилъ я. — Или онѣ стали его военной добычей? Вѣдь онѣ не могутъ полюбить его. Противъ этого должна была возстать ихъ кровь. Американскія женщины гордятся чистотою своей крови и знаютъ, какаѣ участь ожидаетъ ихъ дѣтей смѣшанной расы.

— Я такъ и предполагалъ, что васъ все это удивитъ. Но вы забываете о томъ, что Караханъ отнюдь не простой воинъ. Онъ и не сладострастникъ. Эти женщины принадлежали ему потому, что онѣ его любили.

Вспомните о томъ, что первою женщиною въ жизни Карахана также была бѣлая женщина, — америкалка. Вы вѣдь знаете, какъ любила его Линъ. —

Я намеренно выждалъ, пока мой собесѣдникъ назвалъ это имя. Теперь я могъ ему задать вопросъ, который готовъ былъ сорваться у меня съ языка съ самаго начала бесѣды.

— Гдѣ находится она въ настоящее время? И при ней ли находится попрежнему Марго?

— Нѣтъ, онѣ обѣ воль уже около года какъ находятся въ Америкѣ. Онѣ живутъ въ Грейстонѣ, недалеко отъ Салема.

— И Караханъ съ тѣхъ поръ больше не встрѣчался съ Линъ?

— Онъ встрѣчался съ нею. Прошлой осенью онъ видѣлъ ее, и съ той поры нѣсколько разъ прѣзжалъ къ ней въ Грейстонъ.

— Я радъ за Линъ, — сказалъ я. — Она очень страдала отъ того, что онъ не хотѣлъ ее видѣть. Я радъ тому, что они снова примирились другъ съ другомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, они не помирились, — поспѣшнымъ заявить Бойеръ. — Они будутъ жить попрежнему, какъ жили въ Евро-

тѣ, раздѣльно. Дочь простого ирландскаго эмигранта не можетъ быть подружкой великаго Караханна, и онъ это понимаетъ.

Я знаю, что вы въ хорошихъ съ нею отношеніяхъ, и что поэтому вы стоите на нѣскольکو иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ я. Но я всецѣло согласенъ съ Караханомъ. Его братъ былъ прѣлестообразенъ въ первую пору русской революціи. Но эта пора миновала. Этотъ братъ былъ ошибкой.

— А что съ Марго? — спросилъ я. — Она попрежнему неразлучна съ Линъ? Какъ онѣ коротаютъ время? Видѣлъ ли ее Караханъ?

— Да, Караханъ не разъ встрѣчался съ нею. Они не разъ совершали впроемъ прогулки верхомъ. Ваппа бывшая секретарша очень хороша и прекрасная наѣздница. Но что случилось съ Уайтомъ Доджемъ? Мнѣ кажется, онъ былъ влюбленъ въ нее.

— Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Она изумительная женщина.

— Могу васъ поздравить — вамъ суждено увидѣть ее не позже, чѣмъ черезъ часъ. Она прѣзжаетъ сюда съ Линъ на автомобилѣ изъ Грейстона. Я сообщилъ имъ по телефону, что вы и Спидъ находитесь здѣсь. Я оставлю васъ наединѣ съ ними, чтобы вы могли достойнымъ образомъ отпраздновать эту встрѣчу.

На сосѣдней койкѣ Спидъ продолжалъ метаться въ бреду. Бойеръ ушелъ, и я снова уснулъ, но черезъ часъ меня разбудила сидѣлка и сообщила, что меня хотятъ видѣть двѣ дамы.

Сидѣлка привела въ порядокъ мою постель и ночной столикъ, и затѣмъ изъ палаты вошли Линъ и Марго съ хризантемами въ рукахъ.

Я попытался улыбнуться съ рискомъ сдвинуть наложенный на меня бандажъ и протянуть имъ перевязанную руку.

Мои гости привѣтливо улыбнулись, но, замѣтивъ неподвижно лежащаго Спидъ, испугались и притихли.

— Слава Богу, вы живы, — сказала Линъ.

— Онъ выживетъ? — спросила Марго, съ опаской поглядывая на Спидъ.

— Я убѣжденъ, что онъ поправится, — сказалъ я, пожимая ее руку.

Глаза ея увлажнились слезами, но она сдержала себя. На мгновеніе губы ея задрожали, но потомъ она овладѣла собою.

Обѣ женщины присѣли около моей кровати — Марго заняла мѣсто между мною и Спидомъ.

— Когда мы услышали о томъ, что случилось, — сказала Линъ, — я стала молить Бога, чтобы вы оба остались въ живыхъ. Да, я стала молиться Богу, я — атеистка и радикально настроенная Линъ Ларкинъ стала молить Бога. Послѣдніе два года измѣнили во мнѣ многое. Я снова возвратилась къ тому, отъ чего я ушла — къ религіи.

Марго коснулась руки Спидъ, и губы ея зашептали:

— Спидъ, Спидъ, дорогой мой мальчикъ!

Вѣки Спидъ дрогнули, и онъ открылъ глаза. Въ нихъ засвѣтилась усталость, недоверіе, и потомъ все это смѣнилось радостью. Улыбка промелькнула на его израненныхъ губахъ, и онъ прошепталъ:

— Мегги!

Сознаніе вернулось къ Спиду лишь на одно мгновеніе. Потомъ глаза его снова закрылись, но ровное дыханіе свидѣтельствовало о томъ, что теперь онъ снова глубоко и здоровымъ спитъ.

У меня не было возможности поговорить съ Марго наединѣ, но меня успокоило то, что я снова увидѣлъ ее. Прежде чѣмъ покинуть госпиталь, онѣ взяли съ меня слово, что я и Бинней какъ только сможемъ покинуть постели, пріѣдемъ поправляться въ Грейстонъ.

И дѣйствительно, черезъ два дня Бинней стало настолько лучше, что мы могли занять мѣста въ санитарномъ автомобилѣ и насъ отвезли въ виллу, расположенную на окраинѣ стоянлаго на берегу Атлантическаго океана городка Салемъ.

Бинней продолжалъ быть прикованнымъ къ постели, а я, по прошествіи нѣсколькихъ дней оправился настолько, что могъ разгуливать при помощи палки.

Въ домѣ находилось нѣсколько слугъ американцевъ, но въ большинствѣ своемъ служебный персоналъ состоялъ изъ молчаливыхъ китайцевъ, безмолвно выполнявшихъ приказанія желтолицатаго дворецкаго. Несмотря на то, что у воротъ стояли

часовые и садъ былъ обнесенъ высокою стѣной, мы себя не чувствовали плѣнниками. Мы были вправѣ располагать временемъ по своему усмотрѣнію, и никто не слѣдилъ за нами и не докучалъ намъ. Наши тюремщики были увѣрены въ томъ, что намъ некуда убѣжать изъ этого дома.

Милліоны солдатъ Карахана, сражавшіеся на этомъ фронтѣ, лишали насъ возможности мечтать о бѣгствѣ по сушѣ. Красный флотъ бдительно слѣдилъ за побережьемъ и водами, и все же въ моей головѣ неустанно роились различные планы бѣгства. С: Ближемы я не говорилъ объ этомъ, — прежде всего ему слѣдовало возстановить свои силы.

Бойеръ не разъ навѣщалъ насъ въ Грейстонѣ. На третей недѣлѣ пребыванія въ плѣну — это было 18 января 1936 года — онъ сообщилъ намъ, что Караханъ возвращается на Востокъ.

— Вотъ человѣкъ, энергія котораго неисчерпаема, — сказалъ онъ. — Изъ Бостона онъ направился на Бермудскіе острова, оттуда въ Тринитадъ, затѣмъ на Панамскій перешеекъ. Затѣмъ онъ возвратился назадъ въ свою ставку, успѣвъ проинспектировать всѣ три фронта и флотъ. И вы увидите, какія послѣдствія будетъ имѣть его поѣздка. Онъ вдохнулъ въ людей энтузіазмъ, готовность умереть за него. Черезъ недѣлю онъ явится сюда.

Вечеромъ, когда мы сидѣли въ библиотекѣ и грѣлись у камина, я разсказала Линъ о предполагаемомъ посѣщеніи Карахана.

— Я хочу его видѣть и въ то же время я испытываю страхъ передъ его пріѣздомъ, — отвѣтила она. — Я всегда буду принадлежать ему, но онъ болѣе не принадлежитъ мнѣ. За послѣдніе мѣсяцы я замѣтила въ немъ разительную перемѣну. Его необузданная энергія и честолюбіе стремятся ко все новымъ завоеваніямъ. Для него вытнранное сраженіе — нѣчто, что галуло въ прошлое и за что не приходится больше бороться. Воспоминаніемъ объ этомъ прошломъ являются наши дѣла. Мнѣ кажется, я была первой женщиной въ его жизни и единственною, на которой онъ женился. Теперь онъ хочетъ развестись со мною. Его обураваетъ его честолюбіе

— Откуда вамъ извѣстно обо всемъ этомъ? — спросилъ я.

— Хотя онъ мнѣ ничего и не говорилъ объ этомъ, но я разгадала его планы. Онъ сильно измѣнился за послѣднее время. Онъ не признаетъ ничьей воли кромѣ своей, ничьей власти, кромѣ его власти. Теперь его мозги плѣнены мыслями о династіи, кастѣ, крови, предкахъ, — всей этой бутафоріей картонныхъ королей.

Для того, чтобы удовлетворить свое честолюбіе, онъ велъ свой родъ отъ Чингизъ-Хана. Если дальше такъ пойдетъ, то скоро мы будемъ свидѣтелями зарожденія новой желтой и цвѣтной аристократіи. Мы снова придемъ къ кастамъ, къ разграниченію на высшгородныхъ и плебеевъ. Онъ все болѣе становится схожимъ съ Наполеономъ, а мнѣ отводится роль Жозефины.

Теперь вамъ понятно, въ какомъ я нахожусь состояніи, и почему надо мною безпрестанно витаетъ опасность. Я не знаю, кто явится моею преемницей, — я знаю, что преемницей его не будетъ ни одна изъ женщинъ, до сихъ поръ привлекавшихъ его вниманіе. Рано или поздно появится женщина, которая станетъ для него завѣтной цѣлью.

Я не знаю, гдѣ онъ отыщетъ ее, но я увѣрена, что въ поискахъ за нею онъ переберетъ всю аристократію стараго міра, пока не найдетъ какого-нибудь знатнаго рода, достойнаго раздѣлить его славу, славу потомка Чингизъ-Хана.

И что ужаснѣе всего, этотъ величайшій въ мірѣ властелинъ, нынѣ властвующій надъ четырьмя пятими всего земного шара, повторяетъ ту же ошибку, которую допускали всѣ властелины доселѣ. Онъ утрачиваетъ самообладаніе! Онъ опрокинулъ всѣ троны Европы, изгналъ всѣ династіи, заставилъ всѣхъ монарховъ искать убѣжища въ демократической Америкѣ, а теперь онъ самъ ослѣпленъ этой пышной бутафоріей стараго міра и хочетъ связать свою судьбу съ одной изъ представительницъ этого міра! Я знаю Карахана! И я знаю, къ чему онъ стремится. —

Мгновеніе мы помолчали, уставившись въ огонь.

— Кто же заинтересуетъ его? — спросилъ я.

— Этого я не знаю, — отвѣтила Линъ. — Да я и не хочу этого знать. Должно быть, ею будетъ кто-нибудь изъ бостонскаго общества. Я никогда не видѣла ее. Въ послѣдніе мѣ-

саяцы у меня была хоть радость, заключающаяся въ томъ, что порой онъ прѣзжалъ ко мнѣ. Онъ прѣзжаетъ ко мнѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ штаба, съ которыми выѣзжаетъ обыкновенно на верховыя прогулки.

Не разъ и я и Марго сопровождали его на прогулку. Онъ радъ случаю побывать въ ея обществѣ и я замѣтила, какимъ дьявольскимъ блескомъ затораются его глаза при взглядѣ на нее. И его вниманіе къ ней, ставшей моею лучшей подругой, все возрастаетъ. —

— А Марго освѣдомлена объ этомъ?

— Мнѣ кажется, да. Ей очень непріятно его вниманіе, но она мужественно переноситъ его и не теряетъ самообладанія. Къ ней я питаю больше довѣрія, чѣмъ къ кому бы то ни было, и я твердо рѣшила не допустить, чтобы Караханъ овладѣлъ ею.

И я готова, если понадобится, принести въ жертву свою жизнь. Не ради моихъ чувствъ къ нему, какъ бы они велики не были, а изъ любви къ ней. Я люблю ее, словно она была бы моею родной дочерью, и мнѣ кажется, она питаетъ ко мнѣ то же чувство. —

Караханъ прибылъ въ Прейстонъ. Къ врагамъ подбѣхалъ десятокъ большихъ штабныхъ автомобилей сѣраго цвѣта, и изъ машинъ вышли стройные высокіе офицеры въ сѣрыхъ, отдѣланныхъ мѣхомъ шинеляхъ.

Вечеромъ я ужиная въ обществѣ Карахана и его свиты. Во главѣ стола сидѣлъ Караханъ, справа отъ него — Марго, а на противоположномъ концѣ стола — Линъ. Я сидѣла по лѣвую руку отъ краснаго главнокомандующаго, и рядомъ со мною сидѣлъ Бойеръ.

Караханъ поздоровался со мною живомъ головомъ и не удостоилъ меня ни словомъ. Онъ не упомянулъ ни о нашей встрѣчѣ въ Лондонѣ, ни о моей ранѣ, ни о томъ, что я живу на положеніи плѣнника въ домѣ его жены.

Но на слѣдующее утро въ восемь часовъ онъ принялъ меня въ библиотекѣ, превращенной въ его рабочий кабинетъ. Теперь онъ не былъ сдержаннымъ и немногословнымъ. На большомъ столѣ, передъ которымъ стоялъ Красный Наполеонъ, были разстелены большія карты военныхъ дѣйствій.

Внѣшне онъ остался все тѣмъ же Караханомъ, съ которымъ я была два года тому назадъ въ Лондонѣ, но все же въ немъ появилась кое-какая перемѣна. Его личныя свойства стали явственнѣе, болѣе замѣтными. Онъ болѣе не сдерживалъ себя.

Бесѣда наша носила характеръ монолога. Онъ говорилъ, шагая по комнатѣ. При этомъ я замѣтила, что онъ украдкой разглядываетъ себя въ большомъ зеркалѣ. Въ движеніяхъ его сквозила нѣкоторая нарочитость — онъ позировалъ передо мною.

— Вы были военнымъ корреспондентомъ, — продолжалъ онъ, — и я очень сожалѣю, что васъ подспрыгивали. Я очень радъ, что вы остались живы — у меня имѣется для васъ работа. Я рѣшилъ вамъ изручить написать мою біографію.

Война будетъ закончена этимъ лѣтомъ. Ничто не устоитъ противъ моего весенняго наступленія. Я испыталъ металлъ, изъ котораго отлиты ваши солдаты, и убѣдился въ его достоинствѣ. Поэтому я никогда не пойду съ вами на соглашеніе, и миръ будетъ заключенъ лишь послѣ моей побѣды. Я продиктую вамъ его.

Особенно тяжелыхъ требованій я не выставляю, — Америка станетъ частью нашего мірового союза, и вашимъ соотечественникамъ придется познакомиться со мною поближе. Эту задачу я возлагаю на васъ — вы должны ознакомить американцевъ со мною.

Я читалъ ваши статьи обо мнѣ и моей арміи — далеко не всѣ онѣ говорятъ въ мою пользу, но онѣ правдивы. Я собралъ всѣ ваши статьи и хочу, чтобы онѣ легли въ основу вашей книги обо мнѣ.

Послѣ завоеванія Америки я стану властелиномъ міра. Тѣмъ самымъ прекратится существованіе различныхъ государствъ, народовъ и классовъ. Я органирую міръ такимъ образомъ, что все это станетъ невысказаннымъ — тѣмъ самымъ я дарую міру миръ.

Вмѣсто національной розни и вражды, на землѣ установится единство и общность экономическихъ интересовъ. И это будетъ предвѣстіемъ вѣчнаго мира на землѣ.

Къ этому сводится цѣль моей жизни, и я горжусь ею, — да, я горжусь ею и не считала нужнымъ скрывать этого.

Вы знаете обо мнѣ очень много — отнынѣ вся моя жизнь должна быть вамъ извѣстна. Быть можетъ, кое-что и ужаснетъ некоторыхъ, но мое рѣшеніе неизмѣнно.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ нѣкоторыя измѣненія въ моей личной жизни. Мое положеніе требуетъ, чтобы я избралъ себѣ достойную подругу жизни, которая даровала бы мнѣ наслѣдника — вождя. Поэтому я вынужденъ развестись со своею женой. —

— Разрѣшите узнать, когда состоится свадьба? — спросилъ я.

— Послѣ завоеванія Соединенныхъ Штатовъ. Свадьба состоится въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года въ столицѣ вашего государства, въ Сентъ-Луи. Я намѣреваюсь превратить этотъ городъ въ столицу всего міра.

Я не хочу, чтобы вы писали въ своей книгѣ сентиментальныя глупости обо мнѣ, которыя могли бы противорѣчить моимъ послѣдующимъ дѣйствіямъ. Прежде всего я хочу, чтобы вы остались здѣсь и отдохнули.

Я не требую отъ васъ честнаго слова въ томъ, что вы не сдѣлаете попытокъ къ бѣгству.

Если бы вы и рѣшили убѣжать, это было бы невозможнымъ. Когда вы поправитесь, я направлю къ вамъ одного изъ офицеровъ моего штаба, и онъ поможетъ вамъ при сборкѣ документовъ и матеріаловъ. Полковникъ Войеръ будетъ въ вашемъ распоряженіи. —

— Если вы разрѣшите мнѣ самому избрать себѣ секретаршу, то я попрошу васъ предоставить въ мое распоряженіе миссъ Марго Дениссонъ. Мы давно работаемъ вмѣстѣ, и я привыкъ къ ея работѣ.

— Это невозможно. Я хочу, чтобы она осталась при моей женѣ. Если вамъ что-либо понравится, то обратитесь къ полковнику. Я постараюсь васъ видѣть какъ можно чаще. Всего добраго.

Я отвѣсилъ ему поклонъ, но Караханъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ, и я удалился.

Эта встрѣча напугала меня. Войеръ былъ правъ, — этотъ человѣкъ совершенно переродился. Опасенія Линъ были вполне обоснованы, — онъ думалъ о томъ, чтобы связать свою жизнь съ представительницей аристократіи.

Въ тотъ же вечеръ Караханъ вмѣстѣ со своимъ штабомъ отбылъ въ Бостонъ. Послѣ его отъѣзда, Марго и я въ теченіе цѣлаго часа бесѣдовали со Спидомъ, который былъ все еще настолько слабъ, что не покидалъ комнаты.

Мнѣ показалось, что Марго была чѣмъ-то сильно взволнована и съ трудомъ скрывала свое возбужденіе. Чувствуя, что она хочетъ что-то сообщить мнѣ, я сказалъ Спиду, что ему пора лечь въ постель и не злоупотреблять предоставленной ему свободой. Онъ недовольно проворчалъ что-то, упомянувъ о томъ, что онъ лишенъ возможности побыть съ Марго съ глазу на глазъ. Я улыбнулся, а Марго покраснѣла.

— Хорошо, — сказалъ я, — я предоставлю вамъ, для бесѣды съ Марго пять минутъ, — и удалился, давъ понять Марго, что буду ожидать ее въ библіотекѣ.

Проню добрыхъ четверть часа, прежде чѣмъ она появилась въ библіотекѣ. Я притворился, что не замѣтилъ блеска ея глазъ и раскраснѣвшихся щекъ и спросилъ ее:

— Вы хотѣли что-то сообщить мнѣ?

— У меня имѣются для васъ свѣдѣнія чрезвычайной важности, — спокойно отвѣтила она. — Мнѣ сообщилъ это сегодня послѣ обѣда самъ Караханъ. Я осталась съ нимъ наединѣ и мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ произвести на меня впечатлѣніе тѣмъ, какою большой силой онъ обладалъ и какъ велико было его вліяніе на людей моей расы. Онъ освѣдомился у меня, не угодно ли мнѣ написать ему письмо. Я подчинилась его желанію и сохранила у себя копію этого письма. Вотъ, она.

И она подала мнѣ листокъ бумаги. Я прочелъ:

„Верховное командованіе.

Адмиралу Джозефу Бриксону
Командующему Краснымъ Флотомъ.

Колонъ.

1. Какъ я вамъ уже сказалъ при личной встрѣчѣ въ Колонѣ, — я очень недоволенъ состояніемъ нашего краснаго флота и нашими позиціями въ Караибскомъ морѣ. Личный составъ ваплей эскадры страдаетъ старымъ недостаткомъ всѣхъ британскихъ моряковъ — избыткомъ осторожности. Результатомъ этого является бездѣйствіе подчиненнаго вамъ флота и скудость достигнутыхъ за два года результатовъ.

2. Эта британская тактика въ свое время имѣла своимъ слѣдствіемъ то, что превосходящія силы англійскаго флота не могли сдѣлать въ Ютландскомъ сраженіи значительно болѣе слабыя силы германскаго флота. Для подвластныхъ мнѣ солдатъ существуетъ лишь одна тактика, и эта тактика — наступленіе. Вы должны твердо помнить, что матросы и флотъ имѣють для меня не большую цѣнность, чѣмъ мои арміи.

3. На сѣверъ отъ стоянки ваплето флота, въ Мексиканскомъ заливѣ укрылся уступающій намъ по численности американскій флотъ. Находящаяся въ вашемъ распоряженіи силы едва ли не вдвое превосходятъ непріятельскія. Я не потеряю, чтобы мой флотъ былъ обреченъ на бездѣйствіе, и если вы не измѣните своей тактики, то я принужденъ буду измѣнить командованіе флотомъ.

4. Въ серединѣ апрѣля мои арміи переходятъ въ наступленіе на всѣхъ трехъ фронтахъ. Одновременно съ этимъ предписывало вамъ атаковать въ Мексиканскомъ заливѣ непріятельскій флотъ. Вы должны пробиться сквозь минныя загражденія и проникнуть въ заливъ. Предоставляю вамъ для выполненія этого заданія двѣ недѣли срока. Немедленно же приступите къ выполненію моего предписанія и постарайтесь забыть объ устарѣвшихъ традиціяхъ англійскаго флота. Я предпочитаю одержать морскую побѣду, чѣмъ располагать бездѣйствующимъ флотомъ. Побѣды одерживаетъ тотъ, кто рискуетъ, а не тотъ, кто слишкомъ остороженъ.

Караханъ.

Я сложилъ письмо и возвратилъ его Марго.

— Это сообщеніе чрезвычайной важности, — сказалъ я. — Оно предвѣщаетъ полное измѣненіе морской тактики Кара-

хана. Какъ бы намъ сообщить объ этомъ нашему командованію?

— Есть только одна возможность: Уайтъ Доджъ.

— Но какъ намъ узнать, когда онъ явится сюда? Вѣдь мы теперь лишены возможности сноситься съ нимъ.

— На всякій случай мы условились съ нимъ, — замѣтила она, — что если съ вами что-нибудь случится, то Квинъ Райанъ приметъ на себя сообщеніе по радіо. Нашъ аппаратъ опнынѣ будетъ всегда установленъ на вашу волну.

— Но если Уайту удастся пробраться къ намъ, вы должны будете ѣхать съ нами. Я не могу васъ оставить у Карахана.

— Я буду рада возможности ѣхать съ вами, — отвѣтила она. — Его взгляды навѣваютъ на меня ужасъ. Онъ ничего не сказалъ мнѣ, и я убѣждена, что онъ не примѣнитъ ко мнѣ насилия, но онъ пытается все болѣе и болѣе приблизить меня къ себѣ. Вотъ и сегодняшнее письмо было ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ воздѣйствовать на меня своею мощью. Но я все же останусь съ Линъ. Я не могу покинуть ее. Я выполню свой долгъ до конца и останусь съ нею.

На слѣдующее утро Бойеръ включилъ громкоговоритель, и мы услышали голосъ Квинъ Райана, описывавшаго артиллерійскую дуэль на Гаарлемскомъ фронтѣ и воздушные бои въ районѣ Утики въ штатѣ Нью-Йоркъ. Потомъ я услышалъ индѣйское наименованіе Кеноша, за которымъ послѣдовало сообщеніе о происходившемъ въ этой мѣстности.

Кеноша — было вашимъ ключомъ, и въ послѣдовавшемъ сообщеніи тайлось и тайное сообщеніе, адресованное намъ въ шифрованномъ видѣ.

Я взглянула на Марго и замѣтила, что она разсѣянно чертила карандашомъ на бѣлой скатерти стенографическіе знаки. Мысленно она внимательно смотрѣла на нихъ и затѣмъ нѣсколькими штрихами превратила ихъ въ забавную карикатуру. Бойеръ, не понимавшій того, что происходило, изумленно слѣдилъ за ея движеніями и восхищался ея способностями.

Послѣ обѣда Марго посвятила насъ въ содержаніе полученнаго сообщенія.

— Подводная лодка Уайта прибывает къ Свалъ Омаровъ на третью ночь.

Въ указанную ночь я вмѣстѣ со все еще не оправившимся отъ раненій Спидомъ, отправился на берегъ и разыскалъ Уайта, — до послѣдней минуты я опасался, что Спидъ запротестуетъ противъ намѣренія Марго остаться при Линъ. Я не знаю, что именно сказала она ему на прощанье, но во всякомъ случаѣ ей удалось убѣдить его въ томъ, что она должна была остаться.

Съ тяжелымъ сердцемъ перешли мы на подводную лодку, и тутъ же послѣ того, какъ мы спустились въ нее, лодка потру-зилась и взяла курсъ къ ньюджерсейскому берегу.

12

1 февраля съ письмомъ Карахана въ карманѣ я прибылъ въ Сентъ-Луи. Это письмо должно было рѣшить судьбы войны.

— Этотъ документъ представляетъ для насъ огромную цѣнность, — замѣтилъ адмиралъ Уентвортъ, начальникъ морского штаба. — Любое количество золота не въ состоянн оплатить вашей услуги, мистеръ Гиббонсъ.

— Это не моя заслуга, — поспѣшилъ я заявить въ отвѣтъ, — въ тылу непріятели находится смѣлая дѣвушка — англичанка, которой ежеминутно угрожаетъ смерть, а быть можетъ и нѣчто еще худшее. Если бы не она, это письмо не попало бы вамъ въ руки.

И я рассказывалъ о томъ, какъ это письмо попало къ Марго Дениссонъ, какъ она вручила его мнѣ, и какъ Уайтъ Доджъ явился за мною на своей подводной лодкѣ и высадилъ меня на берегъ въ Атлантик-Сити.

Зная, что письмо Карахана предвѣщаетъ въ прядущемъ столкновение двухъ флотовъ, я позволилъ себѣ освѣдомиться у адмирала о нѣкоторыхъ деталяхъ.

— Я желалъ бы въ случаѣ, если произойдетъ морское сраженіе, сопроводить американскій флотъ въ качествѣ корреспондента, но такъ какъ до сихъ поръ мнѣ приходится лишь наблюдать за сухопутными операціями, то я совершенно не

освѣдомленъ въ морскихъ дѣлахъ. Я былъ бы очень вамъ благодаренъ, если бы вы откомандировали ко мнѣ кого-либо изъ офицеровъ вашего штаба, могущаго информировать меня по нѣкоторымъ вопросамъ.

Адмиралъ удовлетворилъ мою просьбу, и я познакомился съ капитаномъ Блинкомъ Русселлемъ, однимъ изъ лучшихъ моряковъ нашего подводнаго флота. Капитанъ посвятилъ меня въ рядъ вопросовъ, представлявшихъ для меня интересъ.

„Чикаго Трибюнъ“ такъ же, какъ и раньше, предоставило въ мое распоряженіе аэропланъ, и оправившійся отъ ранъ Спидъ Бинней снова сталъ моимъ пилотомъ. Четыре дня спустя послѣ моего прибытія въ Сентъ-Луи, Рессель, Спидъ и я вылетѣли по направленію къ Мексиканскому заливу для ознакомленія съ нашимъ флотомъ.

Мы побывали въ Тампа, Менсиколъ, Новомъ-Орлеанѣ, Тампико, Вера-Круцѣ, а затѣмъ провели два часа въ штабѣ командованія американскими „Дарданеллами“ — у полуострова Юкатанъ.

Затѣмъ мы полетѣли на сѣверо-западъ, миновали минныя загражденія залива и спустились въ Гаваннѣ на островъ Куба.

Во время полета капитанъ Рессель инструктировалъ меня о состоянн нашихъ морскихъ силъ.

— Вы столь же неосвѣдомлены въ этомъ вопросѣ, — говорили онъ, — какъ и большинство американцевъ. Положеніе наше не изъ блестящихъ. Красный флотъ въ Караибскомъ морѣ насчитываетъ тридцать одну боевую единицу противъ нашихъ шестнадцати боевыхъ единицъ. Они превосходятъ насъ не только численностью, но и мощью своей артиллеріи, и скоростью.

Помимо того нашъ флотъ страдаетъ еще отъ одного недостатка. Всѣ наши базы расположены на тихоокеанскомъ и атлантическомъ побережьяхъ — превосходство противника въ воздухѣ не даетъ намъ возможности удерживать эти пункты. Стратегическое положеніе вынудило насъ отступить въ Мексиканскій заливъ, который отнюдь не оборудованъ для стоянн столь большого флота. Намъ пришлось снѣжно строить огромные плавучіе доки. —

— Мне представляется наше положеніе совершенно безнадежнымъ, — сказалъ я. — Что можемъ мы предпринять при такомъ перевѣсѣ противника?

— Для насъ существуетъ только одинъ шансъ. Во-первыхъ, мы оборудовали наши оборонительныя сооруженія по послѣднему слову техники. Постоянныя пререканія между военнымъ и морскимъ министерствомъ канули въ вѣчность — въ этомъ заслуга президента Смита. Департаментъ авіаціи выдѣленъ изъ обоихъ министерствъ и превращенъ въ самостоятельную организацію. Все дѣло нашей обороны на сушѣ, на морѣ и на воздухѣ сосредоточено въ кабинетѣ министровъ въ одномъ лицѣ въ Майтлендѣ Дависсонѣ.

— А что стало съ военнымъ министромъ Уоллесомъ?

— Онъ подалъ въ отставку и отставка его принята, хоть объ этомъ публикѣ еще не извѣстно.

— Это меня радуетъ, — воскликнулъ я, — онъ называлъ меня предателемъ и желтымъ журналистомъ. Это было два года тому назадъ послѣ моего возвращенія изъ Европы, когда правительство заинтересовалось моими сообщеніями о Караханѣ. Уоллесъ утверждалъ, что мои сообщенія — сенсационный вздоръ, играющій въ руку противника.

— Еще болѣе важнымъ, чѣмъ эта организація, является то, что въ настоящее время мы снова располагаемъ воздушнымъ флотомъ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ Гуверу удалось развить наши производственныя силы настолько, что мы выполняемъ нашу программу полностью. У насъ теперь больше аэроплановъ, чѣмъ летчиковъ, и мы въ стрѣшномъ порядкѣ готовимъ новыя кадры авіаціи. До послѣдняго времени наши воздушный флотъ бездѣйствовали.

Армія настаивала на томъ, чтобы воздушный флотъ былъ введенъ въ бой весной, когда начнется оживленіе на фронтахъ. А морское командованіе пожелало, чтобы наши воздушныя силы согласовали свои дѣйствія съ нимъ, потому что, пока непріятельскій флотъ блокируетъ берегъ, побѣда надъ арміями Карахана немислима. —

— Я вижу, что снова у насъ пререкаются. И какъ разрѣшился этотъ спорный вопросъ?

— Споры разрѣшились благодаря письму, полученному отъ

Марго Дениссонъ. Статсъ-секретарь Дависсонъ выдѣлилъ авіацію въ самостоятельную единицу и далъ ей заданіе выступить вмѣстѣ съ нашимъ морскимъ флотомъ.

— Я не могу понять, какая существуетъ связь между письмомъ Марго и подобнымъ рѣшеніемъ вопроса.

— Связь эта очевидна. Теперь мы освѣдомлены о томъ, чего намъ слѣдуетъ ожидать отъ адмирала Брикстона, командующаго флотомъ Карахана. Намъ извѣстно его прошлое. Мы знаемъ, что въ Ютландскомъ бою, когда онъ командовалъ однимъ изъ англійскихъ истребителей, ему было вынесено порицаніе за недостатки инициативы. Однимъ словомъ, этотъ человекъ всегда страдалъ отъ переизбытка осторожности.

Теперь ему суждено было выслушать замѣчаніе Карахана, обвинявшаго его въ томъ же. Наша контръ-развѣдка тщательно выяснила общій обликъ и психологию каждаго изъ непріятельскихъ командующихъ.

Для насъ эти свѣдѣнія имѣютъ неменьшее значеніе, чѣмъ свѣдѣнія о боевомъ вооруженіи непріятельскихъ судовъ. На основаніи этихъ свѣдѣній мы можемъ предположить, какъ непріятельскіе военачальники будутъ дѣйствовать въ томъ или иномъ положеніи. Мы знаемъ, что они предпримутъ, и знаемъ, что намъ слѣдуетъ предпринять. Наши свѣдѣнія о Брикстонѣ — первый нашъ козырь въ этой игрѣ, а второй нашъ козырь — это нашъ воздушный флотъ. На эти два козыря мы поставимъ все.

Кромѣ того къ нашей выгодѣ говоритъ и то обстоятельство, что Караханъ солдатъ, а не морякъ. У перваго Наполеона было то же самое уязвимое мѣсто. —

Для меня послѣдніе дни февраля, проведенные на Кубѣ, были полны особаго смысла и значенія. Безпрерывно шли приготовления къ величайшей битвѣ эпохи. По ночамъ транспорты доставляли въ Гаванну безчисленныя подкрѣпленія, которыя направлялись въ восточную часть острова и размѣщались въ Сантъ-Яго и Сантъ-Фуеги.

Острова Гаити, Доминика и Порто-Рико были оставлены безъ вниманія. Несмотря на то, что гарнизонъ этихъ острововъ былъ малочислененъ, а оборонительныя сооруженія соответствовали требованіямъ современной техники, островамъ этимъ

не было удѣлено вниманія, такъ какъ было ясно, что Карахантъ не склоненъ развивать своего наступленія въ Вестъ-Индіи. При желаніи онъ могъ бы давно захватить эти острова, но не считалъ нужнымъ распылять своего вниманія.

Самой опасной для насъ позиціей Карахана являлся островъ Ямайка, служившій въ 1814 году англичанамъ для подготовки нападенія на Новый Орлеанъ. Ямайка угрожала Панамскому каналу и для Карибскаго моря имѣла примѣрно то же значеніе, что Гибралтаръ для Средиземнаго моря.

Цѣлью американскихъ операцій являлся захватъ этого острова.

Сотни плантацій табака и сахарнаго тростника превратились въ замаскированные аэродромы, на которыхъ были спрятаны аэропланы, боевое снаряженіе и припасы.

Верховное командованіе въ этой операціи было поручено генералъ-майору Сенфорду.

Переброска флота и армій, заранее обсужденная объединеннымъ штабомъ всѣхъ силъ, началась 29 февраля. Со всѣхъ сторонъ — изъ Кей-Веста, Тампа, Пенсаколы, Гальвестона, Тампико и Вера-Круца вышли наши суда, направляясь къ Юкатанскому полуострову.

На слѣдующую ночь воздушный флотъ Соединенныхъ Штатовъ, состоявшій нынѣ изъ двухсотъ эскадръ и 3600 воздушныхъ боевыхъ единицъ, вылетѣлъ на острова Куба и Гаити.

Несмѣтное число аэроплановъ несло въ Гаванну. Ночной перелетъ происходилъ на очень большой высотѣ и прежде чѣмъ наступилъ разсвѣтъ, воздушный флотъ достигъ цѣли своего путешествія. Въ теченіе одной ночи всѣ сахарныя и табачныя плантаціи были сожжены и превратились въ аэродромы. Тысячи рабочихъ привели ихъ въ порядокъ и приготовили для приема воздушныхъ эскадръ. Тутъ же послѣ того, какъ воздушныя силы американцевъ снизились, мѣсто ихъ стоянки было замаскировано.

Командующій воздушными силами, адмиралъ Рамзай смогъ въ тотъ же день довести до свѣдѣнія правительства, что весь воздушный флотъ благополучно прибылъ на новое мѣсто сто-

янки, и что, повидимому, операція эта осталась для противника незамѣченной.

Въ ночь на 1 февраля группа быстроходныхъ пароходовъ, подъ прикрытіемъ ночной темноты, вышла въ плаванье и, обогнувъ мысъ Кагъ-Антоніо, приблизилась подъ прикрытіемъ береговой полосы на островъ Пиносъ.

Американскіе минные истребители продолжали крейсировать въ береговыхъ водахъ, тщательно слѣдя за тѣмъ, чтобы подводныя лодки противника не помѣшали переброскѣ. Минныхъ истребителей поддерживали американскіе летчики, кружившіеся надъ островомъ. День 2 марта прошелъ спокойно. Непріятель не обнаружилъ американскихъ силъ.

Послѣ объѣда американскіе транспорты подъ конвоемъ флота понеслись полнымъ ходомъ къ сѣверному берегу Ямайки.

Незадолго до наступленія сумерекъ въ путь пустилась вторая флотилія съ транспортами, на которые было погружено большое количество солдатъ.

А въ ночь на третье марта, за два часа до разсвѣта, американскій воздушный флотъ поднялся въ воздухъ съ шестидесяти различныхъ аэродромовъ и также взялъ курсъ на Ямайку. Часомъ ранѣе въ томъ же направленіи вылетѣли аэропланы, размѣщенные на Гаити.

Я, въ сопровожденіи капитана Ресселя и Спиды, поднялся на аэропланъ „Чикаго Трибюнъ“ и послѣдовалъ за нашими воздушными силами съ тѣмъ, чтобы сопровождать ихъ въ первый воздушный бой.

Битва при Ясайкѣ началась на разсвѣтѣ въ ночь на 4 марта. Подъ прикрытіемъ ураганнаго огня, развитаго нашей судовой артиллеріей и воздушными силами, наши десантныя суда продвинулись къ берегу, намѣтивъ себѣ цѣлью два важныхъ стратегическихъ пункта на восточномъ и западномъ побережьи острова. И Монтего-Бай и Аннотто-Бай соединялись желѣзной дорогой съ Кингстономъ, и отъ успѣха нашего продвиженія зависѣло очень многое.

Съ высоты аэроплана мы наблюдали за операціями нашего флота и видѣли, какъ наши суда, остановившись въ двадцати пяти километрахъ отъ берега, открыли ураганный огонь по вышеуказаннымъ пунктамъ побережья.

Береговья сооруженія красныхъ, снабженныхъ 7½, 15 и 20-сантиметровыми орудіями, были сметены нашимъ огнемъ. Однако высадка была затруднена тѣмъ, что вдоль всего побережья непріятель застылъ въ песокъ съ пулеметами и эти пулеметныя гнѣзда нѣсли смерть и разрушеніе, нанося нашимъ войскамъ большой уронъ.

На помощь нашимъ войскамъ пришли снизившіеся аэропланы, въ свою очередь подвергнушіе береговья позиціи красныхъ пулеметному обстрѣлу. Наши аэропланы, пролетая на высотѣ 150 метровъ, неслись со скоростью 250 километровъ въ часъ, и во многихъ пунктахъ вынудили противника къ молчанію.

Примерно то же самое происходило и въ Монтего-Баѣ. Въ обоихъ пунктахъ нашимъ войскамъ удалось захватить железнодорожную линію. Отступающій противникъ продолжалъ нести большія потери, и наши летчики вносили въ его ряды смятеніе.

Въ сумеркахъ наши, превосходящіе непріятеля, воздушныя силы появились надъ пляжю аэродромовъ красныхъ, имѣвшихся на островѣ Ямайка, и сбросили большое количество бомбъ. Эта бомбардировка уничтожила непріятельскіе аэропланы. Склады боевыхъ припасовъ взлетѣли на воздухъ, кое-гдѣ начался пожаръ. Нѣкоторымъ краснымъ летчикамъ удалось подняться на воздухъ, но они были ибиты нашими боевыми аэропланами.

Взявъ курсъ на югъ къ Кингстону, мы замѣтили, что рядъ аэродромовъ попалъ въ руки нашихъ отрядовъ — теперь на аэродромахъ красовались американскіе аэропланы. Адмиралъ Рамзай внесъ въ авіаціонное дѣло важное новшество — онъ не только уничтожилъ непріятельскія авіаціонныя силы, но и перебросилъ на непріятельскіе аэродромы множество американскихъ аэроплановъ, высадившихъ десантъ. Этотъ десантъ предназначался для охраны аэродромовъ.

— Вотъ тамъ находится Кингстонъ, — воскликнуть Блинкъ Рессель.

Надъ городомъ рвались снаряды, свидѣтельствовавшіе о томъ, что береговья батареи еще не были приведены въ готовность.

Пролетая надъ укрѣпленными позиціями Порто-Рояля,

наши флотъ подвергся ожесточенному обстрѣлу изъ зенитныхъ орудій. Американскіе мощные аэропланы круго снизились и сбросили въ стоявшія на рейдѣ подводныя лодки множество бомбъ.

При подводныхъ лодки быстро погрузились въ воду. Въ плавуемъ дождѣ стоялъ броненосный крейсеръ, въ которомъ мы опознали португальскій крейсеръ „Васко де Гама“. Экипажъ крейсера открылъ огонь по нашимъ аэропланамъ и вынудилъ двухъ нашихъ легчиковъ снизиться. Удачное попаданіе пробило брню крейсера ниже кильватерной линіи, и онъ сталъ медленно погружаться въ воду.

Къ четыремъ часамъ дня городъ Кингстонъ превратился въ груды дымящихся развалинъ. Лишь одиночныя выстрѣлы свидѣтельствовали о томъ, что кое-гдѣ непріятель продолжаетъ оказывать сопротивленіе.

Американскіе моряки заняли вокзалъ и вторглись въ городъ.

Непріятельскій генералъ Линкольнъ Уильберфорсъ, командовавшій войсками непріятеля, были вынуждены сдаться со всемъ своимъ штабомъ, а къ вечеру въ портъ прибыли первые американскіе транспорты и приступили къ выгрузкѣ припасовъ и боевого снаряженія. То была первая значительная побѣда американскаго оружія. Нашъ новый воздушный флотъ, получившій въ этой операціи свое боевое крещеніе, показалъ себя съ самой лучшей стороны и явился въ этомъ сраженіи рѣшающей силой.

Впервые со времени начала войны звѣздное знамя снова взвилось тамъ, гдѣ еще недавно развѣвалось радужное знамя Карахана. У краснаго Наполеона удалось вырвать свыше 12 тысячъ километровъ территоріи.

Вскорѣ послѣ того, какъ моряки вошли въ портъ, Бинней снизилъ аппаратъ, и мы смогли присутствовать на импровизированномъ торжествѣ, состоявшемся на рыночной площади.

Въ своемъ сообщеніи я подробно описалъ восторгъ, охватившій присутствовавшихъ, когда звѣздное американское знамя поднялось ввысь и взвилось на флагштокѣ.

Но меня ожидало разочарованіе. Цензура запретила мое сообщеніе, и капитанъ Рессель объяснилъ мнѣ, почему сооб-

щение о первом одержанном успехе должно было быть скрыто от миллионов американцев, трепетно ожидавших востеса фронта.

— Дело в том, что наш успех многим обязан тому, что мы действовали решительно и заставили красных врасплох. Они не предполагали, что мы решимся напасть на них. Особенно важным было для нас в самом начале нападения разрушить красные радио-станции на Ямайке. Я надеюсь, что наш замысел удался и что связь с главным расположением красных была прервана. Уилберфорс в последний раз сносился с главным штабом лишь упреком и в первом своем донесении вряд ли мог сообщить что-нибудь о начавшемся нападении. Мы надеемся, что красному флоту ничего не известно о захвате нами Ямайки. В наших интересах, чтобы Караханы полагали, что его войска все еще занимают остров Ямайку и оказывают нам сопротивление. К сожалению, у нас, что нам приходится скрывать сообщение об этой победе от наших соотечественников, но сперва нам следует добиться более ощутительных результатов.

— Где-то там вдали, — продолжал он, указывая на море, — погруженные в мрак, находятся наши флот и флот противника... Тщетно пытаются они напасть друг друга и войти в соприкосновение. От их маневров может зависеть исход войны. Мы взяли Ямайку, — теперь перед нами новая задача — мы должны удержать ее. Где-то на севере от Колонна находится красный флот, величайшая из существовавших на протяжении всей истории Армада. Она выступит против нас. Единственное, что нас отделяет от неприятельского флота, — это наши морские силы. От маневров флотов зависит все.

Впоследствии удалось установить, что надежды нашего командования на то, что неприятель не успеет сообщить верховному командованию о нашем стремительном нападении, были обоснованы.

Героним Пикс, черный военный корреспондент, находившийся на Ямайке, пишет на 221 странице своей книги следующее:

„Результат сражения и исход войны повисли на волоске.

Генерал Уилберфорс сообщил о высадке неприятельских войск в Монто-Баг и Аннот-Баг, но перевес американцев в воздухе был настолько велик, что к моменту развития наступления врага на Кингстон на остров Ямайку не оказалось ни одной радиостанции, которая уцелела бы под обстрелом противника. Генерал Уилберфорс попытался сообщить в ставку о происходящем, используя радиостанции стоявших на рейде судов, но атмосфера была настолько забита радиоволнами противника и разрядами, что его донесения не достигли цели. Американцы потопили все находящиеся на рейде суда, и даже подводным лодкам не удалось укрыться от обстрела противника.

Наши воздушные силы смогли противостоять превосходящим силам противника лишь в течение двух часов. Один из аэропланов, слегка поврежденный на рассвете, поднялся после обеда в воздух и попытался доставить в штаб донесение Уилберфорса о происшедшем и требование о помощи. Этот аэроплан однако не вернулся к месту своего назначения. Был ли онбит противником, или же потерпел аварию — осталось неизвестным.“ („Судьба Ямайки“ Геронима Пикса. Изд. Капс и Гаррисон Смит, Нью-Йорк, цена 12,50 долларов.)

На утро мы должны были снова пуститься в путь. Влиник Рессель возвратился в отель лишь поздно вечером, принеся с собою множество новостей о предстоящем походе американского флота на Ямайку. В эту ночь он воздал должное ямайскому рому.

На рассвете мы вылетели на юго-восток. При этом мы были свидетелями прибытия на остров новых воздушных аэропланов, летевших на высоте двух с половиною тысяч метров, и через час очутились над какой-то эскадрой.

Капитан Рессель опознал в судах боевые единицы второй атлантической эскадры нашего флота.

— Вот там видится „Калифорния“, — сказал он. — Это флагманское судно — Адмирал Батлинг, — далее четыре дредноута, четыре крейсера, отряд истребителей, дивизион подводных лодок. И, наконец, позади эскадры плывущая авиационная база. Если вам понадобится пополнить

запасы бензина, мы спустимся на нее. Я знакомъ съ ея капитаномъ.

— Мои резервуары полны, — отвѣтилъ Сиддъ.

— Тамъ виднѣется „Ореонъ“, — продолжалъ свои объясненія Рессель. — Это флагманское судно всего нашего флота — на немъ адмиралъ Кеннеди. Тамъ, въ сѣрой бронированной башнѣ, находится мозгъ, рѣшающій сегодня судьбу дяди Сама.

Вмѣстѣ съ флотиліей военныхъ аэроплановъ, образовавшихъ въ небѣ журавлиный клинъ, мы летѣли на юго-востокъ. Стоялъ чудесный безоблачный день, и Карибское море, озаренное лучами солнца, блестяло подъ нами ослѣпительной синевой. Вскорѣ послѣ полудня на горизонтѣ показались дымки, и нашъ авиационный отрядъ поднялся еще выше, не перемѣнивъ направленія.

— Должно быть, это третья наша эскадра подъ командой адмирала Кестера. Флагманскій корабль — „Техасъ“. Въ составъ эскадры входятъ линейные корабли: „Пенсильванія“, „Аризона“ и „Нью-Йоркъ“. За ними слѣдуетъ дивизионъ крейсеровъ, въ составъ котораго входятъ: „Гальвестонъ“, „Чатта-ноога“, „Денверъ“. Эта эскадра, подкрепленная дивизиономъ истребителей и подводныхъ лодокъ, составляетъ самостоятельную боевую единицу. Къ ней причислена и плавучая авіо-база „Джонъ Роджерсъ“, подъ командованіемъ капитана Уатсона. Мы спустимся къ нимъ и ознакомимся съ тѣмъ, что произошло за послѣдніе часы.

Капитанъ Уатсонъ принялъ насъ на капитанскомъ мостикѣ и, увидѣвъ его, я вспомнилъ о веселыхъ часахъ, проведенныхъ въ его обществѣ въ 1928 году въ Вашингтонѣ. Въ тѣ времена онъ командовалъ авіобазой въ Анакостіа. Онъ не перемѣнился — я увидѣлъ передъ собою все тотъ же вздернутый носъ, привѣтливые глаза, слышали все тотъ же радостный голосъ. Онъ сердечно пожалъ мнѣ руку.

— Мы ожидаемъ, что бой начнется еще сегодня, — сказали они, — хотѣлъ бы я знать, гдѣ плаваютъ суда Карахана. Мы все время идемъ полнымъ ходомъ и до сихъ поръ не обнаружили присутствія его флота. Ни одна подводная лодка не попалась намъ на пути. Мы думали, что встрѣтимъ

его эскадру, стаціонировавшую въ Венецельскомъ заливѣ, но и ея не оказалось.

Капитанъ Рессель и я сѣли за столъ въ обществѣ капитана Уатсона, тогда какъ Бинней раздѣлилъ трапезу офицерамъ. Около часу мы покинули базу и полетѣли на юго-западъ.

Въ три часа мы замѣтили на горизонтѣ первую американскую эскадру — она взяла курсъ на юго-востокъ.

Капитанъ Рессель любезно сообщилъ мнѣ, что эскадра эта плыветъ подъ флагомъ адмирала Аткинса и состоитъ изъ слѣдующихъ линейныхъ кораблей: „Западная Виргинія“, „Теннеси“, „Мериллендъ“, „Колорадо“.

Передъ дредноутами плыли четыре крейсера: „Солонное озеро“, „Честеръ“, „Чикаго“ и „Пенсакола“. На послѣднемъ развѣвался флагъ контр-адмирала Бериса.

За эскадрой слѣдовали истребители, подводныя лодки и авіобаза „Лентлей“.

Мы летѣли за нашимъ авиационнымъ отрядомъ на югъ, но не могли утоняться за ними. Минувая линію истребителей, шедшихъ впереди эскадры, мы увидѣли примѣрно въ 15 километрахъ перископы и башни подводныхъ лодокъ. Намъ показалось, что лодки эти идутъ съ тою же быстротой, съ которой шла эскадра.

На нѣкоторое время мы потеряли изъ виду нашъ авиационный отрядъ, но мы не измѣнили курса, разсчитывая, что намъ удастся догнать его или встрѣтить его на обратномъ пути. Рессель предполагалъ, что отрядъ вылетѣлъ на развѣдку въ юго-западномъ направленіи.

Его предположеніе оправдалось, и, когда мы снова увидѣли нашъ отрядъ, то оказалось, что девять нашихъ аэроплановъ вступили въ упорный воздушный бой съ семью неприятельскими аэропланами. Воздушное сраженіе длилось двадцать минутъ, и въ немъ погибло шесть неприятельскихъ аппаратовъ и два нашихъ летчика.

Подводныя лодки эскадры адмирала Аткинса должны были находиться гдѣ-то поблизости, но, насколько хватало глазъ, ихъ не было видно.

Въ то мгновеніе, когда первый американскій аэропланъ былъ сбитъ противникомъ и рухнулъ внизъ, Бинней заставилъ

чалась аэроплант круто снизиться. Въ ухахъ засвѣтѣлъ вѣтеръ — мы стремительно неслись внизъ, къ сѣрой точкѣ, виднѣвшейся на поверхности моря. Бинней описалъ нѣсколько спиралей, и мы спустились на воду въ нѣсколькихъ десяткахъ метровъ отъ подстрѣленного аэроплана.

Въ то мгновеніе, когда мы приблизились къ нему, аэроплант медленно сталъ погружаться въ воду. Я сталъ въ дверяхъ каюты вооружившись спасательнымъ кругомъ. Но наши старанія были тщетны. Прикрѣпленный ремнями къ своему сидѣнію, пилотъ былъ мертвъ. Спустившійся на его аппаратъ, Рессель снялъ что-то съ лѣвой руки летчика, сунулъ этотъ предметъ въ ротъ и поспѣшилъ назадъ. Очутившись снова среди насъ, онъ вынулъ изо рта тоненькую серебряную пластинку, висѣвшую на цѣпочкѣ, и сказалъ:

— Бѣдняга мертвъ, — три пули попали ему въ голову. Вотъ его отличительный жетонъ, — мы его перенесли въ его отрядъ. Умеръ смертью летчика и обрѣлъ могилу моряка...

— Вниманіе, — воскликнулъ Бинней, — вотъ еще кто-то падаетъ.

Снова заработали наши мощные моторы, и мы понеслись по водѣ. Прежде чѣмъ второй американскій аэроплант коснулся воды, мы успѣли развить полную скорость. Въ послѣднее мгновеніе машина выпрямилась и затѣмъ рухнула носомъ внизъ въ воду. Въ то мгновеніе, когда хвостъ машины взметнулся въ послѣдній разъ, изъ аэроплана вылетѣло чье-то тѣло.

— Вотъ онъ! — вскричалъ Бинней, круто поворачивая аппаратъ влево. Еще нѣсколько секундъ, и Рессель, глубоко перегнувшись, схватилъ летчика за шиворотъ и съ моей помощью втащилъ его въ нашъ аппаратъ.

Летчикъ не былъ раненъ, — онъ потерялъ лишь сознаніе и вскорѣ пришелъ въ себя. Лишь съ трудомъ смогъ онъ сообразить, что произошло, и гдѣ онъ находится.

Неожиданно въ лѣвнадцати метрахъ отъ нашего аэроплана поднялся ввысь большой водяной столбъ. Въ то мгновеніе, когда водяная масса снова рухнула въ море, мы услышали вой второй гранаты.

— Намъ надо скорѣе убраться отсюда, — воскликнулъ Бинней, и нашъ аппаратъ снова взмылъ вверхъ.

И безпрестанно мѣняя направленіе, мы понеслись на сѣверъ.

— Наши обстрѣляла непріятельская подводная лодка, — сказалъ Рессель. — Возьми они на десятокъ сантиметровъ лѣвѣе, и мы попропались бы съ жизнью. Должно быть, это не единственная непріятельская подводная лодка въ этихъ водахъ. Должна быть, за ними слѣдуетъ и весь непріятельскій флотъ. По моимъ расчетамъ, флотъ Карахана взялъ курсъ на сѣверъ отъ Колона. Если это такъ, то нашъ флотъ стремится къ одному и тому же пункту и намъ пора убраться отсюда.

Мы взяли курсъ на сѣверо-востокъ, потому что Рессель предположилъ, что въ этомъ направленіи мы натолкнемся на передовыя силы третьей американской эскадры.

Нынѣ мы знаемъ то, о чемъ тогда и не подозрѣвали. Въ то мгновеніе, когда мы летѣли на сѣверо-востокъ, стремясь отыскать наши морскія силы, красный флотъ встрѣтился съ нашей эскадрой и вступилъ въ бой.

Этотъ историческій мигъ, съ котораго началась первая стадія морского сраженія въ заливѣ Уиндвордъ, былъ 4 марта 1936 года въ 4 часа сорокъ пять минутъ пополудни.

Передовыя силы красного флота находились въ это мгновеніе на триста восемьдесятъ километровъ южнѣе Гавайи.

Напротивъ дуги, образованной флотомъ Карахана, стояла первая американская эскадра. Курсъ ея былъ юго-востокъ. Непосредственно на югъ, у Гавайи находилась третья американская эскадра. Нѣсколько далѣе на сѣверъ, между обѣими эскадрами, находился главнокомандующій американскими морскими силами со второй эскадрой и нѣкоторыми вспомогательными боевыми единицами.

Американскія морскія силы такимъ образомъ образовывали три угла неравносторонняго треугольника. По мѣрѣ того, какъ онѣ подвигались на югъ, основаніе этого треугольника уменьшалось.

Все это разъяснилъ мнѣ во время полета капитанъ Рессель. Намъ повстрѣчался авіаціонный отрядъ, летѣвшій на востокъ, и мы присоединились къ нему.

Подъ нами на спокойной морской глади не было видно ни

одного дымка. А через часъ это спокойное море превратилось въ адъ.

На нашъ отрядъ ринулся отрядъ непріятеля, состоявшій изъ сорока аэроплановъ. Въ этомъ ужасномъ воздушномъ сраженіи на каждаго американскаго пилота приходилось по два нападавшихъ на него аэропланы красныхъ. Въ первыя же пять минутъ боя были сбиты четыре наши машины, — у непріятеля было подбито только одинъ гидропланъ.

Въ то время, какъ Бинней снизилъ нашъ тяжелый аппаратъ, чтобы вывести насъ изъ зоны боя, какой-то непріятельскій гидропланъ попытался сбить насъ. Градъ пуль изрѣпятилъ обшивку нашей каюты. Одна изъ пуль разбила альтиметръ какъ-разъ въ то мгновеніе, когда я смотрѣлъ на него. Спасенный нами пилотъ былъ убитъ пулей наповаль.

— Пробить резервуаръ съ бензиномъ, — воскликнулъ напряженно работавшій Бинней и сдѣлалъ еще одну попытку ускльзнуть изъ-подъ пулеметнаго обстрѣла. Тяжелый запахъ бензина наполнилъ кабину.

— Мы снижаемся, — предупредилъ меня Бинней, и въ то мгновеніе, когда аппаратъ нашъ коснулся воды, въ лѣвомъ моторѣ вспыхнулъ пожаръ.

Бинней и я попытались заглушить пламя противопожарными приспособленіями, а уцѣлѣвшіе три американскихъ аэроплана, преслѣдуемые десяткомъ непріятельскихъ аэроплановъ, понеслись на сѣверъ.

— Съ огнемъ не справились, — сказалъ Рессель, — все смочено бензиномъ. Мы должны сбросить моторъ въ море и срезать крылья. Летать наша машина больше не можетъ; быть можетъ, она продержится на водѣ.

И мы ожесточенно принялись освобождать остоу аппарата отъ тяжелаго мотора и отъ плоскостей крыльевъ. Биннею удалось разорвать прикрѣплявшіе моторъ просы, и моторъ рухнулъ въ воду, взмешувъ столбъ пара.

— Славная исторія, — сказалъ Рессель, когда намъ удалось освободиться отъ загорѣвшихся плоскостей.

Ни воды, ни провіанта, ни клочка ткани, изъ которой можно было бы соорудить парусъ. И мы обречены сидѣть въ та-

комъ положеніи и бездѣйствовать, въ то время, какъ тамъ разгнѣвается величайшее въ мірѣ морское сраженіе.

— Больше ни за что не полечу безъ пулемета, — подсадовалъ Бинней. — Вотъ уже второй аэропланъ потабаеъ подо мною. И все это потому, что мнѣ остается защищаться противъ пулеметовъ воздушными поцѣлуями. Славный счетецъ предъявлю я „Чикаго Трибюнъ“.

Быстро спустились сумерки — наступила ночь.

13

Въ то время, какъ мы безпомощно плыли сквозь ночь по Карайскому морю, мысли мои возвратились къ февралю 1917 года. Я вспомнилъ о памятной мнѣ ночи, когда я плылъ въ лодкѣ, спасшись послѣ гибели „Лаконіи“, потопленной германскими подводными лодками.

Съ той поры прошло двадцать лѣтъ, и ничто не измѣнилось на земномъ шарѣ; попрежнему человечество рѣшало свои споры-при помощи оружія и войны. Все еще люди убивали другъ друга. Какъ странно, что мысли о мирѣ приходятъ на умъ именно тогда, когда чувствуешь приближеніе смерти.

Издали изъ ночного мрака доносился грохотъ орудійной канонады — мы не могли опредѣлить, съ какой стороны онъ доносился. Блинкъ Рессель снова оживился.

— Господи, они дерутся и, кажется, бой приближается къ намъ, — сказали онъ. — Мнѣ кажется, битва развертывается въ нашемъ направленіи. У насъ есть надежда, маленькая надежда на то, что насъ выудятъ изъ воды.

— Теперь мы не только слышали ревъ канонады, но и видѣли далеко на черномъ горизонтѣ всплывшіе орудія.

— Тамъ дѣло пошло всерьезъ, — сказалъ Бинней. — Вотъ только не пойму, какъ это они ухитряются разглядѣть другъ друга въ такую темень.

Потомъ мы услышали, какъ мимо насъ съ ужаснымъ воетъ пронеслось какое-то чудовище. То былъ минный истребитель, чуть не протаранившій нашу хрупкую скорлупу. Нашъ липенный управленія кузовъ гидроплана заплескалъ на пѣнныхъ вол-

нахъ, образовавшихся послѣ истребителя. Мы закричали изо всѣхъ силъ, но нашъ крикъ не былъ услышанъ.

Випва приближалась къ намъ — справа и слѣва отъ насъ гремѣли орудія, надъ нами съ всею проносившимся снарядами. Нѣкоторые изъ нихъ рухнули въ воду недалеко отъ насъ, обдавъ насъ водяными брызгами. Ужасный взрывъ справа чуть не оглушилъ насъ. Вокругъ насъ стало свѣтло, какъ днемъ.

— Господи, что это? — вскричалъ Бинней.

— Что-то серьезное произошло. Должно быть, мина взорвала какое-нибудь судно, — пояснилъ Рассель. — Будемъ надеяться, не наше.

Мимо насъ проносились истребители. На разстояніи двадцати метровъ отъ насъ я видѣлъ, какъ одинъ изъ истребителей началъ погружаться въ воду. До насъ доносились крики его команды, прыгавшей въ воду. Непроизвольно мы окликнули нѣкоторыхъ изъ нихъ и помогли имъ, взобраться къ намъ.

То были моряки съ американскаго истребителя Д 201. принадлежащаго къ третьей эскадрѣ второй флотиліи, состоявшей подъ командованіемъ вице-адмирала Хельтигана. Недалеко отъ насъ второй истребитель подбиралъ оставшихся въ живыхъ моряковъ. Мы окликнули его и насъ подобралъ — мы очутились на борту истребителя „Уортманъ“.

Вотъ такимъ способомъ судьба перебрала насъ въ самую гущу ужаснаго морскаго сраженія, разыгравшагося въ ночь съ 4-го на 5-ое марта, въ послѣдствіи названнаго „Второй фазой сраженія въ заливѣ Уиндворъ“.

Рассель и я направились къ капитану Хеннею на капитанскій мостикъ. Быстро, которую развивать истребитель, казалась сказочной. Содроганіе паровыхъ котловъ и машинъ, неслабоси на всѣхъ парахъ судна было невыносимо. Обмѣнявшись съ поглощеннымъ ходомъ боя капитаномъ нѣсколькими словами, Рассель объяснилъ мнѣ слѣдующее:

— Три группы нашего флота, повстрѣчавшіяся намъ сегодня, отходятъ на сѣверъ для того, чтобы сконцентрироваться. Красный флотъ преслѣдуетъ наши силы. Наши истребители нападаютъ на него. Сегодня мы будемъ свидѣтелями грозныхъ событий.

— Но я не могу понять, почему нашъ флотъ разбитъ на

три отдѣльныхъ группы, — замѣтилъ я. — Почему мы не сосредоточили свои силы? Мнѣ казалось, что азбучное правило морской тактики заключается въ наиболѣе полномъ сосредоточеніи всѣхъ силъ.

— Не вы одни поражены нашими дѣйствіями. Не менѣе пораженъ былъ и противникъ, когда онъ сегодня натолкнулся на востокъ на одну изъ нашихъ эскадръ, а потомъ въ стрѣхстахъ двадцати километрахъ на западъ встрѣтилъ вторую нашу эскадру. Неприятельское командованіе предположило, что ему удалось разорвать наши силы, и попыталось вбить клинъ между нашими двумя эскадрами. При выполненіи этой операціи они натолкнулись въ центрѣ на основныя силы нашего флота.

Нашъ планъ имѣлъ цѣлый рядъ преимуществъ.

Во первыхъ: каждая изъ нашихъ эскадръ располагаетъ полной независимостью и свободой маневрированія. Мы имѣемъ возможность въ случаѣ столкновенія ввести въ бой всѣ потребныя намъ силы.

Во вторыхъ: при подобномъ расположеніи силъ мы можемъ въ полной мѣрѣ использовать скорость нашихъ истребителей, крейсеровъ и гидроплановъ.

Въ третьихъ: мы увеличиваемъ эффектъ полезнаго дѣйствія нашихъ подводныхъ лодокъ.

Въ четвертыхъ: каждая изъ отдѣльно взятыхъ эскадръ имѣетъ возможность вступить въ бой и поддержать соседнюю эскадру, на которую напали превосходящія ее силы противника. Короче говоря, нашъ планъ даетъ намъ возможность легче сконцентрировать наши силы и дѣлаетъ ихъ болѣе подвижными. —

— А чѣмъ заключается неприятельская система? — спросилъ я.

— Они пользуются старой англійской тактикой, примѣнявшейся еще во времена Нельсона. Боевыя суда объединены въ одинъ отрядъ, крейсера въ другой, истребители въ третій. Подобное единство силъ очень благоприятно въ стадіи боя, но сильно затрудняетъ маневрированіе.

Поясненія Расселя представляли для меня большой инте-

ресь, но еще больший интерес представляли для меня развертывавшиеся передо мною события.

Последующие часы превратились для меня в какой-то чудовищный сон, сотканный из несущихся на всех парах судов, грохочущих орудий, взрывов, смерти и разрушения.

Ночное сражение, разыгравшееся в Карибском море между нашим флотом и преследовавшим его флотом Карангана, описано в рядѣ трудов. И все историки принуждены воздать должное талантам адмирала Кеннеди, не переставшаго преследовать неприятеля, бросая ему навстрѣчу свои легкія суда и уводя крупныя боевыя единицы къ условленному пункту, на которомъ должно было произойти объединеніе всехъ морскихъ силъ для грядущаго большаго боя.

Результаты ночнаго сраженія лишній разъ подтвердили, насколько правиленъ былъ его планъ сраженія. При атакахъ на громады неприятельскаго флота нашихъ истребителей нѣсколько десятковъ послѣднихъ погибло, и ко дну пошли тысячи нашихъ моряковъ. Однако нѣкоторымъ нашимъ истребителямъ удалось прорвать завѣсу неприятельскихъ истребителей и подорвать три неприятельскихъ дредноута.

Какъ мнѣ потомъ стало извѣстно, выполненіе этой задачи облегчила хитрость, примененная однимъ изъ нашихъ офицеровъ.

Оба флота пользовались условными свѣловыми сигналами, такъ, какъ это принято и въ сухопутныхъ частяхъ. Сигналы эти служатъ для оповѣщенія своихъ судовъ, и состоятъ изъ чередующихся вспышекъ свѣта, соответствующихъ знакамъ азбуки Морзе.

Одинъ изъ красныхъ истребителей, повстрѣчавшись съ американскимъ истребителемъ, далъ свѣтовой сигналъ, который былъ замѣченъ и записанъ американскимъ офицеромъ. Американскому истребителю удалось въ темнотѣ проследовать незамѣченнымъ им, когда онъ повстрѣчался съ другимъ неприятельскимъ судномъ, онъ использовалъ неприятельскій сигналъ и красное судно отвѣтило на сигналъ.

Капитанъ американскаго истребителя сообщилъ по радио объ уловленномъ сигналѣ командующему флотомъ, который въ свою очередь сообщилъ о немъ остальнымъ боевымъ единицамъ.

Благодаря этому, въ теченіе ночи нашимъ истребителямъ удалось нѣсколько разъ обмануть бдительность неприятеля, пробраться за линію истребителей красныхъ и выпустить свои мины въ неприятельскіе дредноуты.

Одновременно ночное сраженіе имѣло цѣлью сократить численность неприятельскаго флота. И дѣйствительно, неприятельскій флотъ, вышедшій въ походъ въ составѣ тридцати одного дредноута, на слѣдующій день насчитывалъ двадцать восемь дредноутовъ.

Помимо ряда истребителей, американскій флотъ потерялъ лишь одинъ линійный корабль, отдѣлившійся отъ остальныхъ судовъ своего типа и настигнутый неприятельскими истребителями. Въ три часа утра онъ былъ подорванъ минами и потонулъ.

Какъ впоследствии выяснилось, въ ночномъ сраженіи неприятель потерялъ дредноуты „Айронъ Дьюкъ“, „Ройаль Северенъ“ и „Марна“.

Нашъ флагманскій корабль на разсвѣтъ, не умѣряя скорости, достигъ расположенія основныхъ силъ американскаго флота, только что закончившаго концентрацію своихъ силъ и разворачивающагося въ боевую колонну.

Хеней приблизился къ флагманскому дредноуту „Орегонъ“ и просигнализировалъ флажками, что я, Сидъ Винней и Рессель находимся на борту „Оуртменъ“ и просимъ разрѣшенія перейти на дредноутъ. Тутъ же намъ были брошены чалки и веревочныя лѣстницы, и мы взобрались на палубу дредноута.

Съ наступленіемъ дня на югъ мы слышали канонаду. Рессель объяснилъ мнѣ, что красный флотъ превосходилъ насъ скоростью и что онъ нагналъ насъ. Такъ началась единственная въ исторіи человечества битва въ заливѣ Уиндвортъ.

— Наши крейсера прикрываютъ тылъ, — продолжалъ Рессель. — Они вошли теперь въ соприкосновеніе съ высланными впередъ крейсерами противника. Неприятельскій флотъ медленно продвигается на востокъ и приближается къ намъ. Это значитъ, что онъ займетъ позицію между нами и восточнымъ берегомъ Ямайки. Мы находимся въ настоящую минуту примѣрно въ семидесяти пяти километрахъ на востокъ отъ мыса Морана и направляемся къ проливу Уиндворта.

Американскій флотъ растянулся длинной кильватерной колонной — между судами были интервалы въ 450 метровъ.

На западѣ красный флотъ построился примѣрно такимъ же образомъ. Вылетѣвшіе на развѣдку аэропланы сообщали, что онъ находится примѣрно въ тридцати километрахъ отъ нашего флота. Обѣ стороны выслали на развѣдку аэропланы, и въ воздухѣ завязалось сраженіе. Рессель переговорилъ по телефону съ дежурнымъ офицеромъ и улыбаясь замѣтилъ мнѣ:

— Мы перехватили неприятельскія радіограммы. Брикстонъ потребовалъ отъ красного верховнаго командованія, чтобы всѣ имѣющіяся на островѣ воздушныя силы были двинуты въ помощь флоту.

Теперь вамъ понятно, почему для насъ было такъ важно скрыть паденіе Ямайки? Вы видите, какое значеніе для насъ имѣетъ это обстоятельство?

Брикстонъ не подозреваетъ, что островъ находится въ нашихъ рукахъ, и продолжаетъ рассчитывать на поддержку воздушнаго флота, расположеннаго на островѣ. Онъ не знаетъ, что аэродромы острова находятся въ распоряженіи нашего флота и его ожидаетъ пріятный сюрпризъ.

Оба флота не мѣняли курса, и красный флотъ медленно приближался къ нашему. Къ семи часамъ мы были примѣрно въ двадцати пяти километрахъ восточнѣе мыса Мортана.

Рессель повелъ меня на вышку „Орегона“, но даже въ сильный бинокль я не былъ въ состояніи разглядѣть очертанія приближавшейся съ запада неприятельской эскадры.

Несмотря на большое разстояніе, я все же отчетливо слышала проходъ орудійной канонады, это премѣли орудія на крейсерахъ, вступившихъ въ бой съ неприятельскими крейсерами. Прошелъ еще одинъ часъ — теперь неприятельскій флотъ расположился параллельной къ американскому флоту линіей. Ровно въ восемь часовъ запрохотали тяжелыя орудія красныхъ дредноутовъ.

Рессель пояснилъ:

— Насъ раздѣляетъ разстояніе въ 25 тысячъ метровъ — они стрѣляютъ, пользуясь воздушными наблюдателями. Недо-

летъ! — сказалъ онъ, указывая на взмывшій передъ нами испанскій столбъ дыма.

Въ отвѣтъ на огонь неприятеля запрохотали наши орудія. Огонь нашихъ пушекъ сосредоточился на головномъ кораблѣ красныхъ. Съ какимъ результатомъ работала наша артиллерія, я не знаю, — я даже былъ лишенъ возможности разглядѣть цѣль, по которой они стрѣляли. Сорокасантиметровыя орудія „Орегона“ подымали ужасный ревъ, и я почувствовалъ, что начинаю глохнуть. Я испытывалъ дикую головную боль.

Выстрѣлы сотрясали огромное судно, и при каждомъ раскатѣ насъ отбрасывало назадъ. Опромытые клубы дыма вздымались изъ орудій и окутывали судно непроницаемымъ облакомъ. Къ счастью, вѣтеры переизмѣнили направленіе и подулъ съ сѣверо-востока, относя дымъ въ сторону.

— Старшина Кеннеди отлично выбралъ время и мѣсто, — крикнулъ мнѣ на ухо Рессель. — Вотъ видите, за нами восходитъ солнце, — оно будетъ слѣпить глаза противнику.

Мнѣ казалось, что обстрѣлъ небезрезультатенъ и что обѣ стороны не потеряли урона. Между линіями дредноутовъ находились колонны крейсеровъ и истребителей, подвергавшихся обстрѣлу на болѣе короткой дистанціи.

— Смотрите, — вскричалъ Рессель, — теперь вы можете видѣть, что они приближаются. Они сокращаютъ дистанцію между нами. Господи, воздушный флотъ!...

И онъ поспѣшилъ къ телефонному аппарату, въ ожиданіи получить дополнительныя свѣдѣнія, а я сталъ разсматривать въ бинокль неприятельскія суда, пытаясь своею фантазіей дополнить происходящее на разстояніи двадцати четырехъ километровъ отъ меня. Единственное, что я увидѣлъ, — были вспышки огня среди клубовъ дыма.

Неожиданно мы услышали въ отдаленіи отчаянный прохотъ, за которымъ послѣдовала ожесточенная артиллерійская канонада.

Лишь въслѣдствіи Рессель объяснилъ мнѣ, что произошло въ это мгновеніе.

Флотилія американскихъ подводныхъ лодокъ неожиданно вынырнула въ расположеніи неприятельскаго флота и атаковала съ фланга колонну дредноутовъ Карахана. Неприятельскій

флотъ, ощутившись въ непосредственной близости съ этими сугарсобразными машинами смерти, постигли перестроиться и повернуть вправо. Одновременно съ выполнениемъ этого маневра, на непріятельскій флотъ, съ большой высоты, ринулись эскадры нашихъ аэроплановъ, поднявшихся съ аэродромовъ Ямайки. Навстрѣчу нашимъ воздушнымъ судамъ вылетѣли красные гидропланы, находившіеся на плавучихъ авіо-базахъ, и бросились въ бой съ нашими авіаціонными силами. Тѣмъ самымъ они хотѣли прикрыть свой флотъ отъ нападенія сверху. Непріятельскій флотъ, перестроивъ колонну, не могъ использовать немедленно для борьбы съ гидропланами свои зенитныя орудія. Къ тому же число непріятельскихъ аэроплановъ значительно уступало въ численности нашимъ воздушнымъ эскадрамъ, прибывшимъ съ Ямайки.

Результатомъ этого двойного — воздушнаго и подводнаго — нападенія явилось то, что уже въ первые минуты краснымъ былъ нанесенъ существенный уронъ: два дредноута Карахана — „Уарспайт“ и „Родней“ — были потоплены, а бывший итальянскій линейный корабль „Кавуръ“ выведенъ изъ строя. Въ послѣдовавшіе затѣмъ часы наши гидропланы потопили и этотъ дредноутъ.

— Стало еще время дредноутами меньше у непріятеля, — сказалъ Рессель. — Положение наше улучшается. Теперь мы имѣемъ пятнадцать нашихъ дредноутовъ противъ двадцати пяти непріятельскихъ.

Теперь и непріятельскіе снаряды стали ложиться въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ „Орегономъ“ и другими нашими дредноутами. Наши орудія усилили обстрѣлы. Непріятель добился нѣсколькихъ попаданій, и адмиралъ Кеннеди отдалъ распоряженіе немного измѣнить курсъ съ тѣмъ, чтобы измѣнить дистанцію, отдѣлявшую насъ отъ непріятеля. Но непріятель, превосходившій насъ скоростью, вскорѣ снова сумѣлъ приблизиться и сократить разстояніе между обѣими эскадрами. Незадолго до восьми часовъ одинъ изъ непріятельскихъ снарядовъ попалъ въ башню дредноута „Оклагома“ и причинилъ большія разрушенія.

Дредноутъ лишился способности маневрировать и на всѣхъ

парахъ понесся навстрѣчу непріятельскому флоту, вырвавшись изъ линіи расположенія нашего флота.

Когда этотъ безумный маневръ, явившійся слѣдствіемъ прекращенія рулевого механизма, былъ замѣченъ непріятелемъ, на „Оклагому“ былъ сосредоточенъ огонь двѣнадцати дредноутовъ, и вскорѣ съ нашимъ дредноутомъ было покончено.

Раздался оглушительный взрывъ, и „Оклагома“ стала погружаться въ воду.

Теперь адмиралъ Кеннеди выслалъ впередъ флотилію истребителей, создавшихъ передъ нашимъ флотомъ дымную завѣсу. Подъ ея прикрытіемъ нашъ флотъ рѣзко повернулся вправо, и колонна нашихъ дредноутовъ свернулась.

Непріятель превосходилъ насъ силою своей артиллеріи и быстротою хода — нашему флоту было не подъ силу принять бой на такомъ большомъ участкѣ. Закончивъ маневръ, адмиралъ снова приказалъ флоту сдѣлать поворотъ въ девяносто градусовъ, и флотъ взялъ прежній курсъ.

Наступилъ полдень. Бой продолжалъ развѣртываться въ сѣверномъ направленіи, и теперь американская колонна была примѣрно въ шестидесяти пяти километрахъ отъ побережья Кубы.

Красный флотъ находился сѣвернѣе нашего флота и прекращалъ путь къ Кубѣ. Разстояніе между обоими флотами сократилось, и я получилъ возможность наблюдать въ бинокль за всѣми перипетіями боя.

Теперь насталъ моментъ, когда непріятельскому флоту слѣженъ былъ быть нанесенъ второй ударъ. Дивизионъ подводныхъ лодокъ подъ командой вице-адмирала Томаса бросился съ сѣвера въ атаку на непріятельскій флотъ и послѣ того, какъ непріятельскій флотъ перестроился и повернулся на сѣверъ, въ бой былъ брошенъ второй авіаціонный отрядъ американцевъ. Свѣжія авіаціонныя силы американцевъ прибыли съ полей Кубы, съ Сантъ-Яго и Гуатано-Бай. Затѣмъ американскій флотъ съ ужасающей силой сосредоточилъ орудійный огонь на первомъ дредноутѣ колонны краснаго флота и...

— Еще одинъ! — закричалъ Рессель. — Еще одинъ потопленъ! Это „Мальборо“. Мы подбили еще нѣсколько судовъ. Взгляните на лѣвый флангъ — тамъ одинъ дредноутъ

лишенъ способности маневрировать. Это „Эндр“ — съ нимъ покончено. А тотъ, что въ огнѣ — „Королева Елизавета“.

Но этимъ не ограничилось число непріятельскихъ судовъ, выведенныхъ изъ боя. Наши орудія подбили еще одинъ дредноутъ.

Словно коршуны, вигали наши гидропланы надъ непріятельскими судами, довершая разрушеніе и осыпая ихъ бомбами.

Къ часу дня адмиралъ Брикстонъ въ результатъ совместнаго нападенія нашихъ воздушныхъ силъ, флота и подводныхъ лодокъ, потерялъ шесть крупныхъ боевыхъ единицъ.

Наши гидропланы спустили дымовую завѣсу, подъ прикрытіемъ которой адмиралъ Кеннеди прервалъ столь славно разывравшееся для насъ сраженіе и взялъ презпій курсъ.

Теперь соотношеніе основныхъ боевыхъ единицъ обоихъ флотовъ составляло девятнадцать къ чепынадцати, причемъ нашъ перевѣсъ въ воздухѣ не возбуждалъ сомнѣній, такъ какъ теперь наши силы почти уравнились. Адмиралъ Кеннеди оказался въ состояніи возобновить артиллерійскую дуэль, и оба флота возобновили обстрѣлъ на разстояніи двадцати съ небольшимъ километровъ.

Мы превосходили непріятеля качествомъ нашей воздушной развѣдки, и Рессель безпрестанно увѣрялъ меня, что нашъ орудійный огонь оказывается болѣе убойнымъ, чѣмъ непріятельскій.

— Господи, что это за сраженіе? — вскричалъ онъ. — Вы замѣтили послѣднія попаданія? Еще двѣ непріятельскія посудины потоплены—бывшій нѣмецкій корабль „Фонъ Тирпицъ“ и японское судно „Мутсу“. Собственно, оба этихъ судна входили въ составъ крейсерской эскадры, но Брикстону пришлось ихъ вызвать на помощь. —

Всюду однако радость Ресселя была омрачена. Американскій флотъ потерпѣлъ второй тяжелый уронъ за этотъ день.

Сосредоточенный огонь непріятельскихъ орудій вывелъ изъ строя нашъ дредноутъ „Невада“, и, несмотря на то, что наши истребители попытались вывести его изъ зоны боя и укрыть за дымовой завѣсой, непріятельскіе аэропланы и подводныя лодки довершили свое дѣло и потопили дредноутъ.

Несмотря на то, что скорость обоихъ флотовъ, въ резуль-

татъ артиллерійской дуэли, снизилась, красивый флотъ приблизился къ нашей колоннѣ настолько, что адмиралъ Кеннеди, во избѣжаніе того, чтобы наша колонна была разрѣзана на двое, отдалъ приказъ перемѣнить курсъ и пошелъ на югъ.

Убѣжденный въ перевѣсъ нашей артиллеріи, адмиралъ отдалъ приказъ возобновить артиллерійскую дуэль. Близился вечеръ — бой непрерывно шелъ съ разсвѣта. Въ результатъ маневровъ нашего флота, солнце снова садилось у нашихъ казенниковъ за спиною.

Теперь тринадцати американскимъ единицамъ противостояли семнадцать непріятельскихъ единицъ. Слѣдующій часъ довершилъ уничтоженіе остатковъ непріятельскаго воздушнаго флота. Наши летчики сосредоточили все свои силы на непріятельскомъ воздушномъ флотѣ, и вскоре остатки его были разгромлены.

Бинней, наблюдавшій за боемъ въ обществѣ одного изъ офицеровъ авіаціи, находившихся на „Орегонѣ“, возбужденно крикнулъ мнѣ:

— Наконецъ-то у меня имѣется аэропланъ, вооруженный пулеметомъ! Капитанъ Рессель, идите сюда — мы сейчасъ полетимъ.

Черезъ пять минутъ мы были въ бронированной каютѣ аэроплана и взмыли въ высь. Прежде чѣмъ намъ удалось достигнуть желательной высоты, намъ пришлось вступить въ бой съ японскимъ летчикомъ, и Бинней сбилъ его.

Достигнувъ высоты пятисотъ метровъ, мы стали наблюдать за послѣдней фазой этого рѣшающаго морского сраженія. Теперь красный флотъ находился на разстояніи пятнадцати километровъ отъ западной конечности острова Гаити.

Американоамериканскій флотъ расположился въ пятнадцати километрахъ на юго-востокъ отъ маленькаго островка Наваеса Исландъ. Къ стыду своему, я долженъ признаться, что только тогда я узналъ о томъ, что этотъ островокъ принадлежалъ Соединеннымъ Штатамъ.

Такимъ было расположеніе обоихъ флотовъ, когда адмиралъ Кеннеди приступилъ къ осуществленію своего рѣшающаго замысла. Новая группа подводныхъ лодокъ атаковала тѣснымъ непріятельскій флотъ съ восточнаго фланга, и одновременно

въ бой принялись свѣжія воздушныя силы, спрятанныя на островахъ Гаили.

И снова воздушныя и морскія силы своими согласованными дѣйствіями нанесли противнику жестокой уронъ. Въ то время, какъ красный флотъ маневрировалъ, чтобы избѣгнуть минной атаки, наши аэропланы снизились и открыли бомбардировку. Поддерживая воздушную и подводную атаку, наши орудія развили ураганный огонь, извергая на непріятельскій флотъ опромняющія массы металла и взрывчатыхъ веществъ.

Рессель, не отходявшій отъ меня ни на шагъ, безостановочно продолжалъ говорить:

— „Бенбоу“ выведенъ изъ боя. Въ прошломъ это — флагманскій корабль великобританской эскадры линейныхъ кораблей. Рядомъ съ нимъ „Ревент“ — посудина со собитыми мачтами не что иное, какъ „Семма“ — флагманскій корабль французскаго флота. Тотъ, что тонетъ, — „Юлій Цезарь“ изъ итальянскаго флота. Тамъ на горизонтѣ сейчасъ взлетитъ на воздухъ „Нагато“, а рядомъ, охваченный огнемъ „Того“. Оба принадлежали къ восьмому японскому дивизиону. Нѣкогда они были гордостью японскаго императорскаго флота. Мнѣ кажется, что „Нагато“ былъ флагманскимъ кораблемъ адмирала Ото, послѣдствіемъ Брикстонъ передавъ командование крейсерской эскадрой.

Вотъ каковы были успѣхъ, достигнутый адмираломъ Кеннеди въ этомъ сраженіи. Потери, понесенныя непріятельскими крейсерскими эскадрами и дивизионами болѣе мелкихъ единицъ, были еще многочисленнѣе. Остатки потрепаннаго краснаго флота направлялись на югъ, пытаясь найти спасеніе въ бѣгствѣ. Но Кеннеди не собирался закончить сраженіе. Теперь у насъ было тринадцать линейныхъ кораблей противъ непріятельскихъ одиннадцати, и мы находились въ перевѣсѣ.

Кеннеди приблизился со своимъ флотомъ къ колоннѣ непріятельскихъ дредноутовъ, и въ сумеркахъ началась послѣдняя артиллерійская дуэль.

На наше счастье, сѣверо-восточный вѣтеръ отгонялъ въ сторону облака дыма, что давало намъ возможность безпрепятственно наблюдать за всѣми стадіями сраженія, развернувшегося въ рядъ единоборствъ отдѣльныхъ дредноутовъ. Какъ намъ

удалось установить, адмираль Брикстонъ далъ со своего флагманскаго дредноута „Нельсонъ“, понесшаго большія поврежденія, приказъ къ отступленію, поручивъ подводнымъ лодкамъ и истребителямъ прикрывать его.

Въ первый часъ преслѣдованія нашъ флотъ натолкнулся на флотилію непріятельскихъ подводныхъ лодокъ, вынырнувшихъ съ юга. Позднѣе ихъ появленіе было совершенно необъяснимо, и мы стали испытывать опасенія, что въ послѣднее мгновеніе побѣда можетъ быть вырвана изъ нашихъ рукъ.

Два большихъ нашихъ дредноута — „Идаго“ подъ флагомъ контръ-адмирала Атвуда и „Западная Виргинія“ — были потоплены. Къ счастью, остальнымъ судамъ удалось подобрать часть команды тонущихъ кораблей. Эта потеря омрачило торжество нашего флота.

Адмираль Кеннеди собралъ свои боевыя силы и повелъ ихъ въ погоню за отступавшимъ флотомъ Брикстона.

Винней спустился рядомъ съ „Орегономъ“, и насъ подымали на бортъ.

Я едва успѣвалъ выхватывать изъ папущей машины листки со своими сообщеніями. — Винней тудъ же подхватывалъ ихъ и несся къ радіо-аппарату передавать ихъ дальше. Безпрерывное возбужденіе и большое количество поглощеннаго во время работы кофе сказались на моихъ нервахъ, и я, совершенно обезсилѣвъ, упалъ въ кресло и забылся. Продвинувшійся далеко впередъ арміи Краснаго Наполеона все еще попирали американскую территорію, но флотъ Карахана, обезпечивавшій ему владычество надъ морями, былъ уничтоженъ. Вблизи разсвѣтъ — разсвѣтъ, несшій намъ побѣду.

— Господи, ну и сообщеніе! — кричалъ Винней. — Надѣюсь, радіо-станція передастъ его дальше. Я готовъ отдалъ все, лишь бы былъ съ Марго въ мгновеніе, когда она узнаетъ о томъ, что произошло. Господи, что-то будетъ?

Я былъ настолько обезсиленъ, что не былъ въ состояніи удостоить его отвѣтомъ. Я не могъ думать, я испыталъ лишь одно желаніе — спать, спать, спать.

Морское сражение в проливе Уиндворта было самым значительным событием этого исторического 1936 года.

Многочисленные армии Красного Наполеона, (четыре миллиона людей, находившихся на канадском фронте, два миллиона в Вашингтоне, Орегоне и Британской Колумбии и два миллиона на мексиканском фронте и в Панаме) — были переброшены к нам морским путем.

Уничтожение неприятельского флота открывало нашему флоту, до сих пор запертому в Мексиканском заливе, свободу действий. Наши уцелевшие dreadnoughts, крейсера-истребители и подводные лодки получили возможность свободно маневрировать в море. Отныне мы властвовали над морями и могли прервать важнейшие коммуникационные линии Карахана, нуждавшегося в беспрепятственном подвозе свежих сил и припасов из Европы.

После того, как американскому флоту удалось довершить разгром сил адмирала Брикстона, наши суда блокировали порты Карахана в Атлантическом и Тихом океанах. „Бермуда“ и „Тринидад“, после утраты флота, сдались и были превращены в американские морские базы.

Наш флот направился к берегам Европы и Америки и произвел перед портами материков, захваченных Караханом, внушительные демонстрации. Эти демонстрации, свидетельствующие о том, что не все враждебные Карахану народы сломлены, послужили сигналом к ряду действий, повлекших за собою развал огромного политического и административного механизма, созданного Караханом на развалинах покоренных им государств.

1934 и 1933 годы ознаменовались невероятным напряжением всех сил, подпавших под власть Карахана. Его победы доставались покоренным им странам дорогою ценою. Подавляющее большинство флота всего мира было реквизировано для нужд его армии и служило для переброски его войск в Америку. Это обстоятельство нанесло большой ущерб морской торговле всех стран. Особенно сильно это сказалось на снабжении населения теми предметами потребления, которые

одновременно являлись предметами потребления бесчисленных армий Карахана. Кое-где жестокие лишения, чудовищные налоры и реквизиции вызвали недовольство, выразившееся в открытом возмущении, что свидетельствовало о том, что дух в покоренных странах нынче далеко не тот, каким он был в начале эры Карахана.

Упорное сопротивление Америки, противоречившее обещанию Карахана сломить Соединенные Штаты в течение одного года, и гибель его морских сил вызвали большое смещение в тылу.

Несколько иное настроение царило в его армиях. Там, среди его чернокожих и желтых частей, равно как и среди коммунистически настроенных белых частей, распределялись летучки, опечатанные на множествах различных языков.

Он гласил:

„Товарищи, мы находимся в чужой стране, оторванные от наших семей и нашей родины. Морское сообщение в нашем тылу прервано. Перед нами белая капиталистическая армия, задавшаяся целью добиться нашего уничтожения. Океан больше не принадлежит нам. Для нас существует лишь один исход: сломить преграждающего нам дальнейшего продвижения вперед противника и захватить всю страну.“

Еще одно последнее рывочное напряжение, и мы увидим, чаем, наше дело победой!“

Дух американских армий воспрянул. Ценою большого напряжения тылу удалось добиться новых результатов, отпавших реверсных, на промышленном фронте. Бывший президент Гувер сумел добиться результатов, которые явились для всех полной неожиданностью. Все это было достигнуто, потому что отныне наша промышленность была децентрализована, что давало возможность каждому приложить максимум усилий и одновременно делало ее неуязвимой для налетов неприятельских воздушных сил.

Теперь наши фронтовые войска уже больше не являлись скоплением необученных и скверно подготовленных новобранцев. Два года тяжелой борьбы, стоившие американским армиям двух миллионов человеческих жизней, оказались для наших солдат отличнейшей школой. Теперь у нас под

ружьемъ находилось девять миллионѣвъ челоѣкъ. — изъ этого количества пять миллионѣвъ было на ново-англійскомъ фронтѣ, простиравшемся отъ озера Эри, Альбани на западъ къ Гудзону и Нью-Йорку.

Наши войска больше не испытывали недостатка въ бое-
выхъ припасахъ и въ снаряженіи — наша величайшая армія
была снабжена въ достаточной степени всѣмъ необходимымъ,
а теперь къ ней присоединилась и поддержка нашихъ численно
возросшихъ воздушныхъ силъ.

Американскій воздушный флотъ, такъ славно поработав-
шій во время рѣшающаго морского сраженія, въ день разгрома
флота Карахана въ Караибскомъ морѣ, вылетѣлъ на сѣверъ.
Новые летчики и аэропланы пополнили убыль, происшедшую
за время сраженія.

Отнынѣ мы владѣли морями, — теперь оставалось лишь
рѣшить въ бою, кому владѣть воздушными сферами. Въ пер-
вой половинѣ марта оба арміи ожесточенно готовились къ на-
чалу весенней кампаніи.

Американскій воздушный флотъ приступилъ къ активнымъ
операціямъ 17 марта. Цѣлью нашей атаки былъ Бостонъ, быв-
шій не только важнымъ стратегическимъ центромъ и мѣстомъ
нахожденія Карахана и его штаба, но одновременно и значи-
тельнѣйшей базой непріятельскаго воздушнаго флота.

Операціями нашего воздушнаго флота руководилъ лично
адмиралъ Рамзай. Флагманскимъ кораблемъ воздушнаго фло-
та былъ очень быстроходный и легкій наблюдательный аэро-
планъ.

Краснымъ воздушнымъ флотомъ, состоявшимъ изъ 7000
аэроплановъ, командовалъ красный адмиралъ Де Лонгъ.

Нашъ воздушный флотъ состоялъ изъ четырехсотъ эскадръ,
— въ каждой эскадрѣ было восемнадцать аэроплановъ. Итого,
нашъ флотъ насчитывалъ 7200 аэроплановъ. Эта огромнѣйшая
армада была размѣщена на аэродромахъ Мериленда, Делавера,
Нью-Джерсея, Пенсильваніи и Нью-Йорка.

17 марта, вскорѣ послѣ захода солнца, все это огромное
количество аэроплановъ сосредоточилось въ районѣ Филадель-
фіи. Наши воздушныя силы направились къ морю и, исчез-
нувъ изъ виду, взяли курсъ на сѣверо-востокъ.

Нѣсколькими часами позднѣе нашъ флотъ неосижданно по-
явился надъ Бостономъ. Онъ летѣлъ съ Атлантическаго океа-
на. И снова на землю низринулся ураганный ливень, несшій
смерть и разрушеніе. Непріятельскія зенитныя орудія откры-
ли ожесточенную пальбу, но никто изъ непріятельскихъ летчи-
ковъ не рискнулъ вступить въ бой съ нашими силами. Выслан-
ная адмираломъ Рамзаемъ воздушная развѣдка сообщила, что
окрестные аэродромы покинуты непріятелемъ и что поблизости
не видно ни одного непріятельскаго аэроплана. Это странное
исчезновеніе непріятельскихъ воздушныхъ силъ разъяснилось
въ часъ дня, когда адмираломъ Рамзаемъ было получено слѣ-
дующее сообщеніе по радіо:

„Подавляющія силы непріятельскаго воздушнаго фло-
та въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ аэроплановъ надъ
Буффало Точка. Промышленная часть города уничто-
жена Точка. Ниагарская силовая станція разрушена
Точка. Зенитныя батареи приведены въ бездѣйствіе
Точка.“

Рамзай тутъ же отдалъ по радіо приказъ командирамъ
своихъ воздушныхъ отрядовъ, и нашъ флотъ понесся на за-
падъ къ штату Массачусетсъ. Примѣрно въ то же время не-
пріятельскій воздушный флотъ, довершивъ свое разрушитель-
ное дѣло надъ Буффало, взялъ курсъ на востокъ и направились
въ обратный путь.

Около четырехъ часовъ дня оба воздушныхъ флота встрѣ-
тились. Встрѣча произошла въ районѣ Альбани въ штатѣ Нью-
Йоркъ. У обоихъ воздушныхъ флотовъ были очень ограничен-
ные запасы боевого снаряженія. Непріятельскій флотъ не
успѣлъ ихъ возобновить послѣ налета на Буффало, а нашъ
флотъ, пролетая надъ Массачусетсомъ, по приказу адмирала,
выбросилъ все лишнее для того, чтобы облегчить полеты.

У большинства аэроплановъ обоихъ флотовъ резервуары
были пусты. Позади былъ непрерывный десятичасовой по-
леть. Особенно далеко отъ своихъ операціонныхъ базъ, нахо-
дившихся въ Бостонѣ, забрались красныя летчики. Внизу подъ
нами тысячи людей съ трепетомъ слѣдили за исходомъ воздуш-

наго боя. Множество машин было сбито; большинство из них было объято пламенемъ. Приказъ Рамзая гласилъ: сражаться до послѣдняго патрона и до послѣдней капли бензина. Воздушный бой развернулся на огромномъ протяженіи и на различной высотѣ — нѣкоторые изъ воздушныхъ судовъ забрались на высоту семи тысячъ метровъ.

Вскорѣ послѣ пяти часовъ дня американцамъ пришелъ на помощь холодный восточный вѣтеръ, и постепенно линія воздушнаго боя стала отходить на западъ. Нѣкоторые изъ аэроплановъ, за отсутствіемъ бензина, принуждены были снизиться. Теперь бой шелъ надъ расположеніемъ американскихъ войскъ, что несомнѣнно составляло для Рамзая нѣкоторое преимущество. Нашъ воздушный флотъ находился въ сѣверномъ и восточномъ направленіи отъ непріятельскаго флота. По мѣрѣ того, какъ бой переносился на востокъ, наступали сумерки.

Обѣ стороны начали снижаться. Сотни аэроплановъ, вынужденныхъ снизиться въ темнотѣ, погибли. Непріятельскіе летчики, оказавшіеся вынужденными снизиться въ районѣ нашего расположенія, тутъ же были захвачены въ плѣнъ нашими солдатами или гражданами. Нѣкоторые изъ летчиковъ попытались избѣгнуть этой участи и спрятались. Такъ, одному изъ желтыхъ летчиковъ, спустившихся въ районѣ Куперстоуна, удалось застрѣлить какого-то автомобилиста, пополнить запасъ бензина и снова подняться.

Воздушный бой не далъ опредѣленнаго результата, но все же американцамъ удалось достичь нѣкоторыхъ результатовъ. Двѣ трети непріятельскаго воздушнаго флота были сбиты или вынуждены спуститься на американской территоріи. Мы потеряли въ этомъ бою около двухъ тысячъ машинъ.

Благодаря этому бою намъ удалось перваго апрѣля 1936 года перейти въ рѣшительное наступленіе, имѣя на своей сторонѣ подавляющій перевѣсъ воздушныхъ силъ.

Нашему наступленію предшествовалъ сокрушительный артиллерійскій огонь на всемъ протяженіи фронта отъ канала Эри до Гаарлема.

Послѣ двухдневной артиллерійской подготовки наша пѣхота прорвала проволочныя загражденія въ районѣ Альбани, и уже первый день боя принесть намъ результаты. Послѣ ожес-

твенныхъ рукопашныхъ боевъ намъ удалось вытѣснить непріятеля изъ Уилерфорда и Трои.

Въ этихъ бояхъ сказались и преимущества нашихъ новыхъ Рикенбекеровскихъ танковъ, развивавшихъ значительно большую скорость, чѣмъ непріятельскіе танки Фоксхолля.

Танки уничтожали проволочныя загражденія и сметали непріятеля, пытавшагося приостановить ихъ продвиженіе впередъ. Эти машины, благодаря своей быстротѣ и подвижности, оказались рѣшающей силой боя.

Наша пѣхота занимала одну линію окоповъ за другой. Ея наступленіе, подготовленное танками, поддерживалось низко летавшими аэропланами.

Первая недѣля наступленія нанесла американскимъ войскамъ большой уцербъ, убыль въ составѣ была очень велика, но достигнутые, несмотря на ожесточенное сопротивленіе, успѣхи оправдывали эту убыль. Въ теченіе недѣли нашими войсками удалось продвинуться на сорокъ километровъ, и теперь линія фронта достигла границы Нью-Йорка и Массачусетса. Рядъ городовъ и поселеній перешли въ наши руки.

Попытка Карахана перейти въ контръ-наступленіе на лѣвомъ флангѣ потерѣла неудачу — наши воздушныя силы нанесли противнику большой уронъ.

Блиней и я ежедневно наблюдали за разворачивавшимися боями вылетая на развѣдку. Нашей базой сталъ теперь Альбани, находившійся отнынѣ въ силу продвиженія нашихъ частей вѣдь досягаемости орудій непріятеля. Изъ Альбани я посылалъ свои сообщенія, и нашъ аэропланъ попрежнему былъ украшенъ отличительными инициалами на зеленомъ полѣ. Но теперь мы не были безсружными. На нашемъ аэропланѣ спереди имѣлись два пулемета, а сзади — третій пулеметъ, которымъ управлялъ я. Въ крайнемъ случаѣ нашъ аппаратъ могъ поднять четырехъ пассажировъ.

15 апрѣля армія генерала Меллена, при помощи танковъ, продолжила себѣ путь къ Гринфильду въ Коннектикутѣ, и этимъ закончилась стадія нашего наступленія, наименованная историками „Битва въ Беркшайрскихъ горахъ“.

Караханъ оказалъ на линіи рѣки Коннектикутъ ожесточенное сопротивленіе.

Генераль Зубровъ, командовавший непріятельскими силами на этомъ участкѣ фронта, былъ отстраненъ отъ должности и казненъ. Отнынѣ командованіе на этомъ участкѣ перенялъ лично Караханъ, перенесшій свою ставку въ Уорчестеръ.

Но американскій паровой молотъ, приведенный въ движеніе, невозможно было остановить. Наши силы продолжали наступать и, прорвавъ непріятельскія линіи у Коннектикута, продвинулись настолько въ этотъ прорывъ, что подъ огнемъ нашихъ силъ непріятель принужденъ былъ очистить нѣкоторые опорные пункты.

Нашъ перевѣсъ въ воздухѣ теперь былъ неоспоримъ. Денно и ночью въ воздухѣ шли ожесточенные бои — наша воздушная развѣдка непрерывно корректировала работу нашей артиллеріи. Непріятельская артиллерія, лишенная поддержки въ воздухѣ, стала сдавать.

И тогда наступило начало конца — отступление красныхъ на южномъ участкѣ фронта. Желтые войска, удерживавшія позиціи противъ разрушеннаго острова Мангатавъ на рѣкѣ Гаарлемъ, начали отступление. На первыхъ порахъ отступление проводилось планомѣрно и прикрывалось арьергардными боями, — но послѣ того нашимъ войскамъ удалось переправиться черезъ рѣку Гудзонъ и войти въ соприкосновеніе съ противникомъ, отступление котораго начало принимать характеръ безпорядочнаго бѣгства. Все болѣе и болѣе людей отбивалось отъ непріятельскихъ частей и сдавалось въ плѣнъ. Дороги на Гарфортъ, Нью-Гафенъ и Фолль-Риверъ были забиты бѣглецами. Сотни тысячъ солдатъ непріятельской арміи пытались при помощи различныхъ транспортныхъ средствъ попасть въ Бостонъ, прежде чѣмъ войска генерала Меллена займутъ фланговымъ движеніемъ городъ. Сопротивленіе красныхъ войскъ было сломлено, и оно превратилось въ бѣгство. Пятидесятитысячный отрядъ, занимавшій Лонгъ-Исландъ, сдался безъ сопротивленія. Застравашіе на забитыхъ дорогахъ и лишенные возможности продвинуться въ какую бы то ни было сторону, непріятельскіе отряды несли отчаянныя потери, подвергаясь обстрѣлу нашихъ летчиковъ. Въ концѣ концовъ, они принуждены были сдаться, просигнализовавъ

объ этомъ при помощи большихъ бѣлыхъ плитъ, которыми они выложили на землѣ слова: „Мы сдаемся“.

Наши войска заняли Уорчестеръ, затѣмъ Фичбургъ — разгромъ начался.

Въ разгаръ этихъ сенсационныхъ событій я получилъ изъ Бостона шифрованную радіограмму. Уайтъ Доджъ общалъ мнѣ, что Марго Дениссонъ въ условленный часъ не явилась на свиданіе къ Скалѣ Омаровъ.

Его подводная лодка крейсировала вдоль берега въ теченіе трехъ ночей подрядъ, но Марго на условленномъ мѣстѣ не оказалось. Уайтъ опасался, что произошла какая-нибудь бѣда, воспрепятствовавшая ей придти на берегъ. Я посоветовался со Спидомъ, и мы приняли быстрое рѣшеніе.

— Я могу спуститься недалеко отъ Грейстона, — предложилъ Винней. — Я знаю тамъ поблизости небольшую лужайку, расположенную въ укромномъ мѣстѣ и невидимую съ дороги.

За часъ до разсвѣта мы покинули Альбани и полетѣли на востокъ.

— Если этотъ желтый дьяволъ осмѣлится коснуться Марго, я вырву ему печенку, — кричалъ Спидъ.

Меня беспокоила не только мысль о Караханѣ. Я съ ужасомъ думалъ о дикихъ ордахъ, отступавшихъ на сѣверъ и утратившихъ свою прежнюю дисциплину. Въ зависимости отъ исхода боя, будь побѣда или поражение — бѣлыя женщины всегда были желанной добычей для войскъ Краснаго Наполеона.

Во время полета я прочистилъ и привелъ въ порядокъ наше оружіе. Мы отлично сознавали, какой мы подвергались опасности и какая насъ ожидала участь, если бы мы были захвачены въ плѣнъ въ тылу непріятельскаго расположенія, но игра стоила свѣчъ. Во мнѣ продолжало жить убѣжденіе, что намъ удастся похитить Марго изъ Грейстона и вмѣстѣ съ нею спастись бѣгствомъ на аэропланѣ.

Пролетая надъ Бостономъ, мы видѣли, что улицы забиты охваченными ужасомъ человѣческими массами. Приближаясь къ берегу, я вспомнилъ о томъ, что недалеко отъ него должна была стаціонировать подводная лодка Доджа и

мысленно раздѣлилъ его опасенія за судьбу любимой дѣвушки.

За Салемомъ Бинней снизилъ аппаратъ, и мы полетѣли надъ столь знакомой намъ дорогой.

— Она должно быть находится тамъ, — сказалъ Бинней, указывая на дымокъ, виднѣвшійся вдали. Мнѣе чѣмъ черезъ минуту мы были уже надъ этимъ пунктомъ.

— Вотъ сторожка привратника, — воскликнулъ я. — Но куда дѣвался домъ? — и дѣйствительно, къ вѣщему моему удивленію я увидѣлъ подъ собою груду дымящихся развалинъ, обуглившихся стѣнъ и черныя зіяющія отверстія оконъ.

— Онъ скрылся, — вскричалъ Бинней, кружась надъ развалинами, нѣкогда бывшими домомъ, въ которомъ Караханъ содержалъ въ плѣну свою жену и англійскую дѣвушку, смѣлости которой мы въ значительной мѣрѣ были обязаны нашими успѣхами на фронтѣ.

Бинней выругался.

— Какой негодяй! Сжегъ домъ!... Но куда дѣвалась Марго? Мы должны спуститься и поискать ее!

— Это не имѣетъ смысла, — сказалъ я, — здѣсь все разрушено. А если она осталась въ домѣ, то теперь слишкомъ поздно искать ее. У насъ одна надежда — мы должны во что бы то ни стало отыскать Карахана. То обстоятельство, что онъ разрушилъ Грейстонъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ собрался бѣжать. Но куда онъ скрылся?

— У него имѣется только одна возможность, — сказалъ Бинней. — Суша запружена его разбитой арміей, воздухъ въ нашемъ распоряженіи, — онъ могъ бѣжать лишь морскимъ путемъ.

— Господи, какіе мы идіоты! — вырвалось у меня. — Онъ бѣжалъ не морскимъ путемъ, а подводнымъ. Мы совершенно упустили изъ виду „Звѣзду Азіа“. Совершенно вѣрно. Мы забыли о его большой подводной лодкѣ. Марго мнѣ въ свое время рассказала о ней. Эта лодка всегда стояла въ маленькой бухтѣ Манчестера. Бухта находится въ пятнадцати километрахъ отсюда. Мы должны немедленно же отправиться туда. Въ этомъ послѣдній нашъ шансъ.

Мы понеслись съ предѣльной скоростью къ названному пункту, а я продолжалъ вспоминать нѣкоторыя детали, сообщенныя мнѣ Марго объ этой подводной яхтѣ краснаго диктатора. Я спросилъ ее, почему Доджъ Уайтъ своевременно не уничтожилъ эту лодку, но она отвѣтила мнѣ, что Доджъ Уайтъ намѣренъ не предпринимать ничего въ районѣ Грейстона, чтобы не возбудить подозрѣній Карахана и не навлечь его вниманія на лодку, крейсировавшую въ береговыхъ водахъ.

Уайтъ опасался всего, что могло въ какой-нибудь мѣрѣ ухудшить положеніе Марго.

— Намъ не везетъ, — воскликнулъ Спидъ, — мы находимся надъ бухтой и воды ея чисты. Лодка ушла отсюда.

— Полетимъ назадъ по направленію къ Лонгъ-Исланду, — дадимъ знать нашимъ дозорнымъ судамъ, — предложилъ я.

— Слишкомъ поздно, — печально замѣтилъ Спидъ. — Должно быть, въ настоящее время онъ уже находится на пути въ Галифаксъ. Но онъ не останется подъ водою — онъ захочетъ выиграть время и вынырнуть на поверхность воды. Быть можетъ, намъ удалось бы обнаружить его мѣстонахожденіе — въ этомъ кроется наша послѣдняя возможность, и я не хочу оставить ее неиспользованной.

Я согласился съ нимъ, но напомнилъ ему, что мы вотъ уже нѣсколько часовъ находимся въ пути, и что, должно быть, наши запасы бензина въ изрядной степени изсякли. Въ отвѣтъ на мое замѣчаніе Спидъ пожалъ плечами. Мнѣ показалось, что я понялъ обуревавшія его чувства. Какой во всемъ этомъ былъ смыслъ, если ему суждено было навѣки утратить любимую дѣвушку?

Мы полетѣли на сѣверъ, внимательно осматривая водную поверхность. Увы, мы не обнаружили ни „Звѣзды Азіа“, ни какого-нибудь иного судна. Вдали, въ районѣ, гдѣ крейсировала американская эскадра, — врядъ ли смогъ бы онъ оказаться. Я надѣялся, что если не суждено будетъ снизиться, то какая-нибудь изъ нашихъ подводныхъ лодокъ,

— быть может подводная лодка Уайта Доджа, — подберетъ насъ.

— Тамъ вдали какъ будто бы виднѣется рыбацья лодка, — вырвалось у Спиды.

И дѣйствительно, въ указанномъ имъ направленіи я увидѣлъ маленькое пятно, походившее на рыбацью лодку.

— Это лодка, — сказалъ я, — я теперь ее разглядѣлъ. Должно быть, это спасательная лодка, смытая волной съ палубы, или оторвавшаяся отъ пристани.

— Кто-то въ ней находится, — продолжалъ Спидъ. — Мы спустимся и выяснимъ, что тамъ происходитъ. Быть можетъ, тѣ, что въ лодкѣ, видѣли „Звѣзду Азіи“.

Мы летѣли теперь надъ самой водой. Въ бинокль я разглядѣлъ, что въ лодкѣ находилась какая-то женщина. Женщина замѣтила насъ и стала махать намъ платкомъ. Всего лишь какіе-нибудь десять метровъ отдѣляли насъ отъ нея, и мы узнали ее. То была Линъ Караханъ.

— Гдѣ Марго? — крикнулъ Спидъ, выключивъ моторъ.

Я схватилъ Линъ и втащилъ ее къ намъ.

— Въ подводной лодкѣ, — прошептала она. — Въ „Звѣздѣ Азіи“. Онъ взялъ ее съ собою. Меня онъ высадилъ въ лодку.

— Какъ давно это произошло?

— Приблизительно часъ тому назадъ.

— Куда плывутъ они?

— Я не знаю. Должно быть на Галифаксъ, чтобы пополнить тамъ запасы бензина, и потомъ въ Англію.

— Мы должны быть очень бдительными, — сказалъ Спидъ, снова включая моторъ. — Теперь мы попали на вѣрный слѣдъ. И если намъ хватитъ бензину, то мы догонимъ ихъ. — Потомъ онъ спросилъ Линъ: — Онъ ее... онъ... что-нибудь позволилъ себѣ по отношенію къ ней?

— Нѣтъ, Спидъ. По крайней мѣрѣ, пока я была съ ними. Но онъ внѣ себя отъ ярости. Я никогда еще не видѣла его въ такомъ состояніи. Онъ приписываетъ свое поражение измѣнѣ.

И Линъ рассказала мнѣ, что Караханъ подъ вечеръ прибылъ съ нѣсколькими офицерами своего штаба въ Грей-

стонъ. Онъ принудилъ Марго и ее занять мѣста въ его автомобиляхъ, удалилъ всѣхъ изъ дому и затѣмъ взорвалъ домъ на воздухъ. Какъ Спидъ и предполагалъ, онъ поѣхалъ въ Манчестеръ, пересѣлъ съ женщинами и полковникомъ Бойеромъ на „Звѣзду Азіи“ и вышелъ въ море.

— Онъ боится блокады, — пояснилъ мнѣ Линъ, — и плыветъ подъ водою. Но два или три раза онъ подымался на поверхность воды, чтобы произвести наблюденія. Въ послѣдній разъ онъ оторвалъ меня отъ Марго и заставилъ подняться на мостикъ лодки. Меня посадили въ маленькую лодку и покинули.

Когда подводная лодка отошла отъ моей лодки, онъ крикнулъ мнѣ:

— Ступай обратно и скажи своимъ сородичамъ, что я скоро вернусь, и тогда владычеству бѣлыхъ настанетъ конецъ.

Мы неслись съ предѣльной быстротой. Спидъ внимательно осматривалъ разстилавшуюся подъ нами водную гладь, а я не сводилъ глазъ съ горизонта. Линъ сидѣла спиной къ носу аэроплана и безучастно смотрѣла вдаль.

Неожиданно она сказала:

— Я увидѣла облачко дыма.

Я повернулся и крикнулъ Спиду:

— Скорѣе перемѣнить курсъ! Я не знаю, что тамъ, но во всякомъ случаѣ намъ слѣдуетъ выяснить, что тамъ происходитъ.

— Это подводная лодка, — пояснилъ Спидъ. — Но не „Звѣзда Азіи“. Я бы отличилъ ее по надводной части. Эта лодка американской постройки. Должно быть, изъ нашего класса „В“. Но куда они стрѣляютъ? Я не вижу ихъ цѣли.

— Я вижу, вижу... — вскричалъ я. — Тамъ вдали виднѣется вторая подводная лодка. Она находится приблизительно на разстояніи километра. Линъ, взгляните въ бинокль! Вы ее не узнаете?

Линъ поднесла къ глазамъ бинокль.

— Я ничего не вижу... нѣтъ, нѣтъ, теперь я вижу...

Но я право не знаю... да, да, это „Звѣзда Азіи“. Это Караханъ!

Спидъ услышалъ ея слова, и мы понеслись къ лодкамъ. Онъ снизилъ аппаратъ, и нашъ аэропланъ заскользилъ въ воздухѣ. Теперь я разглядѣлъ въ бинокль, что обѣ подводныхъ лодки обмѣнивались выстрѣлами изъ установленныхъ на ихъ башенкахъ орудійхъ. То былъ своеобразный бой.

Обѣ лодки, или хотя бы одна изъ нихъ, была настолько повреждена, что не могла погрузиться въ воду. Въ противномъ случаѣ она не приняла бы этого страннаго боя. Нашъ аэропланъ несясь съ неимоверной скоростью.

— Медленнѣе, Спидъ, — крикнулъ я, — плоскости не выдержать! — Но онъ не обратилъ вниманія на мое предостереженіе, и я, затаивъ дыханіе, почувствовалъ, что мы коснулись воды. Нашъ аэропланъ опустился на воду какъ разъ между обѣими лодками.

— Что вы дѣлаете, Спидъ? — закричалъ я. — Мы очутимся между двухъ огней.

Не успѣлъ я договорить, какъ на американской подводной лодкѣ прогремѣлъ выстрѣлъ. Нашъ снарядъ сбилъ орудіе на башенкѣ „Сердца Азіи“. Я взглянулъ на нашихъ моряковъ, такъ отлично пристрѣлявшихся къ непріятелю, и замѣтилъ, что они собирались продолжать обстрѣлъ. Болѣе всего меня порадовала бѣлая надпись на башенкѣ нашей лодки „В-4“. То была лодка Уайта Доджа.

— Это Уайтъ Доджъ! — крикнулъ я.

— Онъ убьетъ Марго, если будетъ продолжать обстрѣлъ, — отвѣтилъ Спидъ, несясь навстрѣчу жерлу пушки.

Мы увидѣли, какъ орудійная прислуга зарядила орудіе. Кто-то въ синемъ мундирѣ оторвалъ отъ глазъ бинокль и досадливо махнулъ рукой, чтобы мы очистили поле дѣйствія. Я узналъ Доджа.

— Ради Бога, прекратите стрѣльбу, — проревѣлъ Спидъ, прикрывая плоскостями своего аэроплана непріятельскую подводную лодку.

— Вы потопите лодку! — крикнулъ я. — Тамъ находится Караханъ.

— Надѣюсь, мнѣ удастся потопить его, — донеслось въ отвѣтъ. — Убирайтесь съ дороги! — и обратившись къ своимъ канонирамъ, онъ добавилъ:

— Вы должны попасть въ корпусъ лодки. Бросьте бить по башнѣ. Мы должны потопить ее.

— Идіотъ, да вѣдь съ нимъ въ лодкѣ находится Марго! — вопилъ я. — Вы убьете ее.

— Прекратите огонь! — командовалъ Уайтъ Доджъ, внезапно поблѣднѣвъ. — Господи, мы уже дважды попали въ нихъ. Она лишена способности передвигаться, и орудіе ея сбито. Будемъ надѣяться, она не утонетъ.

И онъ озабоченно сталъ разглядывать непріятельскую лодку въ бинокль. Я послѣдовалъ его примѣру и увидѣлъ, что изъ носовой части лодки поднялось облако дыма, заволакующее лодку.

— Она горитъ, — крикнулъ кто-то изъ матросовъ.

— Не отходить отъ орудія! — командовалъ Доджъ. — Это что-то другое. Это не пожаръ, а дымовая бомба. Онъ что-то хочетъ предпринять.

— Примите на борту Линъ. Мы посмотримъ, что тамъ происходитъ, — крикнулъ я и помогъ Линъ перейти на подводную лодку.

Въ то же мгновеніе что-то взметнулось надъ облакомъ и взмыло вверхъ.

— Это аэропланъ, — крикнулъ Бинней. — Онъ думаетъ, что ему удастся ударить отъ насъ. Но онъ принадлежитъ мнѣ! — и содрогаясь всѣмъ корпусомъ, нашъ аэропланъ бросился въ погоню за аэропланомъ непріятеля.

Спидъ поднялся быстрѣе, чѣмъ его противникъ, и вскорѣ мы очутились надъ нимъ. Мы приближались къ непріятельскому аэроплану, и я замѣтилъ, что Спидъ готовится къ бою.

Вскорѣ нашъ аэропланъ настолько приблизился къ непріятельскому, что я смогъ разглядѣть, что у всѣхъ трехъ пассажировъ аэроплана на спины были надѣты парашюты.

Порой непріятельскій летчикъ боязливо оглядывался и стремительно мѣнялъ курсъ, пытаясь уйти отъ нашего преслѣдованія. Потомъ я замѣтилъ, что находившійся на

кормъ аэроплана пулеметъ направился на насъ — разстояние, раздѣлявшее оба аэроплана, было слишкомъ велико для того, чтобы обстрѣлъ могъ дать какіе-нибудь результаты.

Завидѣвъ склонившееся надъ пулеметомъ желтое лицо, я понялъ, что то былъ Караханъ.

— Готовься! — крикнулъ Спидъ. — Начинаемъ!

И Спидъ круто повернулъ машину носомъ внизъ и навелъ на непріятеля пулеметы. Его пальцы легли на затворы орудій.

Караханъ открылъ обстрѣлъ первый. Градъ пуль пронизалъ деревянный кузовъ нашего гидроплана, — я увидѣлъ, какъ Марго, занимавшая второе сидѣніе въ непріятельскомъ аэропланѣ, повернулась къ намъ.

— Господи, я чуть не застрѣлилъ ее, — прошепталъ Спидъ и поспѣшилъ вывести нашъ аэропланъ изъ предѣловъ досягаемости карахановскихъ пулеметовъ.

— Теперь я не смогу осмѣлиться стрѣлять по его аэроплану. Я боюсь убить ее. Господи, какое все это свинство!

Караханъ замѣтилъ, что мы неожиданно прекратили нападеніе, и догадался, что было причиною нашей внезапной перемѣны тактики.

Мы продолжали кружить спиралями надъ его аппаратомъ. Спидъ пытался уйти отъ огня карахановскихъ пулеметовъ, не осмѣливаясь отвѣтить на его обстрѣлъ.

И тогда произошло нѣчто неожиданное: дѣвушка, научившаяся подъ руководствомъ Спида летать, приступила къ дѣйствіямъ.

Караханъ былъ поглощенъ пулеметомъ. Спереди пилотъ цѣликомъ ушелъ въ управленіе машиной. Дѣвушка улучила мгновеніе и, вскочивъ на сидѣніе, ринулась черезъ бортъ. Черезъ мгновеніе надъ нею расправился парашютъ, и она медленно стала опускаться къ водѣ.

— Вотъ молодецъ! — гордо вырвалось у Спида, и онъ непроизвольно перемѣнилъ курсъ, послѣдовавъ внизъ за парашютомъ.

Караханъ насъ болѣе не интересовалъ. Мы хотѣли во что бы то ни стало спасти дѣвушку.

И тогда произошло нѣчто ужасное. Аэропланъ Кара-

хана также смѣнилъ курсъ, и дуло пулемета направилось на кусокъ шелка, на которомъ повисла жизнь Марго.

— Господи! — прорычалъ Бинней и направилъ свой аэропланъ на аэропланъ противника. Теперь заговорили его пулеметы, и непріятельскій аэропланъ пронизалъ градъ пуль. Аэропланъ дрогнулъ и полетѣлъ внизъ. Караханъ тщетно пытался освободиться изъ пулеметной ленты, въ которой онъ запутался въ моментъ сильнаго толчка.

Нѣсколькими минутами спустя мы спустились на воду рядомъ съ Марго и втащили ее къ намъ. Она была блѣдна, но невредима. Спидъ заключилъ ее въ свои объятія.

Затѣмъ мы полетѣли къ останкамъ краснаго аэроплана. Аэропланъ безпомощно покачивался на водѣ. На переднемъ сидѣніи видѣлось бездыханное тѣло пилота. Караханъ неподвижно поникъ на своемъ сидѣніи. При паденіи онъ ударился о пулеметъ и голова его была окровавлена.

— Онъ живъ еще, — крикнулъ я, спрыснувъ его лицо водою.

Когда Караханъ пришелъ въ себя, мы перетащили его въ свою машину. Я посадилъ его рядомъ съ собою, и Спидъ снова поднялся на воздухъ. Вскорѣ мы увидѣли вдаль „Звѣзду Азіи“, на которой теперь развѣвалось звѣздное знамя, и нашу подводную лодку „В 4“.

Американскіе матросы помогли намъ перейти на бортъ захваченной подводной лодки. Когда Доджъ увидѣлъ Карахана, онъ шепнулъ мнѣ, что Линъ заболѣла, и что ее пришлось уложить въ постель.

Увидѣвъ, что Спидъ обнимаетъ Марго, онъ поблѣднѣлъ и прерывающимся голосомъ спросилъ:

— Что это значить?...

И прежде чѣмъ ему дали отвѣтъ, онъ направился къ счастливому сопернику и протянулъ ему руку:

— Вы выиграли, Спидъ. Мнѣ остается лишь пожелать вамъ счастья.

Неожиданно мы услышали громкіе возгласы и ура. Оглянувшись мы увидѣли, что команда развѣсила разноцвѣтные флажки. Къ намъ приблизился одинъ изъ офицеровъ и сказалъ:

— Война окончена. Мы только что получили слѣдующее сообщеніе по радіо:

„Начальникъ генеральнаго штаба Красныхъ въ Новой Англіи генералъ Болиновъ сдался точка при-быль подѣ защитой бѣлаго флага на американскія позиціи точка ведетъ переговоры о заключеніи перемирія точка Караханъ бѣжалъ“.

Боже, какая сенсация! Вся американская и непріятельская армія тщетно разыскиваетъ Карахана, а я его захватилъ въ плѣнъ!

Черезъ нѣсколько минутъ по эфиру понеслись первыя слова моей радіо-корреспонденціи. Корреспонденція была помѣчена заголовкомъ:

„На борту подводной лодки Карахана „Звѣзда Азіи“.

Мы взяли курсъ на Нью-Йоркъ и черезъ полчаса повстрѣчались со сторожевыми судами нашей эскадры. Со всѣхъ сторонъ къ намъ неслись суда, — насъ засыпали по радіо сообщеніями — радіо-телеграфистъ не успѣвалъ принимать все то, что сообщалось намъ.

Насъ подняли на бортъ крейсера „Миннеаполисъ“, и всю ночь напролетъ я продолжалъ посылать свои сообщенія о происшедшемъ. На утро мы получили предписаніе направиться въ Норфолькъ. Нью-Йоркъ былъ превращенъ въ груды развалинъ, и пройти въ гавань было невозможно — доступъ въ нее былъ прегражденъ минами.

Нынѣ всѣмъ извѣстно, что населеніе Норфолька было настолько возбуждено противъ желтаго диктатора, провозгласившаго лозунгъ „Побѣждай и плодись!“, что перевести его въ городъ оказалось невозможнымъ. Мы стали въ порту на якорь, а Караханъ былъ переданъ группѣ штабныхъ офицеровъ подѣ начальствомъ генерала Смита.

Въ свою очередь мы перешли на дредноутъ „Орегонъ“, и красный диктаторъ былъ доставленъ на Бермудскіе острова, гдѣ онъ и доживаетъ свой вѣкъ въ изгнаніи.

Нынѣ всѣ фазы, которыми завершилась война, извѣстны любому школьнику. Всѣ знаютъ о послѣдовавшей послѣ плѣненія Карахана сдачѣ непріятельскихъ войскъ въ Цен-

тральной Америкѣ и на сѣверо-западномъ фронтѣ. Въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ вспыхнули контр-революціи — образованная Караханомъ федерація распалась и перестала существовать.

Мнѣ нечего рассказывать о томъ, что Европа снова возстановила прежній порядокъ, образовавъ единое государство, названное „Соединенными Штатами Европы“. Также излишне говорить о томъ, что для отправки желтыхъ полчищъ изъ Америки на родину потребовалось восемнадцать мѣсяцевъ срока, и что для осуществленія этой задачи пришлось прибѣгнуть къ услугамъ всего мірового флота.

Для сотенъ тысячъ карахановскихъ солдатъ бѣлой расы подобный исходъ войны оказался благомъ. Интенсивная колонизаціонная политика Америки снабдила ихъ тѣмъ, чего они тщетно добивались всю свою жизнь, — она дала имъ землю. Нынѣ бывшіе солдаты карахановской арміи — трудолюбивые колонисты и пионеры новыхъ Штатовъ, вошедшихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ. Они населяютъ Манитобу, Саскатчеванъ, Альберту (ранѣе бывшую Канадой,) Ванкуверъ (въ прошломъ Британская Колумбія). Канада вошла въ американскую федерацію по волѣ всенароднаго голосованія, состоявшагося въ ноябрѣ 1937 года.

Политическое объединеніе обѣихъ странъ, послѣ того, какъ Европа также объединилась въ единое государство, стало насущной необходимостью.

Столицей всеамериканской федераціи остался Санъ-Луи, и нынѣ американское звѣздное знамя развѣвается отъ полярнаго круга до границы Мексики.

Прежнія англійскія базы — Ямайка, Тринидадъ и Бермудскіе острова — болѣе не принадлежатъ Европѣ. Британскій Гондурасъ и три Гвіаны вошли въ составъ южно-американскихъ республикъ Гватемалы, Венесуелы и Бразиліи.

Недавно меня навѣстили въ Нью-Йоркѣ Марго и Винней. Марго нынѣ является членомъ конгресса отъ штата Саскатчеванъ.

Лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ нервной горячки поправились и уѣхала за своими дѣтьми въ Россію. Сей-

часть она вмѣстѣ со своими дѣтьми живетъ у своихъ родителей въ Бостонѣ.

Полковникъ Бойеръ послѣдовалъ за своимъ вождемъ въ изгнаніе и живетъ на Бермудскихъ островахъ. При составленіи этой книги онъ былъ мнѣ очень полезенъ рядомъ свѣдѣній и указаній.

Караханъ боленъ. Теперь 1941 годъ, и ему минуло сорокъ одинъ годъ. Я часто гуляю съ нимъ по острову, и порой мы выѣзжаемъ съ нимъ на прогулку верхомъ. Но чаще всего мы вмѣстѣ отдыхаемъ на террасѣ его дома. Передъ нимъ обычно лежитъ карта Караибскаго моря — моря, въ которое закатилась его счастливая звѣзда.

Я являюсь на этомъ островѣ представителемъ всей мировой прессы и бесѣдную съ нимъ отъ ея лица. Его отношеніе ко мнѣ ни въ какой степени не измѣнилось. Онъ все еще продолжаетъ чувствовать себя диктаторомъ міра. Его армія распущена, флотъ его погибъ, его воздушныя силы уничтожены, государства его болѣе не существуетъ, но даже годы изгнанія и униженія не сломили краснаго Наполеона.

Для меня онъ всегда останется символомъ упрямой воли, непреклоннаго мужества, стальной рѣшимости и азиатской жестокости. Онъ ведетъ обширную корреспонденцію, проходящую черезъ цензуру генерала Смита. Цензура эта сообщаетъ мнѣ содержаніе писемъ, адресованныхъ бывшему властителю міра. Ему пишутъ бѣлые женщины, которымъ выпалъ на долю удѣлъ принадлежать ему — въ этихъ письмахъ сообщаются ему свѣдѣнія о его многочисленныхъ дѣтяхъ, рожденныхъ бѣлыми матерями, но въ жилахъ которыхъ течетъ монгольская кровь Карахана.

— Я не менѣе горжусь своей желтой кожей, чѣмъ вы своею бѣлой, — сказалъ онъ мнѣ какъ-то. — Кто смѣетъ утверждать, что гладкіе волосы лучше курчавыхъ волосъ, и что одна форма черепной коробки лучше другой? Вы, бѣлые, все еще болтаете о высшей своей цивилизаціи. И вы забываете, что было время, когда желтыя и коричневыя расы дали цивилизацію, превосходившую вашу цивилизацію. Желтолицыя люди строили пирамиды, изобрѣли порохъ и

бумагу, заложили основаніе для многихъ наукъ, создали медицину, хирургию, астрономію, математику. Все это они создали еще въ тѣ времена, когда вы, бѣлые, бродили по Европѣ, кутаясь въ звѣриныя шкуры и питаясь сырымъ мясомъ. Вы меня проклинаете за то, что я искалъ общенія съ бѣлыми женщинами и провозгласилъ уничтоженіе расъ. Вы меня осудили за то, что я приказалъ моимъ войскамъ побѣждать и плодиться.

— Мнѣ нечего оправдываться передъ вами. Въ томъ, къ чему я стремился, кроется будущее міра. Рѣшительные и непреклонные мужчины существовали и до меня. Нѣкоторымъ изъ нихъ удалось осуществить свою цѣль; другимъ выпало на долю лишь посѣять сѣмена грядущихъ всходовъ. Мнѣ суждено было ограничиться вторымъ. Есть только одно средство для улучшенія міра — это средство — сила. Моя ошибка заключалась въ томъ, что я не сумѣлъ оказаться на морѣ болѣе сильнымъ. Я горжусь своею жизнью и содѣянными, я горжусь тѣмъ, что въ моихъ жилахъ течетъ кровь Чингизъ-Хана. Должно быть, мнѣ суждено будетъ умереть плѣнникомъ подъ надзоромъ Смита, но я останусь жить въ памяти людей не только какъ завоеватель, но и какъ борецъ за будущее человѣчества.

— Войны, сраженія, борьба — все это этапы на пути прогресса. Войны похоронили старые предрасудки міра — національныя, религіозныя, сословныя и классовыя преимущества. Но одинъ предрасудокъ продолжаетъ жить — это расовой предрасудокъ и расовыя привилегіи.

— Сравнительно небольшое число бѣлыхъ людей не можетъ вѣчно поработать своихъ цвѣтныхъ братьевъ. Вы, американцы, продолжаете вѣрить въ чистоту расъ, вы продолжаете возносить аріиство. И вы пытаетесь властвовать надъ міромъ. Вы захватываете себѣ лучшія страны міра. Чего ради вы устанавливаете намъ, цвѣтнымъ расамъ, преграды? Я вамъ скажу, почему вы это дѣлаете: вы боитесь насъ, страшитесь нашей силы. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть лишь одна цвѣтная раса, для которой вы не устанавливаете различій. Въ жилахъ вице-президента Кертиса течетъ кровь индѣйца. Миссисъ Вудро Вильсонъ также

гордилась своимъ индѣйскимъ происхожденіемъ. Почему вы признаете этихъ людей людьми, если все сводится къ вопросу крови?

— Почему? Я дамъ вамъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вы не боитесь больше индѣйцевъ. Вы побѣдили ихъ — ихъ племена разбѣяны, воины ихъ разоружены, ихъ жены принадлежатъ вамъ. Вы превратили индѣйцевъ въ зоологическіе экспонаты, заставляете ихъ пополнять ряды фокусниковъ, продавцовъ ковровъ, заклинателей змѣй. Но ваше отношеніе къ желтымъ и чернымъ совсѣмъ иное — вы ихъ боитесь.

— Я говорю вамъ это потому, что я желаю, чтобы вы написали объ этомъ. Для вашего блага слуха эти слова звучать ужасно, но я хочу, чтобы вы выслушали меня, потому что будетъ день и придетъ пора разрѣшить и эту задачу. Ненависть между расами должна исчезнуть.

— Заповѣди вашего Господа, завѣты вашей вѣры, законы вашихъ правительствъ, основные принципы вашей біологіи — все это говоритъ о томъ, что люди всѣхъ расъ принадлежатъ къ одной семьѣ. И все это ложь и лицемеріе. Я признаю лишь одну расу — и эта раса — человѣчество.

— — — — —
Карахану не суждено покинуть пустынный островъ. Для него не наступятъ дни возвращенія съ Эльбы. Красный Наполеонъ не доживетъ до своихъ „ста дней“.

Онъ отлично знаетъ, что на всемъ земномъ шарѣ живо воспоминаніе о понесенныхъ потеряхъ, о милліонахъ принесенныхъ въ жертву жизней и несмѣтныхъ богатствахъ, разбѣянныхъ войною. Онъ знаетъ, что онъ не можетъ рассчитывать на то, что ему когда-либо удастся снова придти къ власти.

Но онъ продолжаетъ вѣрить, что посѣянные имъ сѣмена недовольства дадутъ пышные всходы, и что придетъ день, когда множество людей смѣшанныхъ расъ, унаследовавшихъ его кровь, отомстятъ за него.

К о н е ц ъ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.